РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(86)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия и риски глобализации
Russia and the Risks of Globalization

Рыночная трансформация и российский трудовой менталитет
Market Transformation and Russian Labor Mentality

Образование в России
Education in Russia

Первая мировая война и экономический рост в России
World War I and Russia's Economic Growth

Инновационные предприятия в России
Innovative Enterprises in Current Russia

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2015

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2015. – ISSN 1726–5223. – № 1 (86). – 225 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

От ИНИОНа – к ИНИОНу	6	*From INION to INION*
РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
Ю.К. Князев Риски глобализации и шансы России на упреждающее развитие	13	*Yu.K. Knyazev Risks of Globalization and Russia's Chances for Accelerated Development*
А.В. Гордон Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности»	30	*A.V. Gordon The Paradigm of Chinese Modernization in the Categories of «Second Modernity»*
РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		**RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**
Э.Н. Соболев Российские трудовые отношения и трудовой менталитет в условиях рыночной трансформации	48	*E.N. Sobolev Russian Labor Relations and Labor Mentality in the Conditions of Market Transformation*
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ		**PROBLEMS OF EDUCATION IN RUSSIA**
О.А. Донских О целях и средствах проведения образовательной реформы: Социологический анализ	58	*O.A. Donskikh On the Goals and Means of Implementing the Educational Reform: A Sociological Analysis*
Е.В. Кулагина Общее образование в условиях международной конкуренции: Ориентиры развития	66	*Ye.V. Kulagina Common Education in the Conditions of International Competition: Guide lines for Development*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.П. Булдаков
Первая мировая война как мерило российского экономического прогресса 78

В.М. Шевырин
Сотрудничество и борьба: Власть и общественные организации в годы Первой мировой войны 95

ПРОБЛЕМЫ СНГ

А.В. Шурубович
Модернизация экономики Белоруссии: Тенденции, проблемы, перспективы 124

Т.В. Соколова
Социальные грани пространства Южного Кавказа 143

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

Э.Я. Шейнин
Деловая среда и инвестиционная активность российских предприятий 156

И.В. Кутыкова
Историческое сознание учащейся молодежи: Поколение 1990-х годов 172

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Борко
Пятидесятники. (Часть 2) 181

WORLD WAR I: A HUNDRED YEARS AGO

V.P. Buldakov
World War I as a Measure of Russian Economic Progress 78

V.M. Shevyrin
Cooperation and Conflict: The Authorities and Public Organizations during World War I 95

THE CIS PROBLEMS

A.V. Shurubovich
Economic Modernization of Belorussia: Problems, Trends, Prospects 124

T.V. Sokolova
Social Sides of the South Caucasian Space 143

COMMUNICATIONS. REFLECTIONS. COMMENTS

E.Ya. Sheynin
Business Environment and the Activeness of the Russian Innovative Enterprises 156

I.V. Kutykova
Historical Consciousness of the Studying Youth: The Generation of the 1990' 172

PHENOMENOLOGY OF THE RUSSIAN SOCIETY

Yu.A. Borko
The Pyatidesiatniki. (Part Two) 181

О.В. Чуракова
Женские судьбы в 40–50-х годах XX в. в СССР. Браки с иностранцами 194

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П.М. Шульгин
Государственный доклад о состоянии культуры в России и реальное положение дел 199

В.В. Пацюков
Музей «Мураново» в исторической ретроспективе 210

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 219

O.V. Churakova
Marriages to Foreigners after The Great Patriotic War 194

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

P.M. Shulgin
The Government Report on the Condition of Culture in Russia and Real State of Affairs 199

V.V. Patsyukov
The «Muranovo» Museum in a Historical Retrospective 210

SUMMARIES 219

От ИНИОНа – к ИНИОНу

Давно известно, что невзгоды объединяют людей – россиян уж в точности. Пожар 30 января 2015 г. в здании ИНИОН РАН, названный президентом РАН В. Фортовым «гуманитарной катастрофой» (горели книги – носители гуманитарного знания), не разъединил, а, напротив, сплотил сотрудников ИНИОНа. Это не общность ламентаций у гроба покойника, это единение близких по духу людей, восстанавливающих поврежденный источник знаний.

Редколлегия и редакция журнала «Россия и современный мир» сегодня как никогда остро ощущают свое единство со всем коллективом и руководством Института научной информации по общественным наукам. Сразу же заявляем: чувство единения тем крепче, чем озлобленнее нападки определенных маргинальных сил в обществе на ИНИОН и его директора.

Эти нападки звучат чудовищным диссонансом с выражениями солидарности со стороны многих организаций и людей, глубоко озабоченных проблемами сохранения ИНИОНа как мирового культурного центра и сохранения артефактов культуры вообще. Одним из первых позвонил и заявил о своем искреннем сочувствии директор петербуржского «Эрмитажа» Михаил Пиотровский. Руководитель Росархива Андрей Артизов выразил готовность предоставить нам имеющиеся в его распоряжении технические средства спасения рукописей. *Более полусотни ведущих архитекторов и деятелей культуры столицы обратились к властям и общественности с призывом восстановить разрушенную часть Института и его библиотеки*, ибо утрата этого здания, спроектированного выдающимся советским архитектором Я. Белопольским, будет символизировать «деградацию и гибель культуры страны».

Из-за рубежа Германия предложила свою помощь передовыми технологиями сушки книг. «Если мы можем помочь что-то спасти, мы хотим сделать это», – заявил глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер. Директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон изъявил готовность предоставить электронные копии утраченных источников. Свою помощь предложило Министерство культуры Италии. Прислали соболезнования многие иностранные организации и учреждения.

ИНИОН заслужил все эти выражения сопереживания и сочувствия. «Комплекс ИНИОН РАН – символ российской науки и культуры», – говорится в письме пятидесяти архитекторов. Сотни молодых обществоведов получили путевку в большой мир науки, занимаясь в библиотеке Института и готовя диссертации. Тысячи, читая выпускаемые Институтом сборники аналитических и реферативных материалов, приобщались к мировому гуманитарному знанию в отсутствие других возможностей такого приобщения. Наши издания рассылались в другие библиотеки, университеты, учебные и исследовательские институты, государственные ведомства. Полагаем – с пользой.

И вот эта трагедия – разгул огня в хранилище с 10 млн фондовых экземпляров, читательских кабинетах и комнатах, где трудились десятки людей.

Здесь нет опечатки – хотя в средствах массовой информации постоянно фигурировала цифра в 14,8 млн изданий, в самом ИНИОН РАН размещались именно 10 млн, остальные 4 млн 800 тыс. находились и находятся в отделениях библиотеки в институтах РАН социального и гуманитарного профиля. И следовательно, речь идет о повреждении, полном или частичном, не всего 14-миллионного фонда, а полутора–двух миллионов книг и журналов, из которых, как говорят эксперты, немалую часть еще можно спасти. Это много, это очень много. Но это означает, что библиотека и Институт живы, они продолжают выполнять свои функции. Общественно полезные функции. Подчеркнем: уцелел фонд редких книг XVI и последующих веков, для него был предусмотрен особый режим хранения.

Мы выражаем особую благодарность тем, кто ценил по достоинству не только «мертвый» (и в то же время жизненно необходимый) библиотечный «капитал» ИНИОНа, но и реально живой капитал – его сотрудников. «Одно из главных достоинств ИНИОНа – образованные и думающие люди», – пишет в подборке материалов «МК» исследовательница из Университета Индианы (США) Инна Купер. «Такого невероятного скопления в одном месте высокообразованных, эрудированных людей с тонким вкусом и острым умом я больше потом не видела за всю жизнь», – свидетельствует Юлия Калинина, одно время работавшая в Институте.

Эти эрудированные люди во главе с директором Института в первые же сутки с начала пожара создали Чрезвычайный штаб ИНИОН РАН, который во взаимодействии с федеральными, городскими и муниципальными службами, с ФАНО и РАН организовал работу по эвакуации сохранившихся книжных фондов и восстановлению поврежденных. 4 февраля был создан Экспертно-аналитический совет при ИНИОНе для профессионального руководства этой работой.

Полным неуважением (если не сказать пренебрежением) к труду коллектива ИНИОНа продиктованы публиковавшиеся в ряде газет высказывания

некоторых персон, отрекомендованных в качестве читателей инионовской библиотеки: и душно там, и неуютно, и сотрудники медленно работают. Один из таких недоброжелателей договорился до того, что каким-то образом (экстрасенсорным?) видел мусор на крыше здания и вот-вот ожидал пожара; озлобленная дамочка не заметила ничего в парковой зоне ИНИОНа, кроме «обезображенных сухих деревьев» (да, *одно* дерево действительно высохло).

Помимо таких тирад в ряде СМИ из раза в раз появлялись совершенно ложные, ничем не подкрепленные утверждения. Наиболее характерные из них.

– Утрачен каталог фондов. (Вранье! И читательский, и служебный каталоги полностью сохранились.)

– В Институте действовали коммерческие структуры, вытягивавшие деньги из читателей, и еще какие-то «ларечники». (Вранье! Плата взималась только за ксерокопирование, а то, что никаких ларечников в здании не было, знает всякий, кто бывал в нем.)

– Институту давали средства на оцифровку фондов, но они тратились не по назначению, иначе все книги были бы оцифрованы, ведь оцифровка одной страницы стоит всего 2 руб. (и уж не больше 5 руб.). (Вранье! Даже исходя из минимальной таксы в 2 руб. – помножьте два на десять миллионов единиц хранения, пусть на меньшее количество с учетом наличия вторых экземпляров, а затем еще крайне условно, скажем, на 100 страниц первых экземпляров – и вы поймете, что таких денег у российского академического института и в помине не было.)

Вообще-то, дорогие читатели, разве найдется хоть один из вас, кто не знал бы, что российская наука, включая РАН и ее учреждения, в том числе ИНИОН, хронически недофинансировались? Что на фундаментальные исследования в России государство выделяло в разы меньше бюджетных средств, чем в Европе и Америке? Если говорить конкретно о средствах, полученных ИНИОНом на обеспечение пожарной безопасности, то в последний раз Институт получил на эти цели всего 2 млн руб. в 2013 г.

По сравнению со многими другими академическими учреждениями у ИНИОНа было гораздо меньше возможностей заниматься разрешенной хозяйственной деятельностью. По данным СМИ, в РАН в целом сдавалось в аренду порядка 6% занимаемых площадей; в ИНИОНе эта цифра не превышала 3%. Это понимает любой, кто хоть раз побывал в здании Института и видел, как много в нем было нефункционального пространства. (Хотя, заметим между строк, трудно переоценить благотворное влияние красивых экзотических деревьев и растений у читательских залов третьего этажа на подъем творческих сил работающих.).

Вопросы финансирования ИНИОН РАН и его библиотеки, возможного и необходимого пределов, как и вопросы использования выделявшихся средств –

предмет отдельного анализа. Рано или поздно такой анализ будет сделан, и архиважно, чтобы он был точным и объективным.

Объективности критически не хватает многим массмедийным публикациям о случившемся. И просто поражает оголтелая предвзятость некоторых из них.

В отдельный сюжет, связанный с пережитой Институтом трагедией, вырисовывается акцент СМИ на творчестве его директора, члена редколлегии журнала «Россия и современный мир» академика Юрия Сергеевича Пивоварова.

Здравомыслящий человек вправе спросить: какая связь между бедой, постигшей Институт, и научными трудами его руководителя? В чем резон вместо выражения сочувствия коллективу Института и его руководству заниматься выявлением точки зрения директора на те или иные проблемы истории, философии, политики? Как это может помочь восстановлению ИНИОНа, о чем принято постановление правительства?

Приведем выдержку из «Заявления Вольного исторического общества о ситуации вокруг ИНИОН РАН»: «К сожалению, напряженная работа по спасению фондов ИНИОНа происходит на крайне неблагоприятном, агрессивном информационном фоне, что совсем не способствует ее успеху. Вопреки официальным высказываниям в поддержку Института, в эфире ряда телекомпаний в последнее время разворачивается настоящая травля директора ИНИОНа Ю.С. Пивоварова. Туманные конспирологические рассуждения о причинах пожара сменились обвинениями Ю.С. Пивоварова в коррупции, расхищении фондов библиотеки и чуть ли не в ее поджоге для того, чтобы замести следы, а также уничтожить якобы имевшиеся в ИНИОНе документы, компрометирующих неких «либералов».

Никаких фактов при этом не приводится, все строится на домыслах, предположениях и мнениях, а в качестве «экспертов» используются далекие от науки одиозные фигуры. При этом в ряде средств массовой информации эти обвинения напрямую связывают с общественной позицией Ю.С. Пивоварова и его высказываниями на темы истории России XX в., которые являются предметом его профессиональных занятий. Считаем совершенно недопустимым использование трагедии ИНИОНа для сведéния политических счетов с его директором.

А теперь посмотрим, кто именно и какие диатрибы сочиняет в адрес нашего коллеги.

Пожалуй, самой одиозной – дало дорогу в свет некогда почтенное Агентство политических новостей (АПН). Некто Диков в экзерсисе, названном «Месть либерастов», утверждает, что «пожар был спланированной акцией по уничтожению культурных памятников России с целью переписывания

и фальсификации отечественной истории… отработкой новой технологии уничтожения интеллектуального потенциала России ее врагами». Эти обвинения, объектом которых стал Юрий Сергеевич, вызывают в памяти фигуру времен Гражданской войны в кожанке с маузером и блюмкинским менталитетом. Кредо Дикова: «Любая гипотеза имеет право на существование». Отсутствие логики, не говоря уже о доказательствах, не беда. У России есть внешние враги (а у какой мировой державы их нет?), следовательно, они и заказали пожар нашим отечественным «либерастам», чтобы переписать российскую историю. Как переписать? Возможно ли такое? Какая здесь связь? – это современных блюмкиных не интересует. В медийное пространство вброшен гнусный вымысел, и кто-то, возможно, ему поверит. Даже тому, что в каких-то анонимных зарубежных «центрах» замечено «ликование» по поводу нанесенного библиотеке ИНИОНа ущерба. Видимо, в этих «центрах» утрата и порча находившихся в открытом читателям доступе книг приравнивается к победе в холодной или горячей войне. (О действительной реакции за рубежом см. выше.)

Газета «Наша версия», специализирующаяся на сенсациях, подлинных и мнимых, видит цель «поджога» ИНИОНа в том, чтобы «уничтожить документы, подтверждающие права России на долю в ФРС США». Мы не будем комментировать отсылки газеты к интервью с историком С. Желенковым, анализировавшим процесс становления американской Федеральной резервной системы – эту проблему никто из нас не изучал. Но ответственно заявляем, что никаких документов относительно прав России на долю в ФРС США в библиотеке ИНИОН РАН нет, не было и не могло быть. Уважаемые читатели! Вас, извините, держат за «лохов» – вдумайтесь, разве такого рода наиважнейшие государственные документы хранятся в библиотеках открытого доступа? А если бы хранились, разве это не было бы выявлено десятки лет назад?

Все инсинуации по поводу личной причастности Ю.С. Пивоварова к возникновению пожара – как были, так и остаются инсинуациями. *С нашим коллегой банально сводят счеты его идеологические противники.* Открытому и аргументированному научному диспуту они предпочитают призывы к расправе, бредовые гипотезы и откровенную ложь.

При этом тексты и контексты работ Ю.С. Пивоварова кромсаются, перетусовываются и переиначиваются. Возьмем для примера обвинения Ю.С. в желании «расчленить» Россию в интересах Запада. Они строятся на одной-единственной фразе о том, что России будет трудно освоить необъятные ресурсы Сибири и Дальнего Востока без участия зарубежных инвесторов. Но ведь проблема иностранных концессий на территории страны поднималась и советским, и царским правительствами! Анализ различных сценариев развития Российской Федерации, включая самые пессимистические, – святая

обязанность отечественных обществоведов, и именно замалчивание опасностей, сглаживание углов противоречит духу патриотизма. Лучшие российские умы в начале прошлого столетия предупреждали о грозящей России революции, но разве они ее хотели?

Сейчас мы имеем дело с гонением на мысль в чистом виде, преследованием за убеждения. Никаких подрывных деяний директор гуманитарного академического учреждения совершить не мог. И даже вменяемая ему в вину сдача в аренду помещений для Центра информации по изучению проблем европейской безопасности, Германского исторического института и информационно-исследовательского центра Франции была осуществлена во исполнение межгосударственных соглашений, заключенных Россией с ФРГ и Францией. В любом случае, какое это имеет отношение к пожару, подсчетам убытков, просушке и оцифровке книг и т.д. и т.п.?

Не вызывает большого удивления то, что к гонениям на нашего коллегу активно подключились коммунисты. Эстафета травли инакомыслящих принята КПРФ от КПСС. Агитпроповский отдел этой партии на своем сайте в Интернете проявил себя и в прямой лжи, утверждая, что погибло от четверти до трети из 16 млн единиц хранения (напомним: в разрушенном здании находилось только 10 млн, пострадало 15–20% фонда), и в лживых намеках на финансовую состоятельность директора ИНИОНа (у которого, кроме двухкомнатной квартиры в Москве, нет другой недвижимости ни в России, ни за рубежом, нет ни машины, ни дачи).

«Полезно было бы провести социологический опрос среди сотрудников ИНИОНа на тему отношения к итогам деятельности Пивоварова и его 17-летнему правлению», – рефлексирует Диков. Уже сделано: на собраниях коллектива Института и заседаниях Ученого совета Юрий Сергеевич практически единогласно четырежды выдвигался на пост директора ИНИОН РАН.

Впрочем, не так уж важно, насколько морально чистоплотны авторы отдельных антипивоваровских выступлений. Гораздо важнее то, что эти выступления сплетаются в кампанию травли одного из наиболее талантливых исследователей русской политической философии и российской истории XX в. Такие кампании имеют обычно организаторов, и, заразившись их конспирологическим азартом, можно было бы в список версий причин пожара внести еще одну: поджог был инспирирован теми, кто рядится в ультрапатриотические одежды, люто ненавидя просвещенный и совестливый патриотизм, берущий начало еще от П.Я. Чаадаева.

Но ИНИОН жив. ИНИОН продолжает работать в новых условиях, готовясь к тому, чтобы к 2018 г. – а это год столетия Фундаментальной библиотеки общественных наук – осуществить комплексную модернизацию своей

научно-информационной деятельности. С этой целью начинается разработка «Программы ИНИОН – 2018».

Вспоминаются теплые слова писателя Льва Кассиля: «Шуршат страницы в тишине библиотек, это самый замечательный звук из всех, которые я слышал». Так и будет! Страницы будут шуршать на столах читателей библиотеки Института научной информации по общественным наукам; сотрудники ИНИОНа будут листать поступающую литературу, чтобы подготовить очередной сборник проблемных научно-информационных трудов.

Коллеги журналисты! Убедительно просим вас не публиковать об ИНИОНе и его директоре бездоказательных, не подтвержденных фактами версий произошедшей драмы. Обращайтесь за информацией в компетентные ведомства.

Редколлегия и редакция журнала «Россия и современный мир»

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Ю.К. Князев

РИСКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ШАНСЫ РОССИИ НА УПРЕЖДАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Объективный процесс глобализации и его негативные последствия

Широко применяемый сегодня термин «экономическая глобализация» означает новую, современную стадию интернационализации мирохозяйственных связей. Эта стадия есть продолжение процесса межгосударственного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе, и ее специфика состоит в том, что теперь интернационализация стала охватывать всю территорию земного шара. Глобализация – это неизбежный этап развития рыночных отношений, которым стало тесно в рамках отдельных стран, межсоседских двусторонних и региональных торгово-экономических связей.

Выход на широкую всемирную арену, предпринимавшийся некогда лишь отдельными наиболее авантюрными купцами и промышленниками, принял постепенно массовый характер и привел во второй половине XX в. к возникновению транснациональных корпораций (ТНК), сложившихся вокруг наиболее сильных национальных компаний, которым под международным брендом легче было проникать в пространство других стран. В интересах ТНК и поддерживавших их государств были сформулированы и реализованы современные принципы свободы торговли, открытости национальных экономик, либерализации трансграничного передвижения товаров, капитала и рабочей силы. Воплощением и защитой этих принципов стали созданные по инициативе наиболее развитых стран Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО) и ряд других международных институций. Хотя такая глобализация сегодня выгодна преимущественно крупным и мощным страновым и транснациональным игрокам, доминирующим на мировой арене, она была объективно

обусловлена самой эволюцией рыночного хозяйства в его капиталистической ипостаси.

Интернациональная часть мировой экономики включает:

1) внестрановые сегменты внешних секторов национальных экономик;

2) внутристрановые сегменты внешних секторов национальных экономик;

3) межстрановый (транснациональный) сектор мировой экономики.

Национальные экономики разными путями все больше втягиваются в формирующуюся глобальную экономику. Внешнеторговая деятельность длительное время осуществлялась под строгим контролем государства, которое с помощью таможенных пошлин и иных средств защищало отечественное производство, а также оказывало протекцию национальным фирмам за границей. Постепенно крупные игроки на мировых рынках осознали, что государственные защитные меры препятствуют их внешней экспансии и начали лоббировать смягчение, а затем и снятие протекционистских механизмов.

Понимание в развитых странах выгодности и неизбежности выхода отечественного бизнеса на международную арену заставило перестроить внутреннюю хозяйственную среду, приспособив ее к начавшейся внешней экспансии. Именно эту цель преследовала идеология неолиберализма, победившая в США под названием «рейганомика», в Великобритании, получившая имя «тэтчеризм». Провозглашенная в 80-е годы прошлого века глобализация как раз и состояла в освобождении отечественных компаний от чрезмерной внутренней регламентации и переориентации их на проникновение в другие государства, которые в свою очередь вынуждены были открыть свои границы не только для зарубежных товаров, но и для иностранных инвестиций и бизнеса. Это дало возможность транснациональным корпорациям открывать свои филиалы сразу во многих странах, в результате чего они превратились в гигантские и вездесущие сетевые системы.

Теоретическое обоснование объективной необходимости и всеобщей выгодности разделения труда по общемировым, а не национально-государственным критериям вполне корректно, если не принимать во внимание разный уровень экономической развитости стран, из-за которого общие стандарты оборачиваются для них далеко не одинаковыми последствиями. Очевидно, что менее развитые страны и их отечественные производители не могут выдерживать открытой конкуренции со стороны более сильных контрагентов и потому обречены не только на постоянное отставание, но и на деградацию и исчезновение в качестве самостоятельных хозяйственных единиц. Равноправное соревнование с целью выявления более эффективных участников и с возможностью подтягивания отстающих до уровня передовых возможно только в идеальной конкурентной среде с примерно равными по силе партнерами. Нынешняя же международная среда не является таковой,

и поэтому вырвавшиеся вперед игроки не позволят отставшим догнать себя и сделают все, чтобы уничтожить более слабых конкурентов. Единственный способ выжить в таких условиях – не соглашаться с нынешними правилами глобализации и защищать свои национальные интересы, укрепляя страновую экономику и участвуя в региональных интеграционных объединениях, устанавливающих более щадящий режим сотрудничества для своих членов.

Сознавая это, серьезные аналитики подвергают критике сложившиеся в мировой экономике порядки и пытаются внести ясность в понимание сути происходящих процессов, традиционно характеризуемых как «экономическая глобализация». Помимо уточнения самого этого термина многие авторы предлагают новые понятия, призванные разграничить разные стороны и этапы общего движения всемирного хозяйства в направлении усиления интернационализации. Заметна тенденция считать мировой экономикой совокупность, сумму всех видов хозяйств на земном шаре, куда включаются страновые экономики, а также межстрановые и внестрановые хозяйственные образования (международные экономические и финансовые организации, самостоятельные финансовые центры, биржи, страховые и рейтинговые агентства, двусторонние и многосторонние межгосударственные объединения).

В отличие от мировой экономики в вышеуказанном понимании предлагается понятие «геоэкономика», обозначающее будущее полностью интегрированное мировое хозяйство, а также часть современной всемирной экономики, уже находящейся за пределами чисто страновых народнохозяйственных комплексов. Такой позиции придерживается, в частности, белорусский экономист И. Новикова: «Глобализация экономики – это процесс, в конце концов ведущий к геоэкономике, иными словами, к созданию экономики, способной работать как единый организм в рамках всего земного шара. Соответственно, ее компонентами будут не национальные государства, не совокупность национальных экономик, а “внешние части национальных экономик”. По сути, они функционируют (или правильнее сказать, должны функционировать) по законам рынка и конкуренции в геоэкономике»[1]. Автор уточняет, что «геоэкономика – это карта без границ, без государств», а внешние части национальных экономик – это те ее сегменты, которые трансформировались во внешние экономики посредством ТНК, региональных группировок, особых экономических и приграничных зон, двусторонних соглашений о свободной торговле, кластерно-сетевой регионализации[2].

1. Новикова И. Модернизация национальных экономик и кластерно-сетевая регионализация как императивы вхождения в геоэкономику // Мир перемен. – 2013. – № 3. – С. 79–80.

2. Там же. – С. 80.

Трудно сказать, какой термин окончательно приживется, но интегрированную в планетарном масштабе экономику можно по аналогии с процессом глобализации продолжать называть глобальной в отличие от мировой экономики, представляющей собой нынешнее международное, мультистрановое образование. Думается также, что создание глобальной экономики нельзя себе представлять только как расширение «внешних частей национальных экономик» и их слияние в единое интегрированное мировое хозяйство. Процесс глобализации втягивает не только внешние сектора, но и оказывает сильное влияние на страновые экономики в целом, которые сами по себе меняются, приспосабливаясь к мировым интеграционным процессам. Иначе говоря, глобальная экономика складывается постепенно и разными путями, которые все ведут к реализации единой объективно обусловленной цели – интеграции экономики во всемирном масштабе.

Некоторые актуальные проблемы, возникающие в процессе глобализации

Зарождение и утверждение в ходе глобализации разных форм и секторов межгосударственного и внегосударственного сотрудничества поднимает ряд вопросов, так или иначе решаемых практически, но не нашедших еще своего теоретического объяснения.

Самая очевидная проблема заложена в статистическом отображении масштабов интернационального сектора в страновой экономике, который включается в общестрановые показатели, хотя он одновременно является внешней частью экономики другого государства. Поскольку рост такого сектора служит одним из критериев уровня интернационализации мирового хозяйства, его выделение в статистических сведениях крайне необходимо. Кроме того, безоговорочное включение его в страновую экономику оказывает плохую услугу последней, представляя ее более значимой, чем она того заслуживает. И дело не только в том, что реальные плоды, полученные в этом секторе, забирают иностранные субъекты хозяйствования (речь идет прежде всего о прибыли, репатриируемой в материнские центры).

Главное состоит в том, что иностранные филиалы не чувствуют себя прочно интегрированными в местную хозяйственную ткань и могут беспрепятственно покинуть страну пребывания, перебравшись туда, где сложатся более благоприятные условия для ведения бизнеса. Конечно, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и созданные иностранцами производства приносят пользу принимающей стороне (открываются новые рабочие места, уплачиваются налоги в местные бюджеты, пополняется внутренний рынок нужными товарами и услугами, внедряются современные технологии). Но в то же время они составляют серьезную конкуренцию отечественному

бизнесу и часто препятствуют его развитию. Создается своеобразный дуализм в экономике страны, где сосуществуют два разновеликих сектора, мало между собой связанные и относящиеся друг к другу с плохо скрываемым подозрением.

Включение добавленной стоимости, произведенной в интернациональном секторе, в общий ВВП страны, а его экспортируемой продукции – в ее совокупный экспорт искажают эти показатели и создают неверную картину жизнеспособности страновой экономики. Особенно это касается тех государств, где, как, например, в Венгрии, значительная часть промышленности и почти вся банковская и страховая сфера принадлежат иностранцам. В годы последнего мирового кризиса наблюдался резкий отток иностранного капитала из стран Центрально-Южной Европы и снижение кредитной активности работающих там банков. Применяемый в статистике территориальный (пострановой) принцип презентации экономических сведений должен быть дополнен данными, относящимися только к интернациональному сектору, на величину которого следует корректировать (уменьшать) страновые показатели.

Особенно необходимо это делать при подсчете прямых иностранных инвестиций и иных финансовых поступлений из офшорных юрисдикций. Неправомерно, к примеру, относить исключительно к кипрским финансовым активам ПИИ и кредиты, поступающие с Кипра в Россию. Хотя международной статистикой эти средства фиксируются как кипрские, фактически они вкладываются не Кипром, а зарегистрированными там филиалами иностранных корпораций и банков, в том числе и российских. Получается, что «убежавший» из России капитал частично возвращается обратно, лишь формально дважды пересекая кипрские границы, а фактически имеет место банальный уход от российских налогов в ходе превращения полученных в России прибылей в якобы иностранные кредиты. Статистические данные о размерах поступивших в Россию ПИИ и кредитов с Кипра, Виргинских островов, из Нидерландов и других офшорных территорий вуалируют тот факт, что эти средства принадлежат не им, а совсем другим вкладчикам и кредиторам, которые там формально зарегистрированы и получают посреднические услуги, но делают бизнес в другом месте. Несмотря на фиксируемый статистикой большой приток ПИИ из офшоров, в странах-реципиентах реальные инвестиционные проекты осуществляются не киприотами или голландцами, а головными фирмами, расположенными в других странах, не считающихся настоящими инвесторами.

Некоторые застарелые проблемы, на которые продолжают указывать отдельные эксперты, фактически перестали быть таковыми в условиях высокой степени открытости национальных экономик. Серьезным недостатком внешней торговли многих стран по старинке считается ее дефицитность. На самом же деле внешнеторговый дефицит сегодня уже не является признаком слабости

отраслевой структуры экономики, если обеспечивается общее позитивное сальдо текущего платежного баланса страны. Да и в двусторонних отношениях между странами торговый дефицит одной из них, как правило, не служит препятствием для развития экономических связей, так как взаимные платежи осуществляются регулярно за счет валюты, получаемой от экспорта в другие страны.

Наличие внешнеторговых дефицитов в условиях конвертируемости валют и отказа от клиринговых схем расчетов не свидетельствует о росте глобальных финансовых и материальных дисбалансов, если только покрытие дефицитов не осуществляется за счет сомнительных международных кредитов, постоянно увеличивающих внешнюю задолженность соответствующих стран. Тот факт, что США стали импортировать из Китая ширпотреб, производство которого было сознательно перемещено в страну с дешевой рабочей силой, не создает дисбаланса платежных средств. Американским потребителям все равно, кому платить за покупаемые товары – своим или иностранным производителям. Главное, чтобы сохранялся их платежеспособный спрос. А он действительно сохраняется, так как китайские товары раскупаются в тех же объемах, что и в случае их производства американскими предприятиями. Проблема не в том, что товары производятся за границей, а в том, чтобы спрос на них формировался за счет внутренних источников, а не иностранных заимствований. И если американские власти заговорили о необходимости возвращения части производства из Китая, то делают это они ради снижения безработицы, а не в целях экономии платежных средств, которые лишь увеличатся из-за более высоких издержек.

Хотя все большее место в транснациональных операциях занимают сделки в виртуальном пространстве (на электронных биржах, в Интернете), тем не менее реальный бизнес осуществляется на территориях конкретных стран. Эта территориальная привязка бизнеса будет сохраняться и в дальнейшем, что делает преждевременными попытки списать со счетов страновые экономики, провозглашая ареной хозяйствования якобы нераздельное мировое пространство. Более того, опыт переживаемого мирового кризиса, уязвимость национальных экономик перед лицом неурядиц, привносимых из-за границы, заставляет пересматривать прежние представления о безусловной полезности глобализации и всемирной интеграции.

С возникновением региональных кластеров и всемирных сетей некоторые авторы поспешили заявить о начавшемся в мире переходе от жесткой вертикально-иерархической к более гибкой кластерно-сетевой организации производства, исследований и управления. На самом же деле прежние модели ведения бизнеса не исчезли, а лишь дополнились новыми формами, адекватными эпохе глобализации. Специализированные региональные кластеры не смогли разрушить многоотраслевые территориально-производственные

комплексы, которые модернизировали свои структуры в соответствии с новыми веяниями. Точно так же производственные и торговые сети не отменили централизованное управление, которое просто стало более мягким с учетом большей самостоятельности территориально удаленных от центра филиалов. Единоначалие и жесткое внутрифирменное планирование остаются, и их не в силах отменить межстрановая либерализация эпохи глобализма. Более того, кластерно-сетевая система не мешает продолжающейся централизации капитала. Проведенные в Цюрихском университете исследования на основе листинга 37 млн компаний и инвесторов по всему миру показали, что среди 43 063 ТНК выделяются 1318 корпораций, обладающих огромным влиянием на мировую экономику. Каждая из них акционерно связана как минимум с двумя, а в среднем с 20 другими компаниями, что позволяет им вместе концентрировать 60% всех мировых доходов через их доли в капиталах этих компаний, хотя на них самих приходится только 20% глобального объема оперативной прибыли[3].

Процесс глобализации идет при весьма разном уровне экономического развития стран мира. Сравнительно небольшая группа государств, входящих в ОЭСР, имеет подавляющие конкурентные преимущества перед остальными странами, у которых практически нет шансов уменьшить свое отставание в условиях, действующих на мировых рынках всеобщих правил торговли и ведения бизнеса. «…Страны, по каким-либо причинам не вписывающиеся в параметры, задаваемые глобализацией, вынуждены оставаться на обочине мирового развития, лишаясь доступа ко многим ее благам», – справедливо считает А. Эльянов[4]. Следует, однако, отметить, что хотя и медленно, но развивающиеся страны в целом увеличили свою долю в мировой обрабатывающей промышленности с 13,4% в 1970 г. до 25,8% в 2000 г., т.е. почти вдвое. Из-за неблагоприятных последствий глобального кризиса для развитых стран доля развивающихся государств к 2010 г. выросла до 41,2%. Этого нельзя сказать о странах с переходной экономикой, удельный вес которых в указанных отраслях все время уменьшался (с 18,8% в 1970 г. до 3% в 2010 г.). Но и развивающиеся государства усилили свое отставание от развитых по доле высокотехнологичной промышленной продукции в общем производстве: если в 1995 г. разрыв составлял 10,8 процентного пункта, то в 2009 г. он уже составил 20,6 процентного пункта (43,0% против 63,6%)[5].

3. Glattfelder G.B. Ownership Networks and Corporate Control. Mapping Economic Power in a Globalized World. – Zurich. 2010. – P. 258.

4. Эльянов А. Экономическая дифференциация мира // Общество и экономика. – 2013. – № 6. – С. 32.

5. Там же. – С. 33–34.

Практика вхождения в рынок постсоциалистических стран убедительно показала, что подавляющее большинство отраслей промышленности обречено на исчезновение или деградацию перед лицом более сильных иностранных конкурентов. Даже вошедшие в ЕС государства вынуждены довольствоваться развитием туризма, сферы обслуживания и транспортной инфраструктуры, не помышляя о промышленном и инновационном возрождении. Те же, кто не желает смириться с уготованной им судьбой, могут уповать лишь на якобы живительное воздействие свободного рынка, который на самом деле не позволяет переломить неблагоприятную инерцию и найти способы ускорения экономического роста. Большинство отставших стран не в состоянии совершить резкий поворот в своей судьбе в силу отсутствия нужных природных ресурсов и научно-технических возможностей.

Одним из эффективных путей сохранения занимаемых позиций для отстающих в развитии стран служит их участие в разных интеграционных объединениях на региональной основе. Таких региональных объединений по всему миру насчитывается около трех десятков. Типы их различны и они отражают разные ступени процесса интеграции, на которых находятся соответствующие группы стран. В мире в настоящее время действуют 12 зон свободной торговли, шесть таможенных союзов, четыре общих рынка и пять экономических и валютных союзов[6].

Наряду со строго региональными образованиями появляются и более широкие по охвату стран объединения, решающие задачи разнообразного плана, а не только налаживания тесного интеграционного сотрудничества. К таковым можно отнести группировки G 8 и G 20, в которых координируются действия входящих в них стран по вопросам общемирового значения, а также ОЭСР, объединяющая наиболее развитые страны мира с целью содействия их экономическому развитию и взаимному сотрудничеству.

Не по региональному принципу создана группировка пяти наиболее крупных развивающихся государств под названием БРИКС, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. Помимо политических мотивов их объединения, преследующего цель усиления их влияния в мире, эти страны на своих саммитах принимают решения об углублении их внешнеэкономических связей (о расширении взаимной торговли, использовании национальных валют в расчетах, предоставлении друг другу кредитов, формировании общего валютного фонда содействия экономическому развитию). Предпринимаемые реальные шаги по интенсификации многостороннего экономического сотрудничества позволяют рассматривать

6. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕврАзЭС. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2012. – С. 24–25.

БРИКС как интеграционное объединение, строящееся не по привычному региональному принципу, а по образцу сетевых компаний. Это не региональная, а сетевая интеграция стран, расположенных в разных частях света (в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке).

Недостаточная эффективность управления глобальной экономикой

Важнейшей проблемой современной глобальной экономики является ее управляемость. Если прежние самостоятельные государства довольствовались своими внутренними управленческими системами и не сильно зависели от внешних условий товарообмена, то по мере глобализации необходимость в общеприемлемом международном регулировании становится все очевиднее. Глобальные кризисы еще больше актуализируют эту проблему. Неслучайно, что сегодня эти вопросы все больше привлекают внимание разных аналитиков.

До сих пор решающую роль в выработке и применении общемировых правил хозяйствования играли наиболее мощные государства, диктовавшие свою волю другим странам. В настоящее время «законодателями мод» выступают США, сменившие в этом качестве «владычицу морей» Британскую империю. Некоторые авторы задаются сегодня вопросом, куда может переместиться нынешний мировой экономический центр и каковы будут последствия такого перемещения. Так, Дж. Арриги проделал любопытный экскурс в историю ради уяснения причин смены одних мировых центров другими[7]. Отталкиваясь от этого анализа, Е. Балацкий попытался сформулировать некоторые закономерности этого процесса и взвесить шансы возможных претендентов на место будущего руководящего центра. При этом к сожалению, был применен чисто механистический подход, предполагающий учет исключительно формальных признаков при игнорировании сущностных характеристик, позволяющих странам занимать те или иные позиции в мировой табели о рангах.

Главными критериями, согласно которым страна может претендовать на роль мирового центра, Е. Балацкий считает размер территории, численность населения и объем ВВП, которые обязательно должны превышать показатели предыдущего носителя этого титула. При этом не принимаются во внимание ни пригодность наличных земель к использованию и их богатство природными ресурсами, ни трудовые и креативные способности населения. Получается, что Китай и Россию нельзя рассматривать в качестве конкурентов

7. Арриги Дж. Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. – 2009. – № 1.

США, так как первый не обладает достаточной территорией с фертильной почвой, а вторая – превосходящей численностью населения. И если, например, России все-таки удастся нарастить свое население и стать мировым центром, то она, по логике автора, останется таковым навсегда, так как на земном шаре не существует более обширной страны.

Несмотря на очевидные успехи Китая в экономическом развитии и его превосходство над США в размерах территории и численности населения, автор почему-то отказывает ему в лидерских перспективах: Китай «способен дать мировому капиталу территориальный прирост по сравнению с США лишь на 2% на фоне демографического выигрыша на 320%. Такая диспозиция двух факторов глобализации является нетипичной, а имеющиеся диспропорции следует признать чрезмерными. Можно сказать, что КНР опередила естественный ход истории, нарастив человеческую биомассу страны еще до того, как начала притягивать мировой капитал. Эти факты говорят о том, что Китай, строго говоря, плохо подходит на роль нового МЭЦ. По крайней мере, в мировой истории подобные прецеденты пока не имели места»[8]. Напрашивается простенький комментарий к процитированным словам: если новые факты не вписываются в предложенную схему, то, прежде чем их отвергать, следует задуматься, насколько правильна сама эта схема.

Гораздо большую практическую ценность имеют реальные механизмы, использующиеся в настоящее время для управления и саморегулирования мировых экономических процессов. Л. Григорьев и А. Курдин перечисляют следующие типы регулирования, применяющиеся для решения международных проблем[9]:

1. Международное управление через организации с самостоятельным менеджментом, но под эгидой великих держав (к их числу относятся МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и другие банки развития, ВТО).

2. Международное регулирование через организации, выполняющие рекомендательно-консультативные и арбитражные функции (МЭА, ИКАО, МОТ, ЮНКТАД, Безельский комитет по банковскому надзору).

3. Международные двусторонние и многосторонние соглашения со встроенными механизмами их реализации (межправительственные соглашения, международные отраслевые организации, стандартизирующие деятельность экономических агентов, соглашения по экологии и биоразнообразию).

8. Балацкий Е. О возможной смене глобального лидера мировой экономики // Общество и экономика. – 2014. – № 1. – С. 13–14.

9. Григорьев Л., Курдин А. Механизмы глобального регулирования: Экономический анализ // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 11–13.

4. Международные рамочные соглашения, конвенции, декларации, относящиеся к решению конкретных всемирно важных проблем (например, UNFCCC – Комиссия ООН по климату).

5. Негосударственные сетевые организации глобального гражданского общества (Greenpeace, WWF и другие подобные неправительственные организации).

6. Постоянные или временные организации групп стран, так или иначе воздействующие на глобальную экономическую деятельность (ЕС, АТЭС, АСЕАН, другие региональные интеграционные объединения, зоны свободной торговли, ОПЕК, БРИКС, прочие целенаправленные союзы, картели и клубы стран).

7. Самостоятельная деятельность экономических агентов на саморегулируемых мировых площадках (на организованных рынках товаров и услуг, фондовых и валютных биржах).

Необходимость в регулировании процессов глобализации намного возрастает в условиях затянувшегося мирового кризиса, возникшей потребности преодоления его последствий и предотвращения новых кризисных ситуаций. Кризис обострил прежние общемировые проблемы (растущую пропасть между богатыми и бедными странами и слоями населения, ухудшение экологии окружающей среды, исчерпание природных ресурсов, расширение нелегальной миграции и криминального бизнеса) и обнаружил новые, связанные с функционированием мировой финансовой системы (рост фиктивного капитала на кредитных, валютных, фондовых и сырьевых рынках, чрезмерное увеличение долговой задолженности государств, корпораций и частных лиц, хроническая дефицитность государственных бюджетов, внешнеторговых и платежных балансов многих стран).

Вызвавшие кризис проблемы были обозначены в ходе заседаний саммитов 20 крупнейших государств (G 20), на которых сформулированы меры по оздоровлению мировой финансово-экономической архитектуры, включающие «прежде всего усиление регулирования капитала и уровня ликвидности банков, разработку регулятивных норм для крупных финансовых институтов, формирование единых глобальных стандартов бухгалтерской отчетности, развитие макропруденциального регулирования в финансовом секторе, упорядочивание рынков деривативов, перестройку деятельности рейтинговых агентств, пересмотр практики вознаграждения в финансовых учреждениях»[10]. Практическая реализация этих мер частично уже началась по линии ряда международных финансовых организаций и правительств крупнейших госу-

10. Кондратов Д. Глобальные дисбалансы в мировой экономике // Общество и экономика. – 2014. – № 1. – С. 36.

дарств, однако противоречивость их интересов сдерживает завершение этой полезной работы.

Можно указать на множество других реальных проблем, порождаемых экономической глобализацией, и на растущие риски для менее развитых стран и неблагополучных слоев населения. Изучение возможных перспектив развития этого процесса также не внушает большого оптимизма[11]. С учетом этого важное значение приобретает анализ шансов России на благоприятное развитие в условиях глобализирующегося мира.

Возможности России противостоять негативным эффектам глобализации

После распада Советского Союза и проведения рыночных реформ Россия к настоящему времени оказалась в положении государства так называемого третьего мира, т.е. пополнила многочисленное семейство отстающих в развитии стран, которые хоть и называются развивающимися, но прогрессируют весьма медленно за исключением узкого круга государств (членов группировки БРИКС, например), которые действительно догоняли в последние годы ушедший далеко вперед авангард. Догоняющее развитие осуществлялось в основном за счет мобилизации собственных ресурсов (природных богатств или дешевой рабочей силы), обеспечивавших конкурентные преимущества перед технологически более развитыми странами. Однако эти преимущества временны, так как невозобновляемые сырьевые и энергетические источники быстро исчерпываются, а рабочая сила дорожает. Дальнейший экономический рост возможен лишь при условии встраивания отстающих стран в мировую инновационную систему, что для большинства из них является непосильной задачей. Только целенаправленное стремление любой ценой вырваться из технологической отсталости может помочь некоторым странам достичь передового уровня экономической развитости.

Постановка такой сверхзадачи, несомненно, по плечу современной России несмотря на пережитую недавно разруху и потерю двух десятков лет не просто топтания на месте, а всеобщей деградации в эпоху, когда передовые страны совершали технологический рывок, равный по времени по меньшей мере полстолетию. Но даже такое гигантское отставание не означает, что мы «отстали навсегда». Во-первых, никто не отменял закона неравномерного мирового развития, предполагающего замедление хода одних и внезапное ускорение движения других стран, выбивающихся в лидеры. А во-вторых, Россия еще не утратила своих естественных и исторических преимуществ,

11. См.: Мартынов А. Будущая глобализация мировой экономики // Общество и экономика. – 2013. – № 5.

к которым можно отнести ее уникальную географическую протяженность, разнообразное богатство природных ресурсов, образованный и креативный народ, накопленный опыт решения самых амбициозных задач, готовность жертвовать сиюминутными удобствами ради достижения лучшего будущего. Очевидно, что для рутинной и замедленной эволюции эти преимущества могут не понадобиться. Но они обязательно будут востребованы для совершения быстрого рывка, который только и может вывести страну на орбиту современного прогресса.

Нельзя при этом поддаваться на антипротекционистские призывы развитых государств, которые видят в сохранении открытости страновых экономик непременное условие выхода из нынешнего кризиса. Понятно, что максимальная открытость полезна прежде всего этим государствам, которые используют ее для своей экономической экспансии по всему миру. Но даже они не могут обойтись без собственных протекционистских мер. «Уже в первый год острой фазы глобального кризиса (с ноября 2008 г.) правительства разных стран, по оценке Центра по исследованию экономической политики (CEPR), ввели около 280 протекционистских мер. Почти половина – 121 мера приходится на страны G 20, которые особенно активно выступают за экономику без барьеров»[12]. Тем более не следует чрезмерно открываться агрессивному миру стране, которая ставит перед собой задачу экономической модернизации вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам.

Когда речь идет об отсталых странах, чаще всего говорится о стратегии догоняющего развития. Привычка равняться на передовых заставляет думать о неизбежном повторении пройденного ими пути, который позволил вырваться вперед. Да и условий, чтобы пойти собственной дорогой, у большинства стран просто нет за неимением накопленного опыта и необходимых ресурсов. Вместе с тем более дальновидные и амбициозные люди не исключают некоторых шансов на так называемое опережающее развитие. В свое время в ГДР был провозглашен лозунг «Перегнать, не догоняя». Имелось в виду не повторять все этапы проделанного ФРГ пути, а перескочить некоторые из них и оказаться сразу в выигрышном положении благодаря внедрению никому еще не известных передовых достижений. Можно также привести пример Монголии, которая пыталась перейти от феодализма к социализму, минуя капитализм. Несмотря на отсутствие удачных попыток обгоняющего развития, эта идея продолжает будоражить умы и в наше время. Она нашла отражение, в частности, в Итоговом документе состоявшегося в 2013 г. первого Московского экономического форума, в котором предлагается Стратегия опережающего развития, отличающаяся, по словам авторов, от других

12. Либман А., Хейфец Б. Зона свободных инвестиций // Общество и экономика. – 2013. – № 10. – С. 61.

модернизационных проектов выдвижением принципиально отличных от большинства стран целей развития и переходом к соревнованию с ними по иным критериям прогресса[13].

Предлагаемый по сути особый путь развития России не лишен словесной привлекательности, но вызывает сомнения в его реалистичности. На наш взгляд, более реально не опережающее, а ***упреждающее развитие***, которое строится на научном предвидении возможных вариантов общественного и технологического прогресса и выборе из них наиболее приемлемых и эффективных с учетом прежнего опыта как собственной страны, так и передовых государств. Идущие вслед за авангардом страны имеют возможность корректировать уже состоявшиеся образцы продвижения вперед, извлекать для себя уроки и избегать ошибок других. Они также могут вносить собственный вклад в поиск более совершенного и одновременно реалистичного направления общечеловеческого развития.

Некоторые авторы не исключают и появления коллективного проекта выживания в глобальном мире. Его, в частности, могут разработать для себя страны БРИКС. Такой суверенный проект, в противоположность идее структурного приспособления мировой периферии к порядкам, установленным МВФ, Всемирным банком, ЕС и США, должен стремиться к тому, чтобы приспособить эти порядки к нуждам развития отстающих стран[14]. Правда, не очень понятно, каким путем этого можно добиться в современных весьма жестких условиях всемирной конкуренции, когда решения о правилах игры принимают высокоразвитые и влиятельные страны вместе с контролируемыми ими же международными организациями. Поэтому наиболее реальным может быть вариант преодоления отсталости собственными средствами с опорой на дополнительные возможности соответствующего регионального интеграционного объединения.

Что касается России, то в практическом плане ее путь самостоятельного развития, предусматривающий решение собственными силами актуальных задач своего возрождения, видится во всемерном восстановлении разрушенного реального сектора экономики, в подъеме промышленности и сельского хозяйства, строительства, в создании передовой транспортной инфраструктуры, во внедрении инноваций на основе собственных научных исследований с использованием зарубежных технических достижений. Настоятельно необходимо изменить нынешний сырьевой вектор экономического развития, настроиться на создание инновационной экономики, которая предполагает

13. «Экономика для человека» – социально ориентированное развитие на основе реального сектора // Мир перемен. – 2013. – № 3. – С. 9.

14. См: Амин С. Новая империя? В поисках альтернатив гегемонии глобального капитала // Мир перемен. – 2013. – № 4. – С. 8–12.

постоянное обновление выпускаемой продукции. Очевидно, что для этого необходима современная технико-технологическая база, каковой сегодня Россия не располагает. Выход состоит в новой индустриализации страны, в возрождении машиностроения и приборостроения и их сердцевины – станкостроения, способного оживить автомобилестроение, авиационную промышленность, сельскохозяйственное машиностроение, судостроение и другие отрасли промышленности, включая легкую и пищевую.

Потребность в развитии российского народнохозяйственного комплекса становится особенно актуальной в условиях, когда США и Евросоюз в ответ на события в Украине применили к России санкции, направленные фактически на удушение ведущих отраслей национальной экономики и ограничение получения иностранных передовых технических достижений.

Необходимость в этом очевидна, только не очень понятно, как это можно сделать в наших рыночных условиях. Сегодня государство пытается регулировать сложившуюся ситуацию с помощью привычных средств универсального характера, обеспечивающих в основном текущие потребности нормального функционирования экономики и социальной сферы. *Для изменения же содержательной направленности экономического развития необходимо совершить крутой народнохозяйственный маневр*.

Чтобы обеспечить переход от сырьевой экономики к индустриально развитой, надо прежде всего понизить уровень рентабельности добывающих отраслей и увеличить за счет этого приток капиталовложений в обрабатывающую промышленность. Для этого необходимо повысить налогообложение сырьевого сектора и снизить налоги со станкостроительных и перерабатывающих сырье отраслей. Восстановление машиностроения и обрабатывающих производств потребует изменения кредитной политики банков, которая должна быть ориентирована на финансирование реального сектора экономики.

Изменения в отношении к добывающим и обрабатывающим секторам экономики недостаточны для переориентации на индустриально-инновационный тип развития. *Важно создать условия для возрождения собственной инструментально-станкостроительной промышленности и перспективных отраслей машиностроения*. Это можно сделать с помощью целевого снижения налоговых ставок, освобождения от налогообложения инвестиций на цели развития, льготного кредитования, поощрения инноваций и экспорта наукоемкой продукции.

Нехватки в конкретных и подробных разработках на эту тему не наблюдается. Недостаток многочисленных предложений подобного рода состоит в том, что они ограничиваются чисто количественными, преимущественно техническими параметрами. В них обходятся важные вопросы, касающиеся источников финансирования проектов, способов привлечения частных предприятий к выполнению конкретных заданий, условий реализации новой

продукции на рынке. Решение подобных частных, но исключительно важных вопросов потребует создания целостной концепции новой индустриализации и программы ее претворения в жизнь с определением места и роли каждой производственной отрасли в народнохозяйственном комплексе и их взаимодействия в сложных рыночных условиях с доминированием частной собственности. Для этого потребуется создать специальный правительственный орган, который будет на постоянной основе заниматься долгосрочным прогнозированием и стратегическим планированием экономического развития страны.

Конечно, выполнение народнохозяйственных планов в современных российских условиях должно осуществляться не командно-административными, а рыночными методами, причем государственные органы обязаны нести материальную ответственность за возможные просчеты. Решение конкретных задач должно предусматривать внятный алгоритм последовательных действий с использованием разных форм государственно-частного партнерства (совместного финансирования, госзаказов на разработку и производство новой продукции, контрактов на ее поставку потребителям и др.).

Поскольку даже самый совершенный рынок в условиях глобализации не позволяет отставшим странам вырваться вперед, государство обязано реализовать модернизационный проект даже вопреки сложившимся рыночным трендам, преодолевая засилье мощных корпораций из развитых стран и их высокотехнологичной продукции. Чтобы в условиях жесткой конкуренции отечественные производители смогли подняться, необходимы крупные индустриальные проекты, инициированные государством. В их реализации должны участвовать наши партнеры по интеграции и другие страны российского пояса соседства. В этом объективно заинтересованы не только участники Таможенного союза, но и страны СНГ и даже молодые члены Евросоюза.

Еще одним доводом в пользу разработки и осуществления политики новой индустриализации может стать необходимость укрепления Единого экономического пространства и будущего Евразийского экономического союза. Модернизационный рывок легче осуществлять вместе с нашими партнерами, которых может увлечь грандиозность новых проектов и несомненная выгода от их реализации. Каждая страна получит возможность участвовать в реализации перспективных проектов, таких, например, как возрождение у нас авиационной промышленности, судостроения, сельскохозяйственного машиностроения и др.

Некоторые авторы не разделяют сугубо прагматический подход к евразийской интеграции. Они полагают, что должна быть некая объединяющая идея, каковую они видят в идеологии евразийства, не уточняя, что это такое. На самом же деле страны объединяются в Таможенный союз, ЕЭП и Евразийский экономический союз ведомые простой идеей – невозможностью развиваться в одиночку в условиях глобализации и сопровождающей ее регио-

нализации. С учетом того, что эта группа государств оказалась «зажатой» между Европейским союзом на западе и АСЕАН и АТЭС на востоке, у них остается три возможных варианта: присоединиться к уже существующим интеграционным организациям, сохранить независимый статус или объединиться самим. Вхождение в имеющиеся интеграции нереально из-за значительной территориальной удаленности и неготовности их самих поглотить новые довольно проблемные страны. Самостоятельное развитие также не сулит больших перспектив. Поэтому единственно возможным путем их выживания и дальнейшего развития может быть создание собственного интеграционного союза. Это служит практическим императивом и объединяющей идеей такой интеграции. Отсутствие каких-то иных идеологических побуждений лишь облегчает другим странам возможное вступление в этот союз исключительно по прагматическим соображениям.

Исследование вызовов и рисков глобализации и реальной ситуации, в которой находится Россия, позволяет лучше оценить ее шансы найти наиболее перспективный путь развития в современном сложном и жестком мире.

Литература

1. Амин С. Новая империя? В поисках альтернатив гегемонии глобального капитала // Мир перемен. – М., 2013. – № 4. – С. 8–12.

2. Арриги Дж. Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. – М., 2009. – № 1.

3. Балацкий Е. О возможной смене глобального лидера мировой экономики // Общество и экономика. – М., 2014. – № 1. – С. 13–14.

4. Григорьев Л., Курдин А. Механизмы глобального регулирования: Экономический анализ // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 7. – С. 11–13.

5. Кондратов Д. Глобальные дисбалансы в мировой экономике // Общество и экономика. – М., 2014. – № 1. – С. 36.

6. Либман А., Хейфец Б. Зона свободных инвестиций // Общество и экономика. – М., 2013. – № 10. – С. 61.

7. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕврАзЭС. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2012. – С. 24–25.

8. Мартынов А. Будущая глобализация мировой экономики // Общество и экономика. – М., 2013. – № 5.

9. Новикова И. Модернизация национальных экономик и кластерно-сетевая регионализация как императивы вхождения в геоэкономику // Мир перемен. – М., 2013. – № 3. – С. 79–80.

10. Экономика для человека» – социально ориентированное развитие на основе реального сектора // Мир перемен. – М., 2013. – № 3. – С. 9.

11. Эльянов А. Экономическая дифференциация мира // Общество и экономика. – М., 2013. – № 6. – С. 32.

12. Glattfelder G.B. Ownership Networks and Corporate Control. Mapping Economic Power in a Globalized World. – Zurich, 2010. – P. 258.

А.В. Гордон

ПАРАДИГМА КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОНЯТИЯХ «ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ»

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН.

Ко времени смерти Мао Цзэдуна (1976) социалистическая модернизация Китая зашла в тупик. Претенциозная установка в кратчайшие сроки «догнать и перегнать» ведущие индустриальные страны, воплотившаяся в курсе «великого скачка» (1958–1961), обернулась небывалым в трехтысячелетней истории китайской государственности голодом, унесшим, по различным подсчетам, от 18 до 30 млн жизней. Политика форсированной сельской индустриализации подорвала силы крестьянства; попытка решения задач модернизации страны усилием политической воли окончилась крахом.

Новая политическая кампания, получившая название «культурной революции» (1966–1976), вылилась в столь же небывалое в истории страны разрушение культурных ценностей, породив обстановку социального хаоса и «войну всех против всех». Сначала молодые энтузиасты, вдохновленные призывом Кормчего вести «огонь по штабам», объявив себя «красногвардейцами» (хунвэйбинами), громили институты партийно-государственного истеблишмента и издевались над функционерами; затем армия разгромила штабы «культурных революционеров» и отправила их самих на «перевоспитание» в голодающую деревню. Многие из них, вернувшись после смерти Мао в города, стали активистами демократического движения 80-х годов.

«Культурная революция» завершилась ликвидацией ее вождей: при загадочных обстоятельствах погиб ближайший сподвижник Мао маршал Линь Бяо, вслед за ним была репрессирована «банда четырех» во главе с Цзян Цин, женой Кормчего. Попытка Мао и его ближайшего окружения углубить социалистическую революцию, реализовав альтернативу этатистско-бюрократической модернизации советского образца, провалилась. А вместе

с ней потерпел неудачу уникальный цивилизационный проект, совместивший идеи «догоняющей» модернизации и фундаментальной контрмодернизации.

Маоизм явился продолжением и радикальной трансформацией курса на «самоусиление», что проводился в Китае после поражения в «опиумных войнах» XIX в. Национальное унижение сделалось неизжитой до сих пор травмой, которая, в свою очередь, породила стремление к восстановлению величия Поднебесной посредством усвоения достижений Запада. В научно-технической области и на путях промышленного роста, а также с точки зрения государственной консолидации и повышения обороноспособности за 1949–1976 гг. произошел впечатляющий сдвиг. Китай сделался мощной индустриально-аграрной, в высокой степени милитаризованной державой, бросавшей вызов и США, и СССР и ставшей серьезной угрозой для ближайших соседей.

Следуя западной (и сталинской) модели модернизации, КПК проводила индустриализацию за счет перекачки средств из аграрной экономики. В духовной сфере присущая западной модели секуляризация была доведена (как и в СССР) до крайностей «войны с религией». Основанные на классической дихотомии «традиционного» и «современного» культурные преобразования обернулись политикой искоренения классического наследия, отождествленного с «феодализмом».

Как контрмодернизация маоизм означал радикальное отрицание частной собственности на путях предельного обобществления не только в сфере производства, но и потребления; товарно-денежные отношения и в городе, и в деревне замещались государственно-распределительной системой. Монополия КПК на власть упразднила и разделение властей, и состязательную выборность. Идея правового государства подменялась учением о классовой борьбе и приоритетом революционной законности. Наконец, принципы представительного правления уступили место «линии масс», которая подразумевала их непосредственное волеизъявление посредством, главным образом, политических кампаний, следовавших одна за другой.

Практика, которая по всем марксистским понятиям признается критерием истины, подвела историческую черту маоистской модернизации. Методы Мао, эффективные в условиях войны и революции, обернулись катастрофическими последствиями при решении проблем социально-экономического и культурного развития. Примечательно, что выявилось это прежде всего в аграрной сфере. Многострадальная китайская деревня, явившаяся социальной базой КПК в антияпонской и гражданской войнах, а затем ставшая объектом самого масштабного в истории человечества революционно-коммунистического эксперимента, вынесла свой приговор маоизму.

«Контрреволюция» началась с обездоленной провинции Аньхой, в которой во время «великого скачка» погибли от голода 2 млн жителей [8, с. 688].

В июне 1977 г., когда даже у будущего идеолога реформ Дэн Сяопина (вернувшегося в это время к руководству) еще не обозначилось их проекта, в провинцию был назначен новый партсекретарь. Товарищ Вань Ли увидел признаки надвигавшегося голода и выпросил у начальства в Пекине – в порядке чрезвычайной меры – разрешение на возврат к традиционному для крестьян семейному хозяйствованию. Спустя год пленум ЦК КПК принимает решение о начале реформ, и за пару лет система народных коммун, подменившая полноценную аграрную модернизацию примитивным уравнительством и тотальным обобществлением, разлетелась на кусочки [2, с. 83–100].

Курс реформ требовал идейно-теоретического обоснования. Знаменательно, что в ходе дискуссий обществоведов КНР в 80-х годах модернизация не только вышла на первое место, но и была осознана как цивилизационное явление «модернизация человека» (Го Циюн). Ученые предупреждали: «Если мы модернизируем только науку и технику, а не народ, осуществление модернизации будет всего лишь пустым лозунгом» (Тан Ицзэ). Они протестовали против узкого экономоцентризма: «Реформа экономической структуры требует соответственных изменений духовного состояния людей, характера культуры, социальной психологии» (Гао Чжансянь) [5, с. 50–51].

В последующий период модернизация прошла извилистый путь. Демократические устремления интеллигенции и студенчества были жестоко подавлены в мае 1989 г., однако с осени 1992 г. по инициативе Дэн Сяопина началась интенсивная реализация политики «реформ и открытости» в экономической сфере, открывшая дорогу рынку, частному бизнесу и иностранным инвестициям при сохранении директивного планирования и господстве государственной собственности.

В результате возникла причудливая социетальность, озадачивающая самих ученых КНР: ««Мы ввели социалистическую рыночную экономику, которая дает полный простор действию рыночного механизма, *одновременно* подчеркивая сильную макрорегуляторскую функцию правительства… Мы активно включились в глобализацию и модернизацию. *Однако* мы надеемся, что эта трансформация будет осуществлена под руководством Коммунистической партии Китая, под знаменем китаизированного марксизма и в рамках социализма… Наследуя и развивая замечательные исторические и культурные традиции Китая, мы *в то же время* стремимся быть в авангарде современной цивилизации (курсив мой. – *А. Г.*)» [13, с. 187–189].

Понятно, совместить столь разнородные элементы крайне непросто; к тому же признается, что функционирование «китаизированного марксизма» отныне «должно осуществляться на основе разума, а не средствами политического принуждения». Чтобы обрести «настоящий социальный консенсус» в таких условиях, необходимо – и понимание этого в общественной жизни КНР все более заметно – «вести диалог» с представителями других идеоло-

гий, обучаясь в рамках этого взаимодействия и «абсорбируя то рациональное, что в них содержится». Итак, создание «духовной основы социализма с китайской спецификой» видится в рамках широких подходов с использованием «инклюзивных методов» [16, с. 176–177], способных сплавить культурную традицию и курс перемен, партийную идеологию и западные теории.

Прежняя классово-революционная парадигма исторического развития, вдохновлявшая коммунистов и их сторонников в гражданской войне и ставшая идейной основой создания Китайской Народной Республики, в новых условиях «рыночного социализма» оказалась непригодна. Она удерживается в регламентированном респекте к «учению Мао», но в научно-теоретическом плане теснится модернизационной парадигмой.

«Начиная с середины 1980-х годов, – пишет исследователь из Техасского университета Ли Хуайинь, – в описании новой истории Китая намечается переход от восхваления восстаний и революций к акцентированию модернизации и реформ в конце правления Цин и в республиканский период (1840–1949)». Выделяется роль элит и восприятия культуры Запада; напротив, восстания и революции видятся «в лучшем случае излишними, а в худшем – контрпродуктивными для развития Китая» [14, с. 337].

Обращение к модернизационной парадигме изменило сам тон историописания. В отличие от либералов республиканского периода и историков-коммунистов, ее приверженцы в КНР ставят в центр дискуссии не то, **как** и **почему** Китай не смог модернизироваться, а то, **что** было достигнуто на этом пути. На смену пессимизму, придававшему китайской истории Нового времени трагический колорит, который отзывался в обществе горечью и разочарованием, равно как героической манере официальной историографии КНР, сводившей китайскую историю к роковой схватке революционных сил добра и контрреволюционного зла, пришел исторический оптимизм: «Новая история Китая была пересказана как медленное, но постоянное движение к модерности… которое, к несчастью, было прервано коммунистической революцией и последующим маоистским радикализмом, но восстановилось после Мао» [14, с. 360].

Модернизационная парадигма оказывает все более заметное влияние на официальную историографию КНР, которая стремится при этом интегрировать в поступательное «движение к модерности» маоистский период. Так во введении к коллективной монографии «Ранняя модернизация в Китае в сравнительной перспективе» (1993) утверждается, что коммунистическая революция сделалась необходимой для «создания централизованной эффективной власти», поскольку последние правители династии Цин и Гоминьдан оказались неспособны к проведению модернизации.

В монографии «Модернизация Китая в исторической перспективе» (1994) коммунистическая революция рассматривается как «кульминация

националистического движения», завершение «создания современной нации-государства», а успех коммунистов в этом государственном строительстве объясняется, в частности, выдвижением собственной националистической доктрины (теория «новой демократии»), которая «адаптировала марксизм к китайским социальным и политическим условиям».

Высказывается и противоположное мнение, что приход к власти КПК был не модернизационной революцией, а «самым драматическим эпизодом сугубо традиционнейшего явления смены династии», или, как выразился Сюй Цзилинь, один из авторов «Истории модернизации Китая, 1800–1949» (1995) – «династической революцией».

При всех частных различиях все очевиднее становится смещение приоритетов. В противовес официальной доктрине пробивается мысль, что приход к власти КПК не означает окончательное решение проблем исторического развития Китая. Это «побочный продукт», следствие неудач предшествовавших режимов в государственном строительстве, и это только «средство достичь модернизации, но не собственно цель, каковой является модернизация» [14, с. 353].

Модернизация (*сяньдайхуа*) вошла в дискурс руководства КНР со времени лозунга «четырех модернизаций» Дэн Сяопина. Отмечая распространенность модернизационной терминологии в подходах к современному развитию Китая, А.В. Виноградов (ИДВ РАН) показал, что своеобразным модернизационным проектом выступает собственно официальная доктрина «социализма с китайской спецификой»[1]. Притом парадигма модернизации остается в КРН объектом полярных суждений, сделавшись предметом идеологической борьбы между либералами, националистами и «новыми левыми».

Последние, используя официально апробированную терминологию, незамысловато сужают понятия. «Модернизация» трактуется как преобразование крестьянской страны в промышленную державу, а таковое сводится исключительно к индустриализации. Больной вопрос для партийной доктрины об отношении к наследию Мао «новые левые» решают просто: Великий кормчий оказывается отцом современных реформ, а Дэн Сяопин – верным продолжателем модернизационного курса Мао. В то же время отмечается, что Дэн «исправил старые ошибки», перенеся центр стратегии с классовой борьбы на экономическое развитие, с «закрытости» на «открытость» и отвергнув «традиционную социалистическую модель советского образца».

1. См.: Виноградов А.В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Comparative politics (Сравнительная политика). – М., 2010. – № 1. – С. 105–120. В 2007 г. автор защитил докторскую диссертацию на тему «Китайская модель модернизации: Социально-политические и социокультурные аспекты».

Смыкаясь с националистами, «новые левые» противопоставляют «китайскую модель» «западной»; аргументируя превосходство социалистической модернизации, они используют критику буржуазного общества и капиталистической экономики основоположниками марксизма. Так, Маркс и Энгельс оказываются под пером консервативных толкователей китайских реформ ведущими теоретиками современной модернизации [24, с. 120–124].

Свою лепту в толкование модернизации вносит «китаецентричное» направление (*чжунго сюэпай*). Подчеркивая важность для решения задач модернизации всего китайского наследия (включая историю КНР с 1949 г.), «китаецентристы» сосредоточиваются на опровержении подражательной модернизации. Они отвергают представление, что Китай обречен копировать путь развитых стран. Успех китайских реформ, доказывают «китаецентристы», бросает вызов традиционно-европоцентристскому противопоставлению плана и рынка, демократии и диктатуры, государства и общества.

Кроме понятного желания преодолеть возникший в ходе подражательной модернизации страны комплекс неполноценности и мобилизовать патриотизм народа для продолжения курса реформ, в логике «китаецентристов» выявляется совершенно определенный политический подтекст. Это не просто вариант теоретического обобщения опыта преобразований в постмаоистском Китае, а, как констатирует отечественный китаевед, «политическая доктрина, призванная посредством пропаганды китайской исключительности законсервировать в неизменном виде однопартийную систему власти в КНР» [3, с. 268].

При этом платформа «китаецентристов» глубоко коренится в пробужденном реформами национальном сознании. Главное, как объясняет профессор Пекинского университета Ван Чжунцзян, с началом реформ среди народа «усилилось чувство принадлежности к традиции и истории Китая» [цит. по: 17, с. 93]. Подобно тому, как в Японии прорыв к модерности обернулся стремлением к выявлению национальной идентичности, породив обширную литературу о «японскости» (*нихондзин рон*), в модернизирующемся Китае ширится движение за воскрешение «национального учения» (*госюэ*).

Один за другим открываются колледжи и центры *госюэ* в престижных университетах, возникают альманахи, сайты, блоги, устраиваются летние лагеря и курсы. В центральных газетах, в библиотеках и книжных магазинах теперь есть специальные отделы. Обществу явлены научные авторитеты по *госюэ*. Телевидение транслирует просветительские сериалы, превращающиеся в «мыльные оперы на исторические темы». Ситуация напоминает специалистам первые десятилетия XX в., когда движение культурного обновления, провозгласившее курс на модернизацию по западному образцу, резко обострило проблему национальной идентичности и, манифестируя озабоченность самоутверждением китайской культуры, широко пошли в ход выражения

«национальная живопись», «национальный театр», «национальный язык», «национальная медицина», «национальная одежда», появился и сам термин *госюэ*[2].

По мнению американского синолога Арифа Дирлика, на современном этапе движение *госюэ* служит примером того, что отстаивание традиции уже не исключает модерность, а является попыткой выработать альтернативную форму ее. Однако он же признает неплодотворность противопоставления одной традиции другой: китаецентризм оказывается лучшим способом воспроизведения западоцентризма. Требуется, подчеркивает американский синолог, «более глобальная перспектива для сопоставления культур, чем китайско-западная бинарность» [9, с. 6, 12].

А австралийский синолог Джон Мейкхем вообще сомневается, что можно выстроить «альтернативную модерность» на романтическом задоре и «патриархально-националистической эпистемологии (epistemological nativism)», которые характеризуют подобные поиски самобытности [17, с. 104]. Еще в ходе дискуссий 80-х годов идея «возвращения к истокам» и самодовлеющего развития была отвергнута участниками как неконструктивная. Открытость внешним влияниям осознавалась большинством как залог полноценной модернизации.

Более того, отдельными учеными подчеркивалась взаимозависимость между благосостоянием страны и интенсивностью ее внешних связей: «В истории Китая в периоды его наибольшего могущества и расцвета культурный обмен с внешним миром… шел интенсивно и оживленно, и это способствовало развитию производительных сил общества, усилению могущества государства; периоды его ослабления отмечены отгороженностью от внешнего мира, боязнью культурного обмена, что вело к упадку» (Цзи Сяньлинь) [цит. по: 5, с. 65].

Заслуживающей серьезного внимания попыткой совместить национальное самосознание с тем, что А. Дирлик назвал «глобальной перспективой», и выстроить некую общую платформу для распространенных в КНР подходов представляются ежегодные доклады академического Центра по модернизации. Взывая к патриотическим чувствам, авторы в полной мере демонстрируют национальную гордость: «Китай обладает великой историей, древней культурой и уникальными людьми. Ничто в мире не сможет остановить его развитие, принизить мудрость китайского народа, сдержать прорыв китай-

2. Szonyi M. Ming fever: The Present's Past as the People's Republic turns sixty // China heritage quart. – 2010, N. 1; Niedenführ M. Historical revisions and reconstructions in history soaps in China and Japan // Contested views of a common Past: Revisions of history in contemporary East Asia / ed. S. Richter. – Chicago: Chicago univ. press, 2008.

ских инноваций или ограничить возможности развития страны» [цит. по: 4, с. 81, 231].

При этом вопреки «китаецентристам» центральной в подходе к модернизации становится установка на «открытость», которая переосмысливается в патриотическом духе, оказываясь свидетельством величия Китая и его уверенности в будущем. «Великая нация должна открыто смотреть на мир, а цивилизованная страна – открыть ему свое сердце» [там же, с. 74], – таким эмоциональным обращением начинался первый доклад Китайского центра исследования модернизации.

И создание при Китайской академии наук специального Центра, и ежегодная публикация им с 2001 г. обзорных докладов о «модернизации в мире и Китае», казалось бы, свидетельствуют о торжестве модернизационной парадигмы в КНР. Все же неслучайно авторы избрали стилистику долженствования, чтобы обосновать необходимость изучения истории и теории модернизации: их защита «открытости миру» носит в немалой мере полемический характер.

Проявляя мировоззренческую открытость, китайские авторы стремятся обосновать особенности современного развития КНР новейшими концепциями модернизации. Наиболее адекватными признаются концепция «множества модерностей (multiple modernities)» израильского ученого Шмуэля Эйзенштадта [10, с. 1–29] и комплекс концептов западноевропейской социологии («рефлексивная модернизация», «текучая» или «пролонгированная» модернизация, «общество риска»), объединяемых общим понятием «вторая модерность (second modernity)» и связываемых с именами Ульриха Бека (ФРГ), Энтони Гидденса и Зигмунта Баумана (Великобритания) [1; 7; 11; 23] а также с идеями «мультикультурной» модерности Алена Турена и Мишеля Вевьёрки (Франция) [19, с. 413–517; 22].

Суть инновации в отказе от классических теорий модернизации / вестернизации, от уподобления современного незападного развивающегося мира образцам развития стран Запада в Новое время, от идей завершенности модернизационного проекта («конец истории») и в принятии постулата непредсказуемости и альтернативности различных вариантов модернизации при их тесном взаимодействии («глобальная модернизация») и сущностном единстве.

Учеными КНР явление «второй модерности» было истолковано двояко: и как поступательный цивилизационный процесс, и как его поворотный момент. Это движение мировой цивилизации, как она начала формироваться в Европе в Новое время, с переходом от одной фазы модернизации к другой, и это – вступление человечества в новое состояние, когда вектор развития определяется конкурентной борьбой различных цивилизационных подходов и систем ценностей.

Согласно теории «вторичной модернизации», основные положения которой ее автор, руководитель академического Центра по модернизации Хэ Чуаньци впервые опубликовал в 1998 г., мировой модернизационный процесс распадается на две фазы: «первичная» – связана с индустриальной эрой, «вторичная» – с информационной, или эрой знаний. Хэ относит свою теорию к «постмодернизационным», пришедшим на смену классическим теориям модернизации. Последние исчерпали свое познавательное значение, считает он, после того, как промышленные страны завершили в 60-х годах XX в. «классическую модернизацию» и выяснилось, что индустриальная экономика – «не конечная точка и не кульминация мирового экономического развития», а индустриальное общество – «не конечная точка развития человеческого общества». В явлениях деиндустриализации и дезурбанизации эволюция развитых стран продемонстрировала преодоление «рамок индустриальной цивилизации» [4, с. 51].

Теория Хэ Чуаньци ориентирована на специфику развивающихся стран, поскольку та выражается в совмещении «первичной» и «вторичной» модернизации. Мысль китайского теоретика обращена к сложности такого совмещения: две фазы модернизации, будучи тесно связанными, «подчиняются разным законам и обладают различными чертами». По большому счету «первичная модернизация» закладывает основу для «вторичной», например индустриализация на первой фазе обеспечивает успех информатизации и глобализации как отличительных черт второй фазы, или общее начальное образование на первой фазе служит ступенью для перехода к всеобщему высшему образованию на второй.

В других случаях отмечается не просто несоответствие, но и столкновение противоположных тенденций – например концентрации производства и децентрализации мировой экономики. При проведении «первичной» модернизации целью экономического роста является удовлетворение насущных материальных потребностей населения и достижение экономической безопасности страны. При «вторичной» – упор делается на повышение качества жизни с «целью удовлетворения потребности людей в счастье и самовыражении». В ходе «первичной» модернизации экономическое развитие выступает основным приоритетом, от чего страдает экология; в ходе «вторичной» задачи экономического роста и потребности сохранения среды обитания уравновешиваются, что приносит пользу и экономике, и экологии [4, с. 38, 95].

По мнению российских специалистов, значение теории Хэ Чуаньци не исчерпывается опытом реформ в КНР и перспективы ее применения актуальны не только для развивающихся стран. Ссылаясь на теоретические разработки ученых КНР, Н.И. Лапин и Г.А. Тосунян утверждают, что и в России важно различать две стадии модернизации, а также ее динамику в разных по экономическому и социокультурному уровню регионах. «Требуются большие

скоординированные усилия, направленные одновременно на скорейшее *завершение* первичной и *развитие* вторичной модернизации», – пишут они во введении к публикации в России «Обзорного доклада о модернизации в мире и Китае», подчеркивая, что «вторичная модернизация не может успешно развиваться без завершения первичной», а дальнейший прогресс развития России невозможен «без значительного повышения качества рабочих мест, улучшения благосостояния и здоровья населения, обеспечивающего рост продолжительности жизни» [4, с. 11].

Центр по модернизации в структуре Китайской академии наук свой теоретический подход выдвигает в качестве обоснования на среднесрочную перспективу (полвека) стратегии *«интегрированной модернизации»*[3]: за 50 лет «упорной работой» Китаю «удалось перейти от традиционного аграрного общества к индустриальному и вступить в фазу первичной модернизации»; требуется завершить ее и одновременно «в максимально сжатые сроки» осуществить «вторичную» модернизацию. В связи с этим у Китая возникает уникальный шанс – вырваться вперед именно посредством достижений в информатизации и сфере знаний. Уже сейчас, подсчитали сотрудники Центра, «если основываться на индексе вторичной модернизации», уровень развития КНР по сравнению с другими странами выше, чем «если делать сравнение по степени завершенности первичной» [там же, с. 98].

Китайских теоретиков модернизации воодушевляет именно идея «вырваться в лидеры» мирового развития, возглавить цивилизационный процесс в эпоху «второй модерности». Такую заманчивую перспективу они «вычитывают» в той цивилизационной критике, которой предаются европейские теоретики «второй модерности». Поскольку цивилизационный потенциал «первой модерности», концептуализованный в фундаментальном проекте поступательного и прямолинейного всемирно-исторического прогресса, который был выдвинут Просвещением, представляется исчерпанным, духовный вакуум должен быть заполнен новыми проектами. Ученые КНР предлагают обратиться к потенциалу, который явлен современной мощью Китая и его культурным наследием.

Для обоснования возвышения Китая им приходится размежеваться с тем эволюционизмом, что был присущ классической парадигме. В духе парадигматической инновации теорий «второй модерности» они трактуют современную ситуацию как новую ипостась цивилизационного процесса, когда возрастают риски развития для всего человечества и все страны оказываются уязвимыми перед этими опасностями. В условиях фундаментальной непред-

3. Это положение считают особенно важным и российские специалисты, высказываясь за «интегрированную модернизацию России» как «координацию путей и результатов двух стадий модернизации» [4, с. 11].

сказуемости прежняя иерархия мирового порядка может претерпеть радикальную трансформацию.

«Вторая модерность» предстает перед глазами китайских теоретиков модернизации полем битвы, которая называется «межстрановой конкуренцией»: из 10 млрд будущего населения развивающихся стран только 500 млн, по их расчетам, получат «возможность насладиться благами модернизации» [4, с. 234, 249]. Модернизационный процесс в таких условиях становится отчаянной гонкой за лидером, в которой и статус нынешних лидеров отнюдь не гарантирован. Часть развитых стран может оказаться в положении развивающихся, и, наоборот, некоторые из числа последних могут выбиться в лидеры.

Поскольку именно авангарду достаются в полной мере блага модернизации, межстрановая конкуренция в эпоху «второй модерности» будет только возрастать. Это «международное соревнование в стремлении достичь и удержать высокий по мировым меркам уровень развития» [там же, с. 15]. В этом соревновательном процессе в полной мере выражается нелинейная логика всемирной модернизации, неравномерность темпов, «асинхронность» ее осуществления и неодинаковость результатов. Решающей становится роль исторического субъекта.

Хотя модернизация является всемирно-историческим процессом, в основе которого заключены универсальные и объективные закономерности, успешная их реализация, подчеркивают авторы докладов о модернизации, зависит от качеств и воли конкретного национального субъекта. Субъектный подход выдвигает на первый план задачу модернизации культуры.

Эта проблема затрагивает все сферы общественной жизни, и ее значение воспринимается в Китае на самом высоком уровне как в конечном счете задача укрепления режима власти. Журнал ЦК КПК «Хунци» писал: «Пробуждение нации есть прежде всего пробуждение ее культуры. Власть политической партии определяется в большой мере ее культурной зрелостью» [см.: 16, с. 172]. И это острая проблема, которая не имеет однозначного решения.

С одной стороны, следует заботиться об уникальном культурном наследии страны. Эта задача приобретает еще большее значение в условиях глобализации, которая требует глубокого осознания национальной идентичности. С другой стороны, неукоснительная и безоглядная верность многовековым традициям может превратиться в тормоз. Современная культурная стратегия КНР требует диалектического подхода: это «частичное унаследование и развитие традиционной культуры» при «частичном отказе от нее» [4, с. 201, 214].

Как подчеркивают сотрудники Центра модернизации, культурная модернизация, подобно модернизационным процессам в экономике, немыслима без инноваций. И культурным инновациям в современном Китае должен быть

отдан приоритет, аналогично тому, как было в фазе «первичной модернизации», когда промышленной революции XIX в. предшествовали в XVII в. научная революция и в XVIII в. Просвещение, положившее начало всемирно-историческим процессам духовной эмансипации, которые и сформировали цивилизацию модерности.

Культурная модернизация имеет специфическое значение при присущем китайским авторам толковании «второй модерности» как всемирного соревновательного процесса. Собственно культурная модернизация может в таком аспекте выступать даже разновидностью экономической конкуренции: «Как товары, произведения культуры могут быть произведены и проданы на рынке с целью получения прибыли». Таким образом, культурные инновации могут стимулироваться конкуренцией на мировых рынках [4, с. 198–199].

Развивая своеобразный рыночный подход к модернизации в сфере культуры, китайские специалисты приходят к знаменательному выводу: «культурная конкурентоспособность постепенно становится главной конкурирующей силой страны», иначе – важнейшим козырем в международном соперничестве [там же, с. 201]. Так в теоретическом плане подкрепляется одно из фундаментальных положений внешнеполитической доктрины КНР о роли «мягкой силы» в укреплении международного престижа страны и повышении ее статуса [12].

Поэтому, когда мы читаем о модернизационном значении международного культурного сотрудничества, следует учитывать, что в представлении китайских ученых Китай может в будущем, как было в прошлом, претендовать на лидерство во взаимодействии культур: «Мы должны явить миру наши духовные ценности, принять деятельное участие в формировании мировой системы ценностей и создать необходимые условия, чтобы *направлять развитие в системе мировых ценностей* (курсив мой. – *А. Г.*)» [13, с. 194].

Если в XXI в. «удастся достигнуть культурной модернизации, китайская культура вернет себе доминирующее положение в мире и внесет неоценимый вклад в прогресс цивилизации», – таковы амбициозные замыслы теоретиков китайских преобразований [4, с. 216]. Обосновывая эту культурную стратегию, президент Педагогического университета провинции Цзянсу Жэнь Пин подчеркивает: «Современная эпоха является временем перехода от промышленной экономики к экономике знаний. Теперь господство над миром вместо прежнего баланса экспорта товаров и капитала в сочетании с военной силой переходит – и последний финансовый кризис это ярко показал – к достижениям в науке и технике, информатике и культуре в сочетании с военной силой. Китай должен бросить вызов биполярной глобальной системе “капитал знаний vs промышленное производство” и перейти в наступление в сфере интеллектуального производства» [18, с. 153].

Однако модальность фразы тоже обращает на себя внимание. Чтобы Китаю вырваться в мировые лидеры, зарубежные инвестиции в сферу культуры столь же необходимы, как и в экономику. В период «реформ и открытости» были предприняты, отмечают китайские авторы, беспримерные усилия по переводам западной научной классики и современной литературы, критическое освоение которой позволило ученым КНР, в свою очередь, стать полноценными партнерами в международном научном сотрудничестве.

Культурная модернизация – это «процесс международного культурного взаимодействия, включающего в себя международное сотрудничество, обмен, конкуренцию и конфликты. Нет такой страны, которая не впитала бы в себя элементы культуры других стран в ходе культурной модернизации, и ни одна страна не должна отвергать международный культурный обмен и сотрудничество в ходе модернизации», – таков один из основополагающих постулатов модернизационной парадигмы ученых КНР [4, с. 200].

Не менее важен другой: «Нет такого удачного примера осуществления культурной модернизации, который можно скопировать». Ведущие страны дают пример для обучения, но не для подражания. Модернизация принимает разные формы, осуществляется по «разным моделям и в разных режимах». Требования культурной модернизации можно унифицировать, поскольку цель одна. Но идут к этой цели разными путями [там же].

Выбор страной своего пути в значительной мере обусловлен ее культурным наследием, значение которого видится исключительно многообразным – это не только обеспечение национальной идентичности, но и «источник культурных инноваций», основа «культурной индустрии» и, наконец – «составляющая культурной конкурентоспособности и влияния». Так, теоретики модернизации КНР уходят от классической дихотомии «традиционного» и «современного» и решительно порывают с наследием «культурной революции».

Культура каждой страны и народа уникальна и, «с позиций международных законов и гуманизма, каждый тип культуры равен всем остальным и имеет равные шансы на сохранение и развитие». Одним словом, китайские авторы за сохранение культурного многообразия мира. И это всецело соответствует идеям «мультикультурности», сопутствующим теоретическим концептам «второй модерности».

Вместе с тем отношение китайских теоретиков модернизации к культурному гегемонизму можно признать амбивалентным: некое их дистанцирование от того, что называется «международными законами» и требованиями гуманизма, весьма симптоматично. И это отражает отношение к гегемонизму вообще. Вопреки спорадически звучащим широковещательным деклара-

циям[4], наследию времен маоизма, китайские позиции в общем представляются прагматичными, а критика тех или иных держав, в первую очередь США, избирательной. В политических и научных кругах отдают себе отчет в том, что на более мощные державы ложится бóльшая доля ответственности за поддержание порядка и стабильности в мире.

На передний план выдвигается вопрос не об обладании государством большей властью в международных отношениях, а о том, злоупотребляет оно ею или нет. В отдельных работах «властная гегемония» дифференцируется от «институциональной гегемонии», разделяется гегемония как «превосходство» и как «лидерство». В обоих случаях США отводится позитивная роль лидера, в частности в установлении системы свободной международной торговли, бенефициарием которой является Китай [20]. Если критицизм в отношении действий США нарастает, то это обусловливается главным образом негативными тенденциями в международной системе, поскольку те проявились в мировом финансовом кризисе и росте терроризма.

Китайские теоретики модернизации против навязывания каких-либо моделей общественного устройства своей стране, но совершенно определенно отстаивают особую роль Китая в мировом цивилизационном процессе. Разные культуры, утверждается в докладах Центра по модернизации, имеют «разную конкурентоспособность» и не равноценны с точки зрения перспектив межкультурного взаимодействия и вклада в мировую цивилизацию. Под этот тезис выстраивается иерархическая модель жизнеспособности и влияния: «центральными становятся несколько крупных культур», влияние других слабеет, а часть культур «постепенно затухает», превращаясь в культурное наследие, элементы которого «становятся лишь товаром на рынке». Некоторые вовсе «отмирают», не получив развития, защиты или поддержки [4, с. 195, 214].

Замечательная инновация китайских теоретиков – введение в проектируемую ими иерархию идеи ответственности национальных культур перед международным сообществом. Культурная модернизация является всемирно-исторической потребностью и одновременно сознательным выбором различных стран и народов, которые «должны нести ответственность за свой выбор», поскольку развитие национальной культуры – это созидание «духовного дома» всего человечества. Таким образом, культурная модернизация Китая – вклад в общечеловеческую цивилизацию, в обустройство жизни на земле [там же, с. 196, 198].

Вывод авторов – надо желать, надо дерзать. Ни сотрудники исследовательского Центра Китайской академии наук, ни их коллеги из числа привер-

4. В анализируемой научной литературе КНР они нередко становятся объектом критики как непродуктивные с точки зрения внешнеполитических интересов страны.

женцев модернизационной парадигмы в своих оценках и прогнозах современного цивилизационного процесса не теряют чувства реального. Выдвижение Китая в мировые лидеры процесса видится в довольно отдаленной перспективе. Это установка на будущее, но никак не констатация современного положения в мире.

Выдвижение «китайских ценностей», отмечает руководитель отделением философии Хуачжунского университета науки и техники (г. Ухань) Кан Уян, – это следствие и развитие процесса, начавшегося выдвижением на международной арене «американских ценностей». За ними в 1980-х годах последовали «азиатские ценности», которые активно пропагандировал премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Упор делался на вертикаль власти и конфуцианскую этику, а реальной основой для их выдвижения были экономические успехи «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Получив изрядную популярность, «азиатские ценности» оказались дискредитированы финансовым кризисом, поразившим страны Юго-Восточной Азии в 1997 г.

В 1990-х годах пришел черед «вашингтонского консенсуса», системы установок, разработанных учеными США для модернизации Латинской Америки (либерализация, приватизация, коммерциализация). Некоторые страны региона добились реального успеха, осуществляя эту программу. Однако постигший Латинскую Америку на рубеже веков финансовый кризис выявил уязвимость установок «вашингтонского консенсуса».

Бурное экономическое развитие КНР поставило перед страной задачу выдвинуть свои ценности как в целях «ценностной интеграции современного китайского общества», так и для формирования ее международного имиджа. Нужно, чтобы в мире услышали «голос» страны. Однако при всей своей экономической мощи Китай «еще бедная страна». Поэтому выдвигая свои ценности на мировую арену, КНР еще не может в полной мере нести груз ответственности, которая ложится на мировую державу. Говорить о «пекинском консенсусе» или «китамерике (chinerica)» преждевременно. «С точки зрения глобальной ответственности Китай следует рассматривать как развивающуюся страну». А потому Китай должен еще настойчивей использовать опыт мирового развития, усваивая и перерабатывая достижения всех цивилизаций [13, с. 185, 190–192].

Эту позицию разделяют преподаватели Университета Сунь Ят-сена (г. Гуаньчжоу) Ли Пин и Лун Байлинь. Несмотря на бурное экономическое развитие, Китай «все еще в духовном отношении относится к слаборазвитым странам (spiritually underdeveloped)». Западные державы не признают ценности «социализма с китайской спецификой», считая свои ценности универсальными. В этих условиях было бы роковой ошибкой замкнуться и скатиться к примитивному национализму. Ученые КНР должны вести углубленные

сравнительные исследования, сопоставляя отечественную культуру и культуры других стран мира.

«Только на основе глубокого понимания и нашей собственной культуры, и других культур мы можем утвердить свое место в мультикультурном мире», – заключают авторы. И только «на путях сознательной взаимной межкультурной адаптации можно извлечь преимущества, которые содержит каждая из культур, чтобы установить общепризнанный порядок» и систему ценностей, что станет основой «мирного сосуществования и совместного развития» [16, с. 179–180].

Несмотря на различные упрощения и патриотическую патетику, в целом картина модернизационного процесса выглядит у китайских обществоведов весьма непростой, а сам процесс – многомерным. Не случайно авторы докладов о «модернизации в мире и Китае» призывают «избегать линейного мышления», столь характерного не только для классических теорий модернизации, но и для тех моделей модернизации, которые по-прежнему имеют распространение в КНР как среди «новых левых» сторонников социалистического пути, так и среди либеральных поборников вестернизации.

«Модернизация происходит не раз и навсегда», и культурная тоже «является частично обратимой и при определенных условиях может пойти вспять», – предупреждают китайские ученые. Драма «культурной революции» еще слишком свежа в памяти, и синдром «анаконды на люстре», страха перед репрессиями отнюдь не изжит [15].

«Мы не закончили процесс модернизации, и мы далеки от полного утверждения современного способа развития. Наши научные сообщества в значительной степени подвергаются наступлению и со стороны административной власти, и со стороны власти капитала, что приводит к двойному искажению их развития… Нужно выстроить здоровое взаимодействие между логикой власти и логикой науки», – подчеркивает профессор Университета г. Сучжоу (провинция Цзянсу) Ван Чжоуцзюнь [21, с. 167].

Успешное осуществление курса на модернизацию требует преодоления того, что китайские авторы называют «духовной слаборазвитостью», а значит, как они понимают, достижения высокой степени умственной зрелости и самостоятельности мышления, политической свободы и духовного раскрепощения. Поэтому модернизационная парадигма как способ ви́дения перспектив страны при всем историческом оптимизме имеет у них отчетливо различимую вероятностную интонацию: «Неизвестно, что сулит нам будущее, но история строится людьми. Народ, обладающий великой историей, определенно способен создать великое будущее» [4, с. 81, 199, 234].

Литература

1. Бауман З. Текучая модерность: Взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/

2. Гордон А.В. Опыт аграрных преобразований в КНР // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 83–100.

3. Карнеев А.Н. «Китайская модель» и споры по поводу ее сущности в КНР // Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. – М., 2011. – С. 255–275.

4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М., 2011. – 256 с.

5. Сорокина Т.Н. Китайская традиционная культура и модернизация: Дискуссия в КНР // Культурные традиции и современность. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 49–87.

6. Цивилизация и модернизация: Материалы рос.-кит. конф. 29–31 мая 2012 г. Москва / РАН. Ин-т философии; редкол.: Лапин Н.И., Хэ Чуаньци. – М., 2013. – 195 с.

7. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research // British j. of sociology. – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 409–443.

8. Bramoll C. The last of the romantics? Maoist economic development in retrospect // China quart. – L., 2006. – N 187. – P. 686–692.

9. Dirlik A. Guoxue: National Learning in the age of global modernity // China perspectives. – 2011 – N 1. – P. 1–14.

10. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. – Cambridge (Mass.), 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.

11. Han Sang-Jin, Shim Young-Hee. Redefining second modernity for East Asia // British j. of sociology. – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 465–488.

12. How to improve China's soft power? // People's daily Online. March 11, 2010. – english.peopledaily.com.cn/.../6916487.html

13. Kang Ouyang. «Chinese values» and innovation in philosophy and social sciences in present day China // Social sciences in China. – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 171–181.

14. Li Huaiyin. From Revolution to Modernization: The paradigmatic transition in Chinese historiography in the Reform era // History a. theory. – Middletown, 2010. – Vol. 49, N 3. – P. 336–360.

15. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier // The New York review of books. 2005. May 27. – http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/apr/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/

16. Li Ping, Long Bailin. Thought on innovation in mainstream ideology research // Social sciences in China. – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 171–181.

17. Makeham J. Disciplining tradition in Modern China: Two case studies // History a. theory. – Middletown, 2012. – Vol. 51, N 4. – P. 89–104.

18. Ren Ping. Systematic innovation, comprehensive development and going global: Some thoughts on the construction of an innovating system for philosophy a. social sciences in China during the «12th five-year plan» period // Social sciences in China. – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 142–156.

19. Tourain A. La fin des sociétés. – P.: Seuil, 2013. – 664 p.

20. Wang Yong, Pauly L. Chinese IPE debates on (American) hegemony // Rev. of international political economy. – L., 2013. – Vol. 20, N 6. – P. 1165–1188.

21. Wang Zhoujun. Knowledge community, value base and system consciousness: A reflection on innovation in philosophy a. social sciences // Social sciences in China. – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 157–170.

22. Wieviorka M. La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherhe. – P.: Laffont, 2008. – 230 p.

23. Yan Yunxiang. Food safety and social risk in contemporary China // J. of Asian studies – Ann Arbor, 2012. – Vol. 71, N 3. – P. 705–729.

24. Zhang Juxiang, Guo Huaru. Building a Harmonious Socialist Society under the vision of Modernization. // Asian social science. – 2011. – Vol. 7, N 6. – ass@ccsenet.org

Э.Н. Соболев

РОССИЙСКИЕ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ТРУДОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Соболев Эдуард Неньевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Начало процесса институциональных изменений в российских трудовых отношениях и их управлении следует искать во второй половине 1980-х годов, когда в ходе реформирования экономики коренным образом стало меняться положение российских предприятий. До перестройки все они находились в рамках единой государственной собственности, а потому основные параметры их деятельности достаточно жестко регулировались государством. В отличие от западных фирм, которые ориентировались преимущественно на внешнюю рыночную среду, система управления трудом, прежде всего его оплатой, на советских предприятиях определялась решениями вышестоящих органов. Это предполагало стабильное функционирование тарифных сеток и схем должностных окладов, планирование фонда оплаты труда, жесткое штатное расписание и выполнение предписанных функций, гарантированный сбыт продукции и, следовательно, гарантированную выплату заработной платы.

Конечно, регулирование оплаты труда и в советский период не оставалось неизменным, а прошло несколько этапов эволюции. Так, до реформы 1965 г. организация оплаты труда представляла собой автономно работающую систему, ориентированную, в основном, на вертикальные связи и слабо связанную с результатами хозяйственной деятельности предприятий. В последующий период, по мере ослабления жесткости централизованного регулирования, возрастала самостоятельность предприятий, а сфера прямого воздействия государства на заработную плату постепенно сужалась.

В середине 1980-х годов было пересмотрено место предприятия в советской системе хозяйствования в рамках концепции коренной перестройки

управления народным хозяйством[1]. Несмотря на то что предприятия оставались государственной собственностью, управление ими передавалось на уровень соответствующих трудовых коллективов. Заработная плата фактически стала долей в доходе предприятия, практически полностью зависящем от результатов его хозяйственной деятельности. В то же время нахождение предприятий в государственной собственности позволяло сохранить реальную регулирующую роль государства в части определения минимальной заработной платы, районных коэффициентов к заработной плате и налогов на заработную плату. Тем не менее основы системы оставались прежними, поскольку не был перейден *принципиальный рубеж*, отделяющий рыночное регулирование от нерыночного, а именно: обязательность применения единой тарифной сетки.

Новый качественный этап в развитии трудовых отношений связан с приватизацией и становлением рыночных отношений в первой половине 1990-х годов. В процессе реформ была выстроена система приоритетов государства, в которой трудовой политике отводилась периферийная роль. Важно подчеркнуть, что речь, строго говоря, идет не о полном отказе от регулирования, а о его подчинении задаче обеспечения финансовой стабилизации. В этих целях применялась развернутая система прямых и косвенных регулирующих механизмов.

Можно назвать следующие основные изменения, произошедшие в регулировании трудовых отношений. Произошло резкое *сужение прямого воздействия государства* на социально-трудовые отношения на предприятии. Государство по существу отказалось от контроля за действиями собственника на частном предприятии. На приватизированных и новых частных предприятиях установился авторитарный характер управления с типичными *отношениями господства – подчинения*. При этом усиление авторитарного и волюнтаристского характера управления в социально-трудовых отношениях имеет место не только и не столько по отношению к некоей идеальной демократической модели, но и по сравнению с советским периодом, в котором вопросы демократизации производственного управления в общем и целом находились на втором плане. В результате социально-экономическое положение работника на предприятии стало практически полностью определяться работодателем. В первую очередь это относится к вопросам труда и его оплаты, ряду элементов социального страхования и социальной защиты, к содержанию и развитию социальной инфраструктуры на предприятии. Произошли глубокие и опасные деформации в дифференциации заработной платы: утратилась связь с результатами производства; не учитывались объективные

1. Более подробно см.: [3].

различия в затратах на воспроизводство рабочей силы различной квалификации; фактически произошел отказ от государственного регулирования минимального размера оплаты труда (МРОТ). Официальная минимальная заработная плата утратила свою экономическую функцию и на протяжении более десяти лет функционировала лишь как расчетный норматив для установления штрафов и социальных пособий[2]. Только в последние годы МРОТ стал превращаться в значимую экономическую реальность. На приватизированных предприятиях произошел крах системы патернализма с ее высоким уровнем социально-трудовых гарантий и развитой социальной сферой на предприятии.

Организация социально-трудовых отношений стала определяться *интересами повышения прибыльности* (доходности), что определило вектор основных социальных изменений на предприятии. Неограниченный диктат нового собственника, думающего только о наживе, привел к понижению оплаты труда подавляющей части трудящихся значительно ниже стоимости труда, отказ от предусмотренной законом системы гарантий (отпуска, медицинское страхование, продолжительность рабочего дня, оплата сверхурочных и т.д.), резкое снижение гарантий занятости.

Значительную роль стали играть *неформальные трудовые отношения*, которые в значительной мере определяют особенности политики российского бизнеса в трудовой сфере. С точки зрения вектора развития расширение неформальных отношений – шаг в направлении противоположном движению к современной социально-ориентированной экономике.

Не был создан эффективный *режим ответственности администрации (собственника) предприятий за соблюдение социально-трудовых прав работников* (прежде всего, за своевременность выплат заработной платы и безопасность труда). Формирование соответствующей правовой базы существенно отставало от потребностей практики. Только в последнее время наметились определенные сдвиги. В частности, Россией была ратифицирована конвенция МОТ о приоритетности долгов по зарплате по сравнению с другими обязательствами предприятия.

2. Один из противников установления минимальной заработной платы в российской экономике Д. Сакс в обосновании своей позиции приводит известный постулат экономикса о неблагоприятном влиянии минимума на занятость: «Фирма не отказалась бы нанять рабочего за более низкую плату, да и сам он согласен работать на этих условиях, однако закон запрещает предприятию и рабочему соглашаться на меньший размер заработной платы» [2, с. 214]. Однако истина всегда конкретна. Итогом же слепого копирования абстрактных теоретических постулатов на российской земле стали одновременное существование смехотворно низкого норматива минимума заработной платы и относительно высокой безработицы.

Учитывая неблагоприятную для работника конъюнктуру российского рынка труда в 90-е годы (снижение спроса на труд в условиях экономического спада и слабое развитие институциональных форм защиты работников), заработная плата в условиях «свободной» игры рыночных сил оказалась заниженной. Государство между тем сознательно направило усилия не на поддержку основной массы работающего населения, а на дополнительное сдерживание заработной платы. В результате наемный работник вынужден обменивать свою низкую заработную плату на продукцию и услуги, цены на которые вплотную приблизились к так называемым мировым, а во многих случаях их уже перешагнули. Важнейшим фактором падения реальной заработной платы выступает повышение стоимости жизни как следствие расширения сферы платных услуг и их удорожания. В основе данного процесса лежат не подготовленные процессы приватизации социальной сферы, когда появление платных услуг взамен бесплатных не сопровождалось соответствующим ростом заработной платы. Поскольку рост цен, особенно на товары массового спроса, отражается на различных слоях населения не в одинаковой мере – покупательный спрос падает в первую очередь у тех, у кого доходы ограничены, а в наименьшей мере страдают лица с высокими заработками, – то инфляция является дополнительным фактором роста дифференциации реальных трудовых доходов. Сознательный отказ государства от защиты трудовых доходов населения в условиях обвальной либерализации цен и жесткого курса на финансовую стабилизацию привел к тому, что доля затрат на рабочую силу в издержках производства даже по сравнению с невысоким их уровнем в советский период уменьшилась. В 90-е годы более чем вдвое уменьшилась и покупательная способность номинальной заработной платы.

Произошло *ослабление роли профсоюзов*. Это относится в равной мере как к профсоюзным организациям на предприятиях, так и к отраслевым, территориальным и общенациональным органам профсоюзов. Снятие опеки последних над предприятиями привело лишь к ослаблению профсоюзного, а соответственно, рабочего движения в целом и не замещалось системой трудового права (в отличие от Запада). В итоге трудовые коллективы по существу остались один на один с предпринимателями, за которыми власть собственника и капитала (денег).

В то же время *система социального партнерства* в стране как альтернатива жесткому авторитарному курсу на формирование асоциальных рыночных отношений не сложилась. Официально провозглашенный курс на социальный диалог оказался во многом профанацией. В стране в течение практически всех 1990-х годов происходил жесточайший социально-экономический кризис. Это проявилось и в резком ухудшении социально-экономического положения населения (падение реальных доходов, многомесячные задержки заработной платы, рост безработицы в открытых и латентных

формах, усиление социальной дифференциации, рост абсолютной и относительной бедности), и в нарастании тревожных настроений среди самых различных категорий населения, выливающемся в глобальный кризис доверия ко всем ветвям власти и институциональным структурам.

Таким образом, можно сделать вывод, что характер социально-трудовых отношений принципиально изменился в процессе трансформации системы государственного социализма в постсоветскую систему, базирующуюся в значительной мере на рыночных принципах. Тем не менее в институциональном плане российская модель регулирования по-прежнему существенно *отличается* от моделей стран с развитой экономикой, поскольку не опирается ни на полноценный экономически и институционально сформированный рынок труда, ни на независимые от государства организационные институты наемной рабочей силы и предпринимательства.

Особенности хозяйственных традиций и трудового менталитета. Взаимоотношения между работниками и работодателем в постсоветский период определяются не только институциональными изменениями в социально-трудовой сфере (приватизация и формирование рынка труда). Не меньшую роль играют российские хозяйственные традиции, а также российский трудовой менталитет, от которых зависит поведение и работника, и работодателя, а также характер взаимоотношений между ними. Исторические, социальные, психофизические характеристики российского населения лежат формально за пределами рынка труда, но фактически формируют его специфическую ментальную инфраструктуру.

История исчерпывающе продемонстрировала, что в характере русского народа сочетаются разные, порой противоположные, тенденции. Как писал И. Бунин, из нас как из древа – либо икона, либо дубина. Но еще более важно, что эти противоположности живут, сосуществуют в одном человеке. Русский человек характеризуется шаткостью жизненной позиции, неустойчивостью, большой зависимостью от внешних обстоятельств. В нем сильно развито то, что называется «стадное чувство». Социально-экономическое развитие России в минувшем столетии продемонстрировало шараханье из одной крайности в другую. В экономике монополия государственной собственности и планово-централизованного регулирования сменилась другой монополией – частной собственности и рыночного регулирования.

Эта шаткость сказалась и на традициях и формах их проявления. Так, хозяйственные традиции на протяжении веков складывались вокруг двух осевых линий: *традиции огосударствления и традиции общинности*. Главными формами проявления этих традиций выступают централизованное регулирование и социальные гарантии. После революции 1917 г. указанные традиции были доведены до крайности, до абсурда. Однако крайности со временем сгладятся, а укоренившиеся в психологии людей традиции останутся [1, с. 15].

Тем более что отрицательные последствия «ухода» государства из экономики и отмены социальных гарантий в современной России налицо. Иначе говоря, ломка психологии, даже предпринятая в благих целях, ведет к длительной моральной деградации и сопровождается ощутимыми экономическими потерями. В практическом плане правильнее ставить вопрос об использовании одних традиций для ограничения действия других. Скажем, традиции соборности, коллективизма «снизу» как противовес тенденции к безграничному огосударствлению, тоталитаризму.

Что касается специфики российского трудового менталитета, то она может быть описана следующими чертами: долготерпение и упорство в соединении с неприятием монотонно-ритмичных нагрузок; предпочтение коллективно-авральных методов труда; способность к самопожертвованию, к бесплатной работе, но при условии высокой моральной оценки их труда в обществе; распространение неформальных трудовых отношений между хозяином и работником; расчет на покровительство и помощь со стороны государства; предпочтение гарантированности оплаты ее величине.

Рассмотрим подробнее основные из этих черт.

Стремление к стабильности трудовых отношений. В России, как показывает ее исторический опыт, всегда (в том числе и в условиях рынка) стремились обеспечить стабильность трудовых отношений. Это проявляется в том, что российский работник в своей массе предпочитает стабильную занятость более высокой, но не гарантированной оплате труда. С этой чертой менталитета связаны трудности перехода к срочным трудовым договорам как основной форме трудовых отношений (во всяком случае, учитывая традиции общественного сознания, этот процесс нуждается в тщательнейшем социально-экономическом и психологическом обосновании). Наконец, стремление к стабильности лежит в основе недоверия к новым институтам и предлагаемым сверху административным реформам. Чтобы понять истоки недоверия, необходимо углубиться в историю. Так, попытки развивать местное самоуправление имели место еще во времена Ивана Грозного, когда началась земская реформа. Затем новую попытку самоуправления предпринял Петр Великий, когда в 1699 г. задумал провести городскую реформу. Но предоставление этого права он связал с увеличением в 2 раза налогового бремени. Так что не удивительно, что в России к самоуправлению относились всегда с подозрением, воспринимали его не как право, а как повинность.

Патернализм. Тысячелетний опыт России способствовал тому, что граждане с «молоком матери» воспринимают патерналистические принципы. В массе своей российский работник полагает, что необходимо не на равных вести переговоры с хозяином, что составляет, как уже отмечалось, суть партнерских отношений на Западе, а следует полностью довериться ему в определении основных социальных и производственных задач на предприятии. Что

же касается инициативы, самостоятельности, предприимчивости, то они поощрялись лишь в той мере, в какой устраивали администрацию. Была выработана привычка понимать социальную справедливость (советский период лишь усилил ее) таким образом, когда власть оделяет своих подчиненных благами, исходя из высших, часто недоступных пониманию отдельного человека соображений, а подчиненные в обмен на социальные гарантии соглашались на более низкий (а часто и уравнительный) уровень жизни и лояльный тип поведения. Предприятие обеспечивало пожизненное (допенсионное) сохранение за работниками рабочего места и гарантированную (хотя и относительно низкую) заработную плату, а работники в обмен на социальные гарантии для себя и своей семьи соглашались на более низкий уровень жизни и ограничение своей экономической свободы. В постсоветскую эпоху, когда резко уменьшился состав социальных благ и гарантий, предоставляемых работнику государством и предприятием, начался процесс изживания патерналистских традиций. Но полностью их ликвидация невозможна, поскольку наиболее глубинные его основы лежит в психологии российского этноса. К тому же на первый план стали выходить более современные факторы патернализма, основанные на реализации монопольного положения предприятия в российской экономике. Тот факт, что значительная часть работников на частных предприятиях продолжает рассчитывать на государство (и предъявляет ему эти претензии), свидетельствует о том, что они до сих пор не в полной мере осознали, что социально-экономическая система в стране изменилась: вместо государственного социализма пришел рынок со своими жесткими законами конкурентной борьбы, повышения нестабильности.

Правовой нигилизм. С патернализмом тесно связана и другая российская традиция – неуважительное отношение к закону. Его неисполнение – правовой нигилизм – стало обычным явлением как среди «низов» общества, так и на самом верху бюрократической пирамиды. В этой связи представляется, что нет никакого преувеличения в реплике Р. Капелюшникова на заседании Круглого стола фонда «Либеральная миссия» 4 апреля 2004 г.: «…не нужно испытывать особой эйфории по поводу 1990-х годов, я бы поостерегся называть этот период либеральным. Одно из базовых положений классического либерализма состоит в свободе контрактов, договоров, но это – свобода заключения договоров, а не свобода от их выполнения, что мы как раз и наблюдали в 1990-е годы, когда буквально все договорные отношения, независимо от того, кем были их участники, не соблюдались».

Сказанное не означает, что в России не уважают силу власти. Но власть не отождествляется с законом. Последний представлял собой в глазах населения как бы продолжение власти бюрократии, администрации. Секретарь горкома или директор завода в довольно широких пределах осуществлял в одном лице и законодательную, и исполнительную, а порой и судебную

власть. Традиции правового нигилизма в наибольшей мере соответствует правовая неопределенность в российском законодательстве. Последняя может проявляться как в правовом вакууме, так и в одновременном существовании взаимопротиворечащих актов. Тем самым подводится «правовая» база для субъективного толкования и применения законов[3].

Правовая неопределенность, как и традиции правового нигилизма в России, есть прямая противоположность западноевропейской и американской практике. Правовые системы в развитых странах четко регламентируют, например, каким образом профсоюзы могут организовываться и действовать, в каких случаях бастовать, вплоть до вопросов, которые они могут поднимать на коллективных переговорах. Иначе говоря, нормы взаимоотношений работодателей и профсоюзов устанавливаются не на прямых переговорах, а с помощью законов. Невыполнение установленных правил ведет к немедленным правовым последствиям. В результате важную роль в регулировании социально-трудовых отношений хозяйственной жизни играют адвокаты и суд. Это суть не что иное как продолжение традиции индивидуализма, в рамках которой признается власть только закона и суда. Россия же – это чиновничья страна, управляемая не законом, а распоряжением чиновника. Неуважительное отношение российской власти (и подданных) к закону проявляется в избирательном правосудии.

Правовой нигилизм проявляется и в широком распространении так называемых отрицательных нецивилизованных трудовых конфликтов, связанных с прямым нарушением трудового законодательства. В настоящее время такого рода конфликты составляют подавляющее большинство (около 80% от общей массы трудовых конфликтов). В то же время положительные или цивилизованные трудовые конфликты, представляющие собой определенный этап договорного процесса – как индивидуального, так и коллективного, – играют второстепенную роль.

В России значительная часть работников имеет склонность строить свои отношения с работодателем не на договорной, а на личностной основе. Естественно, такая тенденция снижает и эффективность права, закона. Понятно, что эта специфически российская традиция в установлении не правовых, а неформальных «дружеских» отношений расширяет возможности маневра не только для работодателя, но и для работников. Но она же делает их заложниками этих отношений, снижает возможность их правовой защиты со стороны государства и профсоюзов. Всегда есть риск, что в пиковых ситуациях проигравшей стороной будут наемные работники.

3. В России источником права традиционно являлась не судебная практика, не сами по себе законы, а толкования и разъяснения законодательства административными органами. Такой перекос представляет специфику российской правовой системы.

Можно выделить, по крайней мере, две сферы, где имеются, а в ряде случаев господствуют *неформальные* (а порой и незаконные) *соглашения*. Это сфера неформальных индивидуальных соглашений между работниками и нанимателями, которые образуют неформальный сектор рынка труда. Причины, по которым они возникают, могут быть различными: либо выгодность этого соглашения для обеих сторон за счет третьей, чаще всего государства, либо навязывание такого «договора» со стороны работодателя, пользующегося своим монопольным положением.

Другой областью неформальных отношений являются соглашения, возникающие в рамках корпорации на базе общих интересов всех ее субъектов (от директора до разнорабочего). Они часто принимают форму корпоративного сговора, имеющего целью давление на центральные власти (вплоть до социального шантажа последней)[4]. Эти отношения не фиксируются в каких-либо документах и регулируются негласными, иногда теневыми соглашениями.

Сама по себе идея деления норм поведения людей на формальные и неформальные достаточно тривиальна. Вспомним хотя бы традицию, идущую от Гегеля, с выделением обыденного и формального права. Намного важнее выяснить причины расхождения между нормами. В российской действительности существование неформальных отношений есть результат не только и не столько несовпадения между правом и жизнью, в какой-то мере отставания законных норм от имеющихся правил, регулирующих поведение в трудовой сфере. В нашем случае имеются специфические вечные факторы, которые обусловливают устойчивое функционирование неформальных отношений, вытекающее из особенностей трудового менталитета и к тому же подкрепленные сложившимся в постсоветской России социально-экономическим порядком.

Слабая социальная активность. Она проявляется и в отсутствии самозащиты, и в слабой предпринимательской, инновационной и иной активности. Для этого есть, видимо, биологическая подоснова: русские – не южане. Но генетика была многократно усилена практикой подавления инициативы снизу в течение 70 лет советской власти. Не последнюю роль сыграл тот факт, что периодически разрушался или убывал за границу активный человеческий потенциал.

Таким образом, элементами российского трудового менталитета выступают склонность к патернализму, готовность принять неформальные порядки и отношения, слабая социальная активность. Эта национальная специфика трудового менталитета отразилась и на основных чертах и механизмах фор-

4. В качестве яркого примера социального шантажа можно привести события в Пикалеве Ленинградской области.

мирующейся модели регулирования: укреплении авторитарно-менеджеристского типа управления в производственных структурах, широком распространении неформальных отношений, проникающих во все поры трудовых процессов, подчиненной роли договорного регулирования, слабой забастовочной активности.

Литература

1. Ольсевич Ю.Я. Хозяйственная система и этнос // Вопросы экономики. – М., 1993. – № 8.
2. Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. – М., 1994.
3. Яковлев Р.А. Оплата труда на предприятии. – М., 1999. – С. 14–25.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Донских

О ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Донских Олег Александрович – доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia), заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (НИНХ).

Наша система образования перманентно находится в состоянии реформирования, поэтому, собственно, разговор постоянно сводится к ближайшим целям и результатам, заданным последними постановлениями, тогда как в целом процесс не отслеживается и не оценивается. Это касается как средней, так и высшей школы. Принимаются решения, которые существенно меняют образовательный процесс и это не обсуждается и даже не объясняется ни учителям, ни преподавателям высшей школы. Вдруг появляется решение о переводе учеников с двойками в следующий класс, то вводится и потом трансформируется ЕГЭ, то говорится о профилизации, а потом о внедрении компетентностного подхода, который вырождается в методический шабаш, то аспирантура преобразуется в третью ступень обучения, то идет катавасия с диссоветами… И все это еще накладывается на реформирование РАН. В результате всех этих действий система разбалансирована, преподаватели превращены в «преподов», которые должны послушно выполнять бессмысленные и часто вредные с точки зрения образовательного процесса требования. Представляется, что ключевой причиной создавшегося положения является отсутствие понимания того, ради чего все эти преобразования производятся. Сразу отмечу, что реформой это невозможно назвать, поскольку реформа конечна: фиксируется текущее положение дел, указываются цели и примерные результаты, средства и время проведения. В нашей ситуации это не проходит. Говорится только о целях проведения того или иного административного действия без оценки исходного состояния, потом о следующем и поэтому невозможно отследить, что собственно происходит.

Очевидно только то, что идет непрерывная деградация системы образования. А поскольку речь идет об общем положении дел, то очевидно, что не поставлены ясные цели. Такие, которые были бы понятны тем, кто составляет ключевой элемент преобразований, на ком, собственно, и держится система образования – учителях и преподавателях. И тогда единственным средством проведения этих преобразований оказывается административный ресурс, который и используется на все 100%. В этих условиях обсуждать детали того, что и как реформируется или как правильно и по каким критериям оценивать эффективность образовательных учреждений и т.п. – это паллиативы. Необходимо понять, для чего все это делается. Казалось бы, для этого можно просто обратиться к тому, что говорят власть предержащие. Но тут сразу возникает ряд недоумений. Например, целью объявляется модернизация образования. Но при этом сама концепция модернизации, по крайней мере в том виде, как она провозглашалась в принятой в феврале 2002 г. «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», оказалась невыполненной ни в одном пункте. Она определяла в качестве цели создание «механизма устойчивого развития системы образования»[1]. Но это не сделано до сих пор. Сейчас просто смешно говорить об устойчивом развитии – идет одна ломка за другой. А раскрывается эта цель в пустых декларациях, сформулированных как «достижение нового современного качества» или «повышение социального статуса и профессионализма работников образования», или повышение «роли всех участников образовательного процесса – обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения». Последнее смотрится вообще как насмешка, учитывая тот диктат, который испытывают названные участники. И уж совсем странно читать, что «суть изменений в образовании, их цели, направления, методы должны регулярно разъясняться населению, а результаты общественного мнения должны пристально изучаться органами управления образованием и руководителями образовательных учреждений и учитываться при проведении модернизации образования»[2]. Населению нужно разъяснять, а вот учителям и преподавателям вузов – не нужно, и их мнения не должны учитываться. (По правде говоря, вообще ничьи мнения, кроме мнений реформаторов, не учитываются, но это отдельная тема.)

Я приведу оценку этого документа, данную председателем Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю.В. Крупновым: «Как бы парадоксально это ни прозвучало, но безусловно антиобразовательной у нас является сама концепция модернизации образования, принятая еще в 2001 году и упрямо реализуемая, несмотря на всю кри-

1. http://elementy.ru/Library9/pr393.htm
2. Там же.

тику со стороны научной и педагогической общественности. Нам упорно навязывается отношение к образованию как к сфере услуг. Но ведь вообще за минувшие после перестройки 25 лет до основания разрушилась вся организация школьного образования, значительно понижен статус учителя. За яркими парадными вывесками мы видим полностью разрушенную инфраструктуру образования, из которой по определению не может получиться что-то более-менее выдающееся»[3]. За это время, правда, был подготовлен, а уже за пределами 2010 г. принят новый Закон об образовании, стала регулярно оцениваться эффективность работы вузов. Но опять же, цели как таковые определены не были, и поэтому ситуация остается такой же неопределенной. Можно сослаться и на оценку ситуации, которую в 2009 г. давал О.Н. Смолин – заместитель председателя Комитета Государственной думы по образованию: «Для меня очевидно: надо во многом менять российскую образовательную систему, реформы в этой сфере дали прямые отрицательные результаты»[4]. Понятно, что цитирование подобных оценок легко умножить. Но можно обратиться и к самим реформаторам.

Министр образования и науки Д. Ливанов в июле 2013 г. в интервью М. Барщевскому высказал несколько важных положений, которые разъясняют, как он понимает цели и задачи своего министерства: «Я считаю, что чем больше мнений высказывается по поводу ситуации в образовании и науке, тем лучше. Чем больше людей вовлечено в дискуссию, тем больше шансов у нас объединить усилия и изменить ситуацию к лучшему»[5]. Дискуссия имеет смысл, когда обе стороны слушают друг друга, а когда хотя бы одна сторона в принципе не слышит другую, то дискуссии нет. Но это относится к стилю и принципам работы, а вот что касается собственно понимания перспектив, то министр дает на преобразования до десяти лет: «Любые, даже малозначительные изменения в таких по-хорошему консервативных системах, как высшее образование или система фундаментальных исследований, требуют длительного времени. Эти проекты рассчитаны на несколько лет, а может быть и десятилетие». И здесь возникает естественный вопрос: с принятия Концепции модернизации прошло больше одиннадцати лет, так что же сделано? И к кому же обращены слова министра о том, что «…любые шаги должны быть обдуманными и преследовать определенные общественно значимые цели»? Мы пришли к ситуации, когда улучшать что-то уже поздно – «…бессмысленно улучшать паровоз, когда весь мир летает на самолетах. Если те или иные управленческие механизмы или институты сегодня не

3. http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/04/deti/726898-borba-s-totalitarizmom-obernulas-razgromom-obrazovaniya

4. http://russia-today.ru/old/archive/2009/no_19/19_topic_04.htm

5. Интервью. – http://www.rg.ru/2013/06/06/livanov-site.html

работают на современном уровне, их предстоит изменить или заменить. И чем быстрее мы это сделаем, тем ощутимее будет общественно значимый эффект, который эти изменения принесут». Эти слова министра означают, что за 11 лет не было сделано ничего, и мы остались с паровозом. Больше того, он негативно оценивает именно это десятилетие: «…Наша основная задача – не проводить каких-то глубоких структурных реформ, а просто вернуть исходный смысл простым понятиям. Тот смысл, к которому мы все привыкли 20, 30, 40 лет назад, но за последнее десятилетие подзабыли». И говоря об этом смысле, министр обращается к определению университета, который он понимает как «место, где студенты становятся профессионалами, а диплом – это только факт подтверждения высокого уровня профессионализма». То есть дается понятное, но в то же время чисто экономическое и очень узкое определение университета.

Сама идея, что через 11 лет нужно вернуть исходный смысл простым понятиям, хороша. Но опять же: а что делалось в течение 11 лет? Ответ простой – шел процесс реформирования. Однако поскольку не были определены ни цели, ни соответствующие этой цели задачи, то результат вполне очевиден. За это время мы включились в Болонское движение, и это на время дало некий псевдосмысл процессам преобразований («псевдо», потому что для национальной системы образования это может рассматриваться как нечто внешнее) – встроиться в европейское образовательное пространство, и предшествующий министр говорил о таких важных целях как признаваемые в мире дипломы, переход к модулям и двухуровневой системе. За это время был введен и показал себя во всей красе ЕГЭ, который теперь нужно реформировать. Сейчас придумали, что аспирантура, которая всегда понималась как первая ступень научной деятельности, должна стать очередной ступенью обучения. В общеобразовательной школе то резко переходили на профиль, то опять возвращались к системе микроучастков, и профиль начинал тормозить. На систему образования обрушили стандарты, компетентностный подход и контроль качества. При этом сам уровень подписанных министром стандартов не отвечает минимальным требованиям[6]. Предполагалось, что они уведут от ЗУНов, но этот уход выразился лишь в том, что вместо трех звеньев «знания–умения–навыки» компетенции расписываются тройкой «знать–уметь–владеть». А сколько раз перестраивался ВАК РФ?

Все это хорошо известно, но никак не смущает реформаторов. Они продолжают со страстью, достойной гораздо лучшего применения, «опускать» наше образование, превращая его в сферу услуг третьеразрядной страны и используя логику Т.Д. Лысенко – не закончив одно, переходить к другому,

6. См.: Донских О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. – М., 2013. – № 5. – С. 36–45.

более перспективному, от ветвистой пшеницы к сверхжирному молоку. В этой связи нельзя не вспомнить фразу А. Фурсенко о необходимости переориентирования системы образования от подготовки творца к подготовке квалифицированного потребителя. Правда, эта цель также не была выполнена, потому что непонятно, как оценивать потребительскую компетенцию, и в наборе федеральных стандартов она не определяется.

Я полагаю, что если мы действительно хотим выстроить достойную систему образования, нужно начинать с достойных целей. В качестве примера имеет смысл обратиться к тому определению, которое дал миссии немецкого университета М. Хайдеггер, став ректором Фрайбургского университета: «Самоутверждение немецкого университета есть исконная, совместная воля к его существу. Немецкий университет значим нам как высшая школа, которая от науки и через науку берет вождей и хранителей судьбы немецкого народа для взращивания и воспитания. Воля к существу немецкого университета есть воля к науке как воля к историческому духовному заданию немецкого народа как народа, который знает сам себя в своем государстве»[7]. Эта цель ставится Хайдеггером в качестве ответа на то состояние немецкого университета, к которому он пришел через 100 лет после Вильгельма фон Гумбольдта. Стоит отметить, что гумбольдтовский университет возник как радикальная реформа немецкого университета начала XIX в. – «Университет как *instrumentum dominationis*, как мануфактура чиновников, как фабрика рекрутирования – таков был в глазах современников и многочисленных противников Гумбольдта тот единственный разумный смысл, который еще можно было связать с этим покрытым пылью учреждением[8]. Гумбольдт задает такие принципы, как академическая свобода, а также единство исследования и преподавания. Но через век ситуация повторяется, по оценке Макса Вебера, «фигура исследующего и преподающего ученого стала карьерной целью; питомники науки превратились – особенно в медицинской и естественно-научной области – в институты по образцу “государственно-капиталистических” предприятий»[9]. Государство преодолело академическую свободу и превратило университетских преподавателей в чиновников. А надежда на успешную государственную карьеру соответствующим образом изменила установки студентов. «Гумбольдтовский идеал образования, которому следовала его концепция науки и университета, есть образ ищущего человеческого духа, восходящего путем своей самостоятельной деятельности до высшего понимания и нравственного совершенства; образование для него есть процесс

7. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Sam_NemUniv.php

8. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. – 2002. – № 5–6. – http://magazines.russ.ru/logos/2002/5/shedel.html

9. Там же.

самостановления индивида, воплощающего в себе истинный и нравственный мир»[10]. То есть совершенно очевидно, что первичным при таком понимании является становление личности через образование и науку, а уже потом профессионализация. Кроме того, если иметь в виду роль философского факультета, который Гумбольдт понимал в качестве ключевого, то становление личности происходит в том числе и благодаря постоянной рефлексии, критическому отношению к любым авторитетам, что, в свою очередь, требует самостоятельности и глубокого освоения базовых принципов научного познания.

Растущая специализация и профессионализация – это и есть то, против чего выступает Хайдеггер, когда говорит о «воле к науке как воле к историческому духовному заданию немецкого народа».

Смешно даже говорить о том, насколько установки наших реформаторов далеки от такого понимания образования и университета. Опыт истории немецкого университета говорит о том, что его автономия гарантировала и серьезные научные результаты, и высокий уровень преподавания, тогда как вмешательство государства негативно влияло на качество исследований. Поэтому пришлось создавать научные учреждения, независимые от университетов, вроде общества Кайзера Вильгельма (ныне общество Макса Планка).

У нас же стремление к тотальному контролю (при рыночных заклинаниях) усугубляется переводом всего в примитивно экономический план. С одной стороны, провозглашается, что преподаватель – это «человек, имеющий реальные научные или практические достижения в той дисциплине, которую преподает студентам»[11]. А с другой стороны, нагрузка на преподавателя увеличивается до степени, когда наукой он может заниматься лишь в качестве хобби. Вдобавок он вынужден непрерывно вести методическую работу, которая не имеет отношения не только к науке, но и к учебному процессу.

Конечно, в качестве принципиальной цели можно понимать то, что происходит как переход от советской системы образования к системе западной. Но при таком понимании возникает ряд вопросов, ответы на которые найти практически невозможно. Во-первых, не существует такой единой системы образования, которую можно было бы назвать «западной». Английская отличается от французской, они обе отличаются от немецкой и т.д. Во-вторых, необходимо зафиксировать начальное состояние дел и промежуточные цели проводимой реформы. Это не делается, в лучшем случае говорится о том, что очередная реформа принесет. А если она не приносит, то принесет следующая. В-третьих, так сложилось в России, что фундаментальной наукой зани-

10. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. – 2002. – № 5–6. – http://magazines.russ.ru/logos/2002/5/shedel.html

11. http://www.rg.ru/2013/06/06/livanov-site.html

мались преимущественно в Академии наук, тогда как вузовская наука в лучшем случае занималась прикладными исследованиями. Даже если сейчас работающие в Академии наук ученые перейдут в университеты, во многих случаях они не смогут вести исследования, поскольку здесь нет соответствующей базы…

В этой ситуации имеются расхождения между провозглашаемыми целями и целями подразумеваемыми, идет чехарда противоречащих друг другу мероприятий. И используются соответствующие средства. Главное из них – административный ресурс. Вместо объяснения и убеждения идет прямое насилие. Наиболее ярко это проявилось при введении ЕГЭ. С самого начала говорилось, что тестами невозможно проверять литературу, что необходимо сочинение. После семи-восьми лет к сочинению возвращаются. Уже ряд лет в вузах под названием «Модернизация методического обеспечения учебного процесса» продолжается методическая вакханалия, пишется невероятное количество рабочих программ, указаний для самостоятельной работы студентов и указаний для преподавателей, как работать с написанными ими пособиями. И это методическое обеспечение является одним из важнейших показателей при аккредитации учебных заведений. Вообще, количество бумаг, которые должен сочинить работающий учитель или вузовский преподаватель, давно зашкаливает. И эти методические требования, безусловно, являются демонстрацией работы вышестоящих органов. Сама процедура периодической аккредитации, которая требовала от вузов невероятных административных усилий (злые языки говорят еще и об усилиях финансовых), как вдруг выяснилось, неэффективна. И началась проверка на эффективность. Возникает естественный вопрос: если выработанная самим же министерством процедура неэффективна и не позволяла на протяжении полутора десятков лет грамотно оценивать работу вузов, то не говорит ли это о неэффективной работе самого министерства? И на этот вопрос напрашивается не менее естественный и простой ответ. А если это так, то на каком основании и без всякого обсуждения с заинтересованными сторонами то же самое министерство реализует дальнейшие трансформации? Что позволяет думать, что эти трансформации пойдут на благо нашей национальной системе образования? Когда справедливо говорится, что многие дипломы ничему не соответствуют, что идет имитация процесса вместо реального обучения, что падает уровень знаний как преподавателей, так и студентов и т.д.? Все это верно. Но, например, при введении ЕГЭ полагали, что он поможет снизить расходы родителей на репетиторство. Тогда почему, например, до сих пор даже не начата борьба с фирмами, которые по заказу пишут студентам курсовые, рефераты и дипломные работы? Не говоря о таких мелочах, как типографские издания шпаргалок и т.п. Но что говорить об этом, если утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. «дорожная карта» развития системы обра-

зования предусматривает увеличение количества учеников на одного учителя и студентов на одного преподавателя. Это экономично (поскольку позволит сократить пару сотен тысяч учителей и вузовских преподавателей), но откровенно плохо согласуется с курсом на модернизацию. В качестве одного из важных способов поправить дела с финансированием образования предлагается привлечение бизнеса. Но этот путь также имеет существенные ограничения и определенные угрозы. Не случайно студенты в Европе выступают против прихода бизнеса в систему образования. За всем этим просматривается единственная цель – сэкономить на образовании.

Думается, должна быть поставлена другая ясная цель и, конечно, не на уровне «механизма устойчивого развития системы образования». Человек включается в эту систему (с учетом образования дошкольного и считая шесть лет бакалавриата и магистратуры) на 19 лет. Если аспирантуру считать следующей ступенью образования, то 22 года. Неужели это все только для того, чтобы в конце концов стать грамотным бухгалтером или инженером?

И уже под ясно сформулированную высокую цель можно будет выстраивать всю систему. А если цели будут понятны всем участникам процесса, то и не потребуется так откровенно использовать администрирование.

Е.В. Кулагина

ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ*

Кулагина Елена Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Экономическая трансформация и последовавшая за ней коммерциализация социальной сферы, с одной стороны, а также требования международной конкуренции к результатам образования – с другой, стали основанием для модернизации российской системы образования, которая, начиная с 90-х годов, подверглась настолько значительным преобразованиям, что они коренным образом изменили государственный подход к процессу накопления образовательного потенциала. Именно поэтому становится актуальным анализ факторов, оказывающих влияние на качество образования. Все большего внимания заслуживают вопросы: насколько задачи реформирования образования соответствуют потребностям народного хозяйства, как они учитывают интересы народонаселения, служат ли они общественному прогрессу. Соответствуют ли целевые показатели образовательных реформ решению внутренних проблем системы образования? Сможет ли Россия избежать негативных побочных эффектов, возникающих в ходе проведения аналогичных реформ в большинстве развитых стран мира?[1] Особенность отечественной ситуации состоит в том, что страна приступила к реформам в период затяжного экономического кризиса в условиях чрезвычайно низкого уровня финансирования отрасли на протяжении последних десятилетий. В период с 2001 по 2009 г. расходы на образование составляли 3,6–4,1% от ВВП, тогда

** Статья написана при поддержке РГНФ, проект №14-02-00188.*

1. OECD (2012), Education at a Glance 2012: Highlights, OECD Publishing.

как в других странах они были заметно выше (в США – 5,4–5,6% от ВВП)[2]. За период с 2000 по 2011 г. отношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций в образовании к среднемесячной заработной плате в экономике составляло от 56 до 68%[3].

Реформы в сфере общего образования начались с изменения принципов финансирования отрасли, с требований увеличения объемов внебюджетных средств, а также «эффективного» использования человеческих, информационных и финансовых ресурсов. Был осуществлен переход к нормативно-подушевому финансированию; к нормативно-правовому обеспечению экономической самостоятельности учреждений; к системе стимулирования труда педагогических работников посредством нормативно-подушевого финансирования; к передаче ответственности за оплату труда работников общеобразовательных учреждений на уровень субъектов РФ; к расширению практики дополнительных платных образовательных услуг[4]; к децентрализации бюджетов общеобразовательных учреждений и передаче их в ведение директоров школ[5]. Комплекс нововведений привел к сокращению педагогического персонала, укрупнению классов, сокращению числа школ, усилению контроля над деятельностью учителей, высокой дифференциации оплаты их труда, региональному неравенству в распределении экономических ресурсов системы образования. За период с 2000 по 2011 г., при сокращении количества обучающихся примерно на треть, численность учителей сократилась на 40%[6]. Все это время политика повышения «эффективности» человеческих ресурсов слабо согласовывалась с интересами работников сферы образования, в том числе не предполагала серьезного внимания к вопросам оплаты их труда. Величину средней начисленной заработной платы не удалось зафиксировать на достигнутом уровне, этот показатель существенно различается по субъектам РФ[7]. Нормы, касающиеся уровня заработной платы учителей, а также механизмы их реализации, ответственность за их соблюдение не установлены

2. Россия и страны мира 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012.

3. Российский статистический ежегодник – 2012. Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 г. № 1756-р.

5. Финансирование школьного образования в Российской Федерации: Опыт и проблемы. (Серия «Актуальные вопросы развития образования»). – М.: Алекс, 2004.

6. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник – 2012 г.: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

7. По данным электронного мониторинга Министерства образования и науки, только 35–40% учителей имеют среднюю зарплату по экономике региона. См.: Кузнецова Е. Ловушки неэффективного контракта. Новостная служба ГУ ВШЭ 3 апреля 2013 г. – http://www.hse.ru/news/recent/50466633.html

правовыми документами[8]. Во главе угла следующего этапа образовательных реформ – дальнейшее сокращение расходов, несмотря на то что речь идет об отрасли с изначально низким уровнем финансирования. Предполагается дальнейшее развитие финансово-экономических механизмов управления и системы эффективного контракта педагогических работников; разработка показателей эффективности деятельности учреждений и оценки результатов труда руководителей и работников. Ожидается, что за счет реорганизации неэффективных организаций (включая реструктуризацию сети школ) будет обеспечено не менее трети необходимых ресурсов для повышения оплаты труда[9]. При таком подходе цели «эффективности» будут достигнуты, в этом нет сомнения. Вместе с тем в условиях, когда увеличены классы, ликвидированы или реорганизованы школы, а росту оплаты труда работников сопутствует одновременное увеличение учебной нагрузки, будет намного сложнее обеспечить необходимое качество образования.

Правда, одновременно с ухудшением условий обучения в ходе реформ проводится работа по повышению качества образования и изменению его содержания. Примечательно, что побудительным мотивом для такой деятельности становятся не столько внутренние проблемы страны, сколько мировые тенденции экономического развития – переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение межкультурного взаимодействия, сокращение сферы неквалифицированного труда и возрастание роли человеческого потенциала[10]. Происходит ориентация на международные стандарты цивилизованного общества, согласно которым не следует ограничиваться достижением высокого уровня знаний и решением типовых задач, а нужно быть готовым применять эти знания на практике [2]. На начальном этапе реформ меры по повышению качества предусматривали: 1) разработку государственных образовательных стандартов общего образования; 2) изменение учебных программ, увеличение количества часов на информатику, русский и иностранные языки, экономику, историю, право; 3) введение профилей обучения в старшей школе; 4) повышение профессионализма и социального статуса работников образования; 5) создание незави-

8. Отчет «О результатах контрольного мероприятия "Проверка целевого и эффективного использования субсидий из федерального бюджета, направленных субъектами РФ на модернизацию региональных систем образования, в 2011 году и истекший период 2012 года"». Утвержден Коллегией Счетной палаты РФ. Протокол от 20 июня 2012 г. № 29К (862).

9. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р.

10. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 г. № 1756-р.

симой системы оценки качества образования (Единый государственный экзамен (ЕГЭ), государственная итоговая аттестация выпускников 9-х классов (ГИА))[11]. Дальнейшее развитие системы повышения качества образовательных услуг направлено на совершенствование оценки деятельности образовательных организаций – лицензирования, аттестации и государственной аккредитации; развитие информационных технологий[12]; обучение педагогических и руководящих работников в соответствии с требованиями федеральных государственных стандартов общего образования; обеспечение доступности образования и его инновационного характера; выработка современной оценки качества[13].

Поскольку ориентирами реформ выступают практики постиндустриального общества, образовательная политика ориентируется на данные международных исследований, в которых наряду с развитыми странами принимает участие и Россия. Задача улучшения суммарных результатов российских школьников в исследованиях Международной ассоциации по оценке образовательных достижений и Организации экономического сотрудничества и развития озвучена на официальном уровне. Как правило, для всех государств-участников позиция в рейтинге становится основанием, чтобы сделать выводы о качестве человеческого капитала, а также о конкурентоспособности и эффективности образовательной политики. В нашей стране результаты исследований становятся основанием для изменения содержания и качества образования: разработки образовательных стандартов нового поколения (ФГОС), создания новых учебников, обновления программ повышения квалификации учителей, разработки содержания и технологий проведения Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Целесообразность всецелого подчинения образовательной политики ориентирам, которые установлены экспертами из стран с другим уровнем экономического и культурного развития, не подвергается сомнению. К тому же в последнее время появились внешние признаки успешности проводимой политики. Суммарные результаты оценки знаний и умений российских школьников заметно меняются в лучшую сторону, постепенно сокращая «глубину отставания» российской системы образования. Если в 1995 г. и в 2000-х годах суммарные значения показателей тестовых оценок находились в середине международных рейтингов, то впоследствии они

11. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 г. № 1756-р.

12. Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 гг. Утверждена постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803. – http://base.garant.ru/189041/#block_2000

13. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р.

улучшились настолько, что Россия вошла в десятку стран с лучшими показателями качества образования. В 2011 г. учащиеся 4-х классов заняли второе место среди 49 стран в международном исследовании качества чтения и понимания текста PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study)[14]. В указанном году по результатам международного сравнительного мониторингового исследования TIMSS (Trends in International Mathematics and Science Study) учащиеся 4-х классов заняли десятое место по математике, а учащиеся 8-х классов – шестое место среди 63 стран. По естествознанию учащиеся 4-х классов заняли шестое место, а учащиеся 8-х классов – седьмое место среди 63 стран[15]. Являются ли достигнутые результаты подтверждением повышения конкурентоспособности отечественного образования, отражают ли они позитивные сдвиги, достигнутые в ходе образовательных реформ? Вопрос спорный.

Помимо публикации суммарных результатов международные исследования предоставляют дополнительные материалы для более детального анализа показателей, оценивающих уровень подготовки российских школьников. На некоторые из них обращено внимание в документах правительства. Речь идет о недостаточной функциональной грамотности учащихся – умении применять полученные знания на практике, активно их использовать в различных сферах человеческой деятельности. Кроме того, считается необходимым повысить значение показателя, указывающего на удельный вес численности учеников с базовыми знаниями и соответствующего среднему уровню подготовки учащихся. Последний выбран ориентиром для обновления содержания, технологий обучения и учебно-методического обеспечения[16]. Как при этом будет меняться вся структура распределения школьников по уровням подготовки, включая «высокий», «низкий» и «не достигший низкого уровня», в государственных документах не уточняется. В то же время увеличение доли учеников с базовым уровнем образовательных достижений может происходить за счет сокращения категории с высоким образовательным уровнем, при одновременном увеличении учащихся с низким уровнем или не достигших его. Показатели, выбранные в качестве ориентиров российской образовательной политики, нуждаются в значительных уточнениях, что, в принципе,

14. Огнев А. Россия заняла второе место в международном мониторинге PIRS // S&TRF наука и технологии РФ. 11.12.12.

15. Результаты международного исследования TIMS-2011. Отчет Министерства образования и науки РФ, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Российской академии образования, Института содержания и методов обучения. – http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2904файл/1451/12.12.11-TIMSS_2011.pdf

16. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 2148-р.

позволяют сделать материалы международных исследований. Однако это требует привлечения дополнительных данных, которые не заслужили достаточного внимания отечественных политиков.

В частности, международные исследования позволяют выявить факторы, влияющие на уровень подготовки школьников. Так, например, в исследовании TIMSS на основании опросов администрации школ показано, что успеваемость учащихся 4-х классов чаще всего обусловлена их дошкольной подготовкой. В 2011 г. среди учащихся 4-х классов, которые показали лучшие результаты, доля получавших дошкольное образование составила 68%. Кроме того, положительное влияние на результаты ответов школьников оказывают ресурсы семей (образование родителей, их профессиональная занятость, общее количество книг в доме, доступ в Интернет и наличие у учащегося отдельной комнаты). В свою очередь у российских школьников такие ресурсы ограничены. Только 16% учащихся 4-х классов и 19% учащихся 8-х классов, принимавших участие в обследовании, относятся к группе с высоким уровнем ресурсов семей. В странах, занимающих лидирующие позиции в рассматриваемых исследованиях – Финляндии и Республике Корея, – таких учащихся более 30%[17]. Расчеты по материалам обследования PISA показывают, что результаты обучения (грамотность чтения, математическая и естественно-научная грамотность, компетентность в решении проблем) зависят от того, в каком населенном пункте проживают ученики. Лучшие результаты по количеству суммарных баллов показывают учащиеся мегаполисов и крупных городов, худшие – поселков, сел и деревень [1]. Соответственно, анализ суммарных результатов оценки знаний школьников должен происходить с учетом реального вклада представителей каждой группы. Роль социально-экономических факторов в образовательных достижениях настолько существенна, что их следовало бы рассматривать при интерпретации суммарных результатов. Это позволило бы избежать ошибок в разработке образовательной политики. Однако пока такой инициативы российские политики не выдвигают.

В свою очередь международные эксперты, занимающиеся анализом международных исследований, подчеркивают важность социально-экономических факторов. Они указывают, что выводы, которые делаются на основании суммарных результатов, слишком упрощены, часто преувеличены и поэтому вводят в заблуждение. Эти выводы игнорируют сложность оценки результатов, сделанных на основе тестовых заданий, а также методологию исследова-

17. Результаты международного исследования TIMSS-2011. Отчет Министерства образования и науки РФ, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Российской академии образования, Института содержания и методов обучения. – http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2904файл/1451/12.12.11-TIMSS_2011.pdf

ния и могут подтолкнуть политиков к тому, чтобы начать лоббировать нецелесообразные и даже вредные реформы. Более глубокое изучение результатов PISA в США показало, что социально-экономическое неравенство школьников существенно влияет на суммарные баллы. Признаки улучшения, ухудшения или неизменности последних не раскрывают того, что происходит в системе образования. Средние показатели могут быть относительно низкими, потому что в обследовании может быть намного больше участников из социально-неблагополучных групп населения, которые традиционно показывают худшие результаты. Они также ничего не говорят о достижениях школьников из различных социальных групп, а также об их вкладе в итоговую оценку знаний, поскольку с течением времени может меняться не только эффективность обучения, но и пропорции оценок в распределении между социально-экономическими группами. Сопоставление средних результатов представителей различных групп населения было бы более полезным для политиков. М. Карной и Р. Ротштайн показали, что в отличие от других постиндустриальных стран достижения школьников США выросли в низкодоходных группах. В то же время в США, а также в некоторых других странах ухудшились оценки школьников из средних и высокодоходных групп. В Германии отмечалось улучшение показателей у школьников из различных социальных групп. В Финляндии, несмотря на высокие показатели образовательных знаний, школьники из низкодоходных групп показали снижение результатов [3].

Расчеты показывают, что каждый показатель, выбранный для оценки системы образования, имеет связь с социально-экономическими, демографическими и другими факторами. Результаты, учитывающие подобные взаимосвязи, разительно отличаются от показателей рейтингов. Сравнение и оценивание образовательных систем без учета контекста приводят к появлению ложных ориентиров [2]. Данный вывод в равной мере справедлив как для показателей международных рейтингов (PISA, PIRLS, TIMSS), так и для результатов ЕГЭ, который официально объявлен инструментом системы оценки качества[18]. При всей спорности и недостаточной научной обоснованности предлагаемого инструментария[19] его начинают использовать для оценивания качества работы образовательных организаций и качества оказываемых услуг, знаний учащихся, результатов труда учителей[20]. Правомерность

18. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 2148-р.

19. Модернизация российского образования: Достижения и уроки. – М.: Алекс, 2004.

20. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р.

использования результатов ЕГЭ тем более сомнительна, когда известно, что около трети школьников в среднем по стране готовятся к этому экзамену с помощью репетиторов[21]. Критика в адрес ЕГЭ уже прозвучала на официальном уровне. Планируется, что устранение однобокости в оценках качества будет одним из приоритетов реформы образования. Предполагается проводить мониторинговые обследования в школах, в том числе учитывать независимую оценку потребителей образовательных услуг. Доработка ЕГЭ и ГИА будет продолжена на основе ФГОС с ориентацией на оценку навыков и компетенций школьников, а не на формально заученные знания. В то же время именно результаты ЕГЭ являются целевыми показателями в сфере управления образованием. Отношение среднего балла ЕГЭ в 10% школ с лучшими результатами к среднему баллу ЕГЭ в 10% школ с худшими результатами по каждому предмету будет использовано для оценки равенства доступа к качественным образовательным услугам и уровня дифференциации образовательных учреждений[22]. Будет ли достигнута задача за счет снижения результатов лучших школ или повышения худших, видимо, не имеет значения.

Показатели, ставшие ориентирами для реформ в системе общего образования, отражают глубину государственного подхода и степень проработанности вопросов, касающихся повышения качества образования. За всем этим не просматривается стремления решить собственные проблемы. В том числе нет мер, направленных на преодоление избыточного социально-экономического неравенства, которое препятствует доступности образования и повышению его качества; на укрепление образовательного потенциала нации за счет освоения знаний по учебным предметам, имеющим первоочередное значение для развития наукоемкой сферы; на сбережение кадрового потенциала, ответственного за ключевые предметы. Складывается впечатление, что целесообразность образовательных реформ и категория «качества» обусловлены, главным образом, стремлением повысить позиции России в международных рейтингах, а не внутренними мотивами экономического развития, в том числе потребностями народного хозяйства. Соответственно упрощается и миссия образования, которая определяется как «реализация гражданами своего позитивного социального, культурного, экономического потенциала, и в конечном итоге – социально-экономическое развитие России»[23].

21. Комплексное наблюдение условий жизни населения. Федеральная служба государственной статистики. 28.04.2012. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html

22. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 2148-р., п. 3.1, п. 3.2.

23. Там же.

Одним из императивов реформ становится усиленное внимание к учебным предметам, по которым российские школьники отстают в мировых рейтингах (технология, иностранные языки, социальные науки). В то же время нельзя сказать, что делается все возможное для развития этих дисциплин. Если российским школьникам необходимо наращивать знания в области технологии, иностранных языков и социальных наук, то, наверное, по соответствующим учебным предметам следовало бы производить «обновление состава и компетенций педагогических кадров» – ведущего направления реформ по обеспечению качества образования. Однако кадровая политика не принимает во внимание эти обстоятельства, что сильно отличает Россию от развитых стран, наращивающих свои преимущества комплексно, по всем направлениям. Задача развития естественных, математических и инженерных наук в США реализуется посредством поддержки учителей, ответственных за эти предметы, и является неотъемлемой частью образовательной политики. Курирует это направление лично президент, поощряя учителей материальными премиями, высокой оценкой их труда и признанием значимости их деятельности по обучению школьников предметам в области естественных и математических наук[24]. Все, что можно наблюдать сегодня в России, происходит без разработки соответствующих мер кадровой политики. Изменения происходят только за счет содержания гуманитарных дисциплин – экономики, истории, права, информатики, английского языка, ОБЖ, основ религиозной культуры[25]. В федеральных базисных учебных планах[26] увеличены часы на гуманитарные предметы и сокращено время на обучение геометрии, физики, химии, биологии и черчения.

Учебные предметы, имеющие отношение к области естественных наук, не заслужили внимания в программах реформы образования. В материалах реформ упоминается только про математику и чтение, которые планируется «поддерживать», поскольку они и без того являются «областями потенциального лидерства» (см.: те же самые рейтинги). В свою очередь это не может не вызывать возражения, так как интерес к изучению технических предметов

24. President honors outstanding science, math, engineering teachers and mentors. – http://www.whitehouse.gov/the_press_office/PRESIDENT-HONORS-OUTSTANDING-SCIENCE-MATH-ENGINEERING-TEACHERS-AND-MENTORS/; http://www.whitehouse.gov/blog/2012/01/10/recognizing-science-math-and-engineering-mentoring

25. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 г. № 1756-р.

26. Министерство образования и науки Приказ от 03 июня 2011 г. № 1994 «О внесении изменений в федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, утвержденные Приказом Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 1312».

падает по мере деградации производственного сектора. В 2012 г. доля учащихся 11 классов, получивших минимальный и низкий баллы ЕГЭ по математике (менее 60 в первичных тестовых баллах), составила 83,8%[27]. За период с 2000 по 2010 г. доля детей, обучающихся в системе дополнительного образования школьников – на технических станциях и в кружках, которые прежде поддерживались предприятиями, – сократилась в 1,6 раза (в абсолютном выражении с 434,2 до 268 тыс. человек)[28]. В 2011/12 учебном году только 9% учащихся 10–11-х (12-х) классов проходили допрофессиональную подготовку, из них всего 5% обучались техническим профессиям[29]. Как отмечают учителя, объем часов, который остался в базисном плане общего образования, недостаточен для дальнейшего освоения инженерных специальностей в вузе[30]. Сокращение количества часов привело к уменьшению рабочей нагрузки учителей химии, физики и биологии, которые оказались в уязвимой ситуации с точки зрения величины оплаты труда. В общей сложности более половины из них загружены как внешние и внутренние совместители, т.е. ведут либо другие предметы, либо кружки, либо группу продленного дня и прочее. Не может не настораживать старение педагогических кадров по физике, химии и математике. Доля учителей указанных предметов в пенсионном возрасте составляет около четверти, при среднем показателе по РФ 18%[31]. В Москве величина указанного показателя составляет примерно треть. К тому же среди учителей указанных предметов самая низкая доля работников в молодых возрастах. В целом по столице возрастной состав учителей ухудшается. В течение 2009–2012 гг. приток в школы молодых специалистов в возрасте до 25 лет оставался минимальным. Среди учителей математики и физики – порядка 4%. Одновременно продолжала увеличиваться доля учителей пенсионного возраста – у математиков она достигла 27,7%, физиков – 37,2%[32]. Несмотря на угрожающее состояние кадрового состава, отвечающего

27. Итоговый аналитический отчет о результатах Единого государственного экзамена 2012 года. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. ФИПИ. – http://www.fipi.ru/binaries/1353/1.pdf

28. Российский статистический ежегодник – 2012 г.: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

29. Форма № Д-11 «Сведения о допрофессиональной подготовке обучающихся в образовательных учреждениях, реализующих программы общего образования», РФ, 2011. Приказ Росстата от 20.07.2011 № 329.

30. Мелешко В. Школьная химия терпит бедствие национального масштаба // Учительская газета. – М., 2012. – 21 февраля.

31. Образование в РФ: 2012 стат. сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012.

32. Форма № 83-РИК «Сведения о численности и составе педагогических работников общеобразовательных учреждений». – М., 2011.

за указанные предметы, этот процесс специально не регулируется. Напротив, в американской экономике высокая значимость математических, инженерных и естественных наук, подкрепленная соответствующими мерами кадровой политики, позволяет достичь заметных результатов. Преподаватели математики и естественных наук там «моложе» остальных, в том числе учителей иностранных языков и обществоведческих предметов. Возрастная структура педагогических кадров более пропорциональна. В возрасте до 30 лет учителей математики в США – 21,6%, от 30 до 39 лет – 25,6, старше 50 лет – 27,7%. Ситуация, ровно противоположная ситуации в России[33].

В процессе образовательных реформ постиндустриальные, экономически развитые страны наращивают свои преимущества в областях, обеспечивающих конкурентоспособность в наукоемкой сфере, Россия же поражает выбором приоритетов. Учебные предметы, имеющие отношение к сфере общественных наук, находятся в фокусе образовательной политики уже второе десятилетие, тогда как разработка Концепции развития математического образования в Российской Федерации была запланирована только на 2013 г.[34] Ориентиры реформ в сфере общего образования вполне соответствуют общему тренду развития отечественной экономики, при котором, несмотря на риторику правительства, продолжает усугубляться кризис наукоемкого производства. Низкий уровень государственного финансирования образования, а также довольно поверхностное отношение к выбору показателей развития образования и к интерпретации образовательных результатов в сочетании с поразительным безразличием к развитию естественных и математических предметов не дают основания полагать, что наблюдаемые образовательные реформы приведут к повышению качества образования и конкурентоспособности населения страны. Можно согласиться с исследователями, которые делают выводы о том, что в наши дни угрозы будущему процветанию нации исходят не столько от несовершенства образовательной системы, сколько от неэффективного управления экономикой. Самая лучшая образовательная система, которую можно себе представить, не может преуспеть, если мы проигнорируем эти прочие проблемы [3]. Однако если несовершенство управления дополняется не самой лучшей системой образования, то задача процветания нации становится несбыточной мечтой, а ориентиры развития сводятся к «эффективному» использованию ресурсов.

33. U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics, Schools and Staffing Survey (SASS), «Public Teacher Questionnaire», October 2009.

34. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 г. № 1756-р.

Литература

1. Агранович М.Л. Индикаторы в экономике и управлении образованием // Экономика образования. – 2008. – № 4.

2. Модернизация российского образования: Достижения и уроки. – М.: Алекс, 2004.

3. CarnoyM., Rothstein R. What do international tests really show about U.S. student performance? / Economic Policy Institute. – Washington, 2013.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.П. Булдаков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК МЕРИЛО РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Эпоха Просвещения подарила миру невиданное дотоле представление: человеческое благополучие и процветание лежат в будущем, а не в утраченном «золотом веке». И зависит оно, прежде всего, от развития производительных сил. Вместе с тем старое как мир насилие неожиданно показалось – и отнюдь не только Карлу Марксу – «повивальной бабкой прогресса».

Представления о том, что война приведет к прогрессу экономики, сформировалось в Англии во времена войны с Наполеоном. Логика «прогресса» подспудно деформировала человеческую мораль. И Жозеф де Местр, полагавший, что сама человеческая история постоянно требует кровавого жертвоприношения, и Генрих фон Трейтшке, утверждавший, что война – это единственное средство, исцеляющее народы от болезней и пороков «застоя», и даже Фёдор Достоевский, писавший, что война призвана «освежить воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте»[1], были людьми той самой эпохи, которая шаг за шагом готовила собственное крушение. Сегодня об этом почти забыли, хотя в свое время прозвучали предупреждения о том, что «дух современной цивилизации представляет собой отнюдь не “прогресс” …а *упадок*», который «привел к господству слабых над сильными, расчетливых над благородными, количеств над качествами»[2]. Люди платят не столько за собственное недомыслие, сколько за беспамятство.

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь–август. – М., 1983. – С. 95.

2. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб., 1999. – С. 204.

Как бы то ни было, уже целое столетие Первая мировая война обычно рассматривается как тотальное несчастье, обрушившееся на европейский мир по непонятным причинам. Этому способствовали представления о том, что «при современном характере международных экономических связей война никак не может считаться способом достижения каких-либо разумных хозяйственных целей…» При этом оставалось только недоумевать по поводу «повального заразительного безумия», вызвавшего войну[3]. Действительно ее начало было встречено вступающими в нее народами с особыми надеждами: война должна была «оживить» не только общественную ткань, но и экономическую жизнь. «…Эта война, так или иначе дав выход силам прошлого, начнет новое будущее»[4], – писал В.И. Вернадский.

За подобными представлениями стояла своеобразная традиция морального самовнушения. Длительное время целый ряд авторов доказывал, что отсталая российская экономика в наименьшей степени пострадает от войны[5]. Человек способен сделать добродетель не только из нужды, но и из несчастья. В 1914 г. вновь зазвучали заявления о том, что для России длительная война не так опасна, как для Германии[6].

На этом фоне уходили на задний план прежние опасения. А их было немало. Так, незадолго до войны министр А.В. Кривошеин в специальной записке для Министерства земледелия отмечал, что предыдущее развитие России к началу XX в. «едва не завершилось общим экономическим кризисом» и, «если все останется в прежнем положении, …то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем»[7]. Люди, близкие к верхам, считали, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжким хроником, хотя казалась здоровой и сильной»[8], а ее армия не была готова к войне по причине «громадности и тяжеловесности бюрократической машины мирного времени»[9]. Оставляло желать лучшего и состояние быстро, но бессистемно

3. Слонимский Л. Что нужно было Германии? // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – Декабрь. – С. 292.

4. Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. – Пг., 1915. – С. 67.

5. См.: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. – М., 1917. – С. 11, 13, 16, 25.

6. Огановский Н. Организация общественных сил // Северные записки. – 1914. – Август-сентябрь. – С. 64.

7. Цит. по: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб., 2013. – С. 349.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 91.

9. Там же. – Л. 95–96.

развивающейся экономики, опутанной массой бюрократических «пут»[10]. Указывали, что синдикаты «Продамет» и «Продуголь» так завышали цены на производимую продукцию, что выгоднее было закупать материалы за границей[11].

В настоящее время подобные предупреждения забываются. Существует представление, что Россия была готова к войне и / или успела быстро мобилизовать ресурсы для победоносного ее завершения[12]. Получается, что революцию 1917 г. подготовили «заговорщики» – начиная с членов великокняжеской семьи и кончая зловредными социалистами[13]. По сути дела это воспроизведение некоторых безответственных «оптимистичных» прогнозов начала войны[14].

Нельзя сказать, чтобы такие представления были уникальными. Все европейские народы жили перед войной с ощущением необходимости избавления от препятствий, мешающих успешному движению вперед. Отсюда миф об «освободительной» войне, надежды на «чудо» мгновенного решения всех проблем. Причины такого состояния умов сегодня понятны. Сам этос Просвещения, в котором обольщение промышленно-технологическим «прогрессом» все основательнее отодвигало на задний план вопрос о его человеческой цене, подталкивал к решительному устранению последних препятствий на его пути. Ситуацию обострял и внешне незаметный, но социально-психологический фактор: демографический бум повлек за собой «омоложение» населения – соответственно возрос уровень адреналина в социальной среде. Между прочим, в Совете министров Российской империи в начале 1914 г. вынуждены были заговорить о невиданном феномене – сельском хулиганстве, отмеченном «бесцельностью наносимого вреда и отсутствием прямой выгоды» в качестве побуждения к действию[15]. Но этой стороны «прогресса» не замечали. «Конец XIX и особенно начало XX века в истории естествознания является эпохой катастрофического изменения, эпохой

10. Озеров И.Х. На Новый путь! К экономическому освобождению России. – М., 1915. – С. 287.

11. Дмитриев И.С. Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны. – СПб., 2005. – С. 13.

12. Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. – М., 2011. – С. 7.

13. Никонов В.А. Крушение России. 1917. – М., 2011. – С. 474–550.

14. См.: Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. – Пг., 1915.

15. Особый журнал Совета министров № 6 от 9 января 1914 г. По вопросу о мерах борьбы с хулиганством в сельских местностях // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. – М., 2006. – С. 42.

величайшей научной революции»[16], – считал В.И. Вернадский. В условиях массового самообольщения избежать мирового конфликта становилось все труднее.

Очень многие вкладывали в войну *экономически освободительный* характер. Это соответствовало всеобщим лозунгам борьбы *за свободу*. Предполагалось, что Россия «очистится» войной, избавится от всевозможных врагов – в том числе и внутри ее.

Люди все болезненнее ощущали, что российская власть ориентирована на «застой», а не на будущее, исходя из психологии *стабильности*, а не прогресса. Экономическая политика была пассивно-охранительной. Как результат, промышленность не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Победить в будущей войне рассчитывали исключительно за счет запасов мирного времени. Между тем в ресурсном отношении накануне тотальной войны ситуация в России была противоестественной: значительное количество стратегического сырья ввозилось из-за границы.

Естественно, хозяйственной пассивностью России пользовались иностранные предприниматели. В ответ российские «патриоты» принялись всячески поносить «немцев». Строго говоря, рассчитывать на модернизационный рывок на автохтонной базе вообще не приходилось. Но можно ли было добиться экономического прогресса, добавляя к множеству существующих социальных ограничений запрет по этническому принципу?

В сущности, проблема «возрождения экономики» России сводилась к задаче соединения теории с практикой. По уровню развития фундаментальной науки Россия не отставала от Запада. В.И. Вернадский надеялся, что война создаст новую ситуацию: решающее значение приобретет соперничество между нациями в области изучения и использования собственных природных богатств и производительных сил. В январе 1915 г. он выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. В феврале 1915 г. Академия наук готова была отказаться от «чистой» науки. Вернадский призывал к мобилизации ученых-естественников и даже гуманитариев, по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, для работы на нужды обороны[17].

Но все это походило на благие намерения, а не на конкретные планы. Правда, академик А.Н. Бах утверждал: «Несмотря на ужасный кризис, вызванный мировой войной, число научных сообщений увеличилось по сравнению с довоенными годами. Возможно это связано с тем, что в моменты катастроф люди обращают свои взоры к постоянным ценностям, а наука одна

16. Вернадский В.И. Война и прогресс науки. – С. 68.
17. Вернадский В.И. Очерки и речи. Т. 1. – Пг., 1922. – С. 131–132.

из самых верных»[18]. Но в целом инновационные инициативы терялись на фоне растущих упований на власть. В начале войны в Москве возникло Общество экономического возрождения России, тут же поддержанное газетой «Новое время», рьяно проводящей антинемецкую линию. Но ее сторонники рассчитывали, главным образом, на поддержку правительства, а апелляция к «купечеству, которое должно стряхнуть с себя вековую лень, бросить привычку стричь купоны с процентных бумаг, а помещать свои капиталы в дело», носили характер обычной риторики. То же самое можно сказать о надеждах на «помощь всего русского населения в виде бойкота всего немецкого»[19].

Идея «экономического возрождения России» была частью неославянофильской утопии того времени. Неслучайно некоторые уверяли, что «возрождение России» – это «проснувшийся Илья Муромец»[20]. Сомнительно, что подобную риторику можно было перевести в практические дела: российские предприятия попросту не могли обеспечить надлежащий уровень прецизионности производственного процесса[21]. Неслучайно в частной переписке идея экономического возрождения России связывалась со «слабыми потугами москвичей», которые скоро «будут раздавлены мощной ногой из Петрограда» (который, естественно, считался форпостом немецкого влияния)[22].

По словам выдающегося ученого В.Н. Ипатьева, в России не было правительственного органа, «который направлял бы развитие различных отраслей промышленности сообразно нарастающим потребностям страны… В особенности в Министерстве торговли и промышленности были скудны сведения относительно нашей химической промышленности, которая, впрочем, была к тому времени в самой начальной стадии своего развития». Не было общего плана по строительству новых заводов, господствовало «слишком формальное отношение к делу», отсутствовала «живая творческая работа»[23]. Сказывалось и то, что после печального опыта Русско-японской войны власть упорно настаивала на первостепенной реализации маринистских программ, ошибочно рассчитывая на то, что грядущая война закончится взаимоуничтожением

18. Бах Л.А., Опарин А.И. Алексей Николаевич Бах. Биографический очерк. – М., 1957. – С. 97.

19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1950.

20. Там же. – Д. 997. Л. 1695а об.

21. Дмитриев И.С. Указ. соч. – С. 16.

22. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1933.

23. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. – Пг., 1921. – С. 3–4.

британского и германского флотов[24]. И все это происходило, несмотря на то что общественность не упускала случая указать власти на ее промахи. Между тем в Германии, благодаря деятельности Фрица Хабера, было оперативно налажено производство азота на имперских заводах[25].

В России соединения «капитала ума и капитала денег» не получалось. Правда, из Киева сообщали, что там, благодаря агитации экономистов, «затевается освобождение от немцев в области химической промышленности», но уверенности в успехе этого начинания не было[26]. Идея «американизации» предпринимательства, получившая заметное распространение в противовес былому подражательству Германии, также не прививалась. Протекционистские формы государственного индустриализма по-прежнему развращали, «национальная модель» капитализма, ориентированная на англо-французское научное сообщество, не складывалась.

Социокультурные причины отставания России были у всех на устах. Среди них называли российскую пассивность и нерасторопность. Все это считалось результатом затянувшегося крепостничества. Известный экономист, член Государственного совета И.Х. Озеров считал, что до сих пор «никакой мы политики не проводили: мы одно знали – выжимать деньги из населения, выжимать всеми средствами»[27]. В общем, даже благонамеренные люди начинали мыслить не только в «освободительном» но и «революционном» ключе: война призвана осуществить некий переворот в экономике. Рядом с рассуждениями Озерова можно поставить заявление, принадлежавшее неустановленному российскому социалисту: «Догма экономически-автоматического прогресса будет окончательно сдана в архив»[28].

* * *

Война сразу же принесла неожиданность. В августе 1914 г. российских предпринимателей охватила настоящая паника: зависимость России от промышленно-технологического импорта оказалась настолько велика, что, казалось, о модернизационном рывке можно было забыть. Что же мешало инно-

24. Шацилло К.Ф. Корни кризиса вооружений Русской армии в начале Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. – С. 558–561.

25. Шелези-Янце М. Консультант, агент, бизнесмен? Фриц Хабер, фирма BASF и государственная политика Германии в области производства нитросоединений в ходе Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. – СПб., 2007. – С. 391–411.

26. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2218.

27. Озеров И.Х. Указ. соч. – С. 322.

28. Подвергшееся перлюстрации письмо было отправлено 2 ноября 1914 г. из Иркутска С.И. Лагунову в Харьков. – См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 13.

вациям? Только ли пресловутая «русская лень», помноженная на бесхозяйственность и разгильдяйство?

Проблема экономической эффективности в России была напрямую связана с проблемой управления. Всякая патерналистская система тяготеет к использованию «методов» запрета, а не поощрения. В экстремальных условиях это не могло не сказаться. Требовалось экстренное принятие принципиально важных решений, но власть к этому не была готова. В свою очередь, «общественность» привыкла активизироваться по команде сверху. Положение усугубилась в связи с разделением управления империи на военную и гражданскую части. Должной координации между ними не было: управленческие импульсы со стороны императора были слабыми и невнятными. Как результат, Совет министров ощутил свое бессилие.

В правящих верхах основные надежды возлагались на государство и казенную промышленность, работающую на оборону. Считалось, что ее продукция обходится дешевле, чем частных предприятий. Но современные исследователи возражают, указывая, что в себестоимость продукции казенных заводов следует включать и общие государственные расходы на поддержание их жизнедеятельности[29]. В любом случае вряд ли можно было рассчитывать на особую инновационную активность госсектора экономики. Так, на первый год войны внутри страны было заказано 8647 орудий, а произведено было лишь 88, т.е. 1% требуемого[30]. Частично это было связано с непростительно медленной перестройкой производства.

Между тем в верхах разгорелся спор: каким должен стать новый оружейный завод – казенным или частным? Естественно, частные предприниматели всячески отстаивали свои интересы, указывая на пагубность насаждения казенных заводов. В результате согласованный план строительства новых военных заводов так и не был реализован. Власть все больше ориентировалась на заграничные заказы. Уже к октябрю 1915 г. обнаружилось, что производительность частных химических заводов возросла в 50 раз, тогда как казенных – всего вдвое[31]. Получалось, что рост производства взрывчатых веществ в России был связан главным образом с частным предпринимательством.

Как результат неудач в перестройке экономики, хозяйственные слабости России все чаще стали связывать со «злокозненностью» немцев. «Немецкое засилье» стали воспринимать как тотальную напасть. В частной переписке

29. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М., 2008. – С. 305.

30. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). – М., 1973. – С. 30–31.

31. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Указ. соч. – С. 21.

встречались размышления о том, что вездесущих немцев придется «выкуривать» из экономики России и после войны[32]. На этом фоне в образованном обществе расцветали надежды на то, что после войны наступит «година экономического расцвета и благополучия»[33]. В низах подобные иллюзии воспринимали порой в чисто шовинистическом духе. Так, рабочие в борьбе против «немецкого засилья» принялись выявлять «вредителей» на производстве. Это вряд ли способствовало повышению его эффективности.

В правительственных верхах то и дело возникала паника по самым различным вопросам. «Входим в сумасшедший дом, – заявлял А.В. Кривошеин 13 сентября 1915 г. – …Трагизм разновластья. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», – вторил ему министр Щербатов. Через десять дней он же отмечал «хаос на железных дорогах» и повсеместную опасность голодных бунтов, бессильно констатируя, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов». 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторился: «Сплошное безумие, бедлам»[34]. Это было связано с тем, что «метод запретов» распространился на губернский уровень. Известный правый публицист Л.А. Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится – Москве грозит голод»[35]. 15 ноября 1916 г. князю Д.Н. Святополк-Мирскому писали из Тульской губернии: «…Россия была бы сыта и обеспечена всем необходимым.., если бы только правительство проявило больше скромности и уважения к экономическим законам. Вместо этого оно бросилось хозяйничать, запрещать и приказывать и создало в короткое время тот голод среди изобилия...» Но виноватым признавалось не только правительство. Признавалось, что «общественное мнение ужасно любит реквизиции, конфискации и вообще всю эту область»[36] – можно сказать, что в обществе существовало своего рода «антимодернизаторское» поветрие.

* * *

Конечно, сказывалось историческое своеобразие хозяйственного существования империи. Экономика России была многоукладной, но основная причина хозяйственных неурядиц была не только в этом. Строго говоря, всякая экономика многоукладна, другое дело – связи между укладами. Если они

32. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1556.

33. Там же. – Д. 998. Л. 1709.

34. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка.) – СПб., 1999. – С. 271–272, 277, 284.

35. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. – М., 2008. – С. 46.

36. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1104.

блокируются бюрократией, замыкающей естественный продуктообмен на себя, если они сдерживаются хозяйственной замкнутостью наиболее архаичных укладов, если, наконец, в низах нет гражданского понимания общего хозяйственного блага, в экстремальных обстоятельствах многоукладность может обернуться «многоконфликтностью» – войной всех против всех. Между тем хозяйственные уклады в годы войны неуклонно «разъезжались». Эта опасность усугублялась спецификой российской финансовой системы.

Предвоенный бездефицитный российский бюджет базировался на косвенном налогообложении, значительную часть которого составляли акцизы, признаваемые «несправедливыми». Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов. С другой стороны, преобладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Таким нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для индустриализации. Но он мог действовать только в мирных условиях. В экстремальных ситуациях империя могла превратиться в должника более развитых стран. Введение сухого закона усугубило финансовое положение.

Экономические последствия войны для современников были очевидны. Считалось, что финансовые расходы легче будет покрыть промышленно развитым странам, однако война окажет не столь разрушительное действие на народное хозяйство менее развитых стран[37]. «Оптимизм» верхов подкреплялся представлением, что война окажется скоротечной, накоплений мирного времени для ее победоносного завершения будет достаточно. Неслучайно к мобилизации всех ресурсов страны правительство приступило лишь спустя год после начала военных действий. Как позднее отмечал В.Н. Ипатьев, «еще никто не верил, что Россия действительно вовлечена в мировую войну, а уже во всей наготе обрисовалась полная катастрофа со снабжением миллионной армии боевыми припасами»[38]. Как результат, правительство стало интенсивно и нерасчетливо наращивать закупки за границей.

Уже к осени 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок. Для исправления положения пришлось и здесь прибегнуть к поставкам. В конечном счете сложилась следующая картина. В 1914–1917 гг. русскими заводами было изготовлено и отремонтировано 3576 тыс. винтовок, а из-за границы за это же время получено 3713 тыс. винтовок – французских, японских, американских и даже итальянских. На вооружении Русской армии оказались винтовки десяти различных систем, включая устаревшие однозарядные, поставляемые

37. Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. – Пг., 1915. – С. 259–260.

38. Цит. по: К 35-летию научной деятельности В.Н. Ипатьева. – Л., 1929. – С. 47.

союзниками. При этом недостаток винтовок сохранялся[39]. Справедливости ради следует сказать, что нехватку стрелкового оружия ощутили и в Германии. Но там проблема была решена путем раздачи производства отдельных частей ружья частным заводам[40]. В России такое было невозможно – подобные заказы попросту негде было размещать. Доходило до парадоксов: патроны к японским винтовкам «Арисака» производили и поставляли англичане. В конечном счете более половины винтовок, которыми воевали русские солдаты, было произведено за границей. С пулеметами «Максим» были свои сложности: производить их мог только Тульский завод.

Нынешние «патриоты» с гордостью заявляют, что «в 1916 г. по сравнению в началом войны производство пулеметов выросло у нас в 16 раз, легких орудий – в 9 раз, трехдюймовых снарядов – в 16 раз и т.д.»[41]. Непонятно, откуда взялась и на кого рассчитана подобная «валовая» статистика, словно скопированная с методов демонстрации «достижений» застойных советских времен. Следовало бы все же исходить из потребностей фронта, где пулеметов по-прежнему не хватало. В действительности, Россия с 1915 по 1917 г. увеличила выпуск пулеметов только в 2,7 раза, Германия – почти в 13, Франция – в 5, Англия в 13 с лишним раз, причем во всех армиях исходный базис был значительно выше, чем в России, а численность армий меньше[42]. На деле в России производство собственных вооружений росло не столь быстро, как зависимость от союзнических поставок.

«Окончательно отдаемся в руки добрых союзников, – иронизировали в Совете министров в марте 1916 г. – Переходим из огня в полымя, из немецкого экономического засилья в английское»[43].

Теперь требовались закупки того, что имелось в стране в изобилии, например серного колчедана, исходного продукта для производства серной кислоты, без которой невозможен выпуск взрывчатых веществ. Возникали и «странные» нужды. В апреле 1915 г. американская промышленность получила из России заказ на производство 400 тыс. пехотных топоров и 600 тыс. киркомотыг[44].

Для растущих заказов за рубежом требовались все более значительные суммы. В июне 1915 г. министр финансов П.Л. Барк признал: «Надо ждать

39. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. – СПб., 2001. – С. 247.

40. Свечин А.А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. – М., 2009. – С. 77.

41. Россия и Великая война. – С. 22.

42. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М., 2003. – С. 42.

43. Совет министров… – С. 325.

44. Маевский И.В. Указ. соч. – С. 55.

крушения финансовой системы»[45]. Начальник снабжения армии генерал А.А. Маниковский со своей стороны пришел к выводу, что деньги, израсходованные на экспорт, эффективнее было потратить на развитие отечественной промышленности. В результате, затратив более 300 млн руб. на иностранные автомобили, в ноябре 1915 г. решили развивать их отечественное производство[46]. Если учесть, что славянофильствующие публицисты еще ранее требовали начать вырабатывать «весь спектр необходимых для населения товаров, не вывозить одно сырье»[47], то придется признать, что такие предложения несколько запоздали. Зависимость от заграничных поставок возмущала даже сервильных правых деятелей. В начале ноября 1916 г. крайне правый политический деятель, националист Н.Н. Тиханович-Савицкий писал из Астрахани другому националисту П.Ф. Булацелю о том, что надо «немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне бы обеспечили Русскую армию орудиями, снарядами, автомобилями …и поставили бы ее в полную независимость от союзников и от нейтральных держав»[48].

Естественно, в этих условиях всякие надежды на модернизацию российской экономики рассеивались как дым. К тому же теперь война требовала не просто наращивания новых вооружений. Даже в технологически передовой Германии в 1916 г. ощутили, что война перешла в новую стадию, «фронт превратился в пылающий котел, который нужно было поддерживать в рабочем состоянии». Однако разработка вооружений все еще «отставала от технического прогресса»[49]. В России об этом не приходилось и мечтать.

Если во Франции в августе 1914 г. по инициативе министра народного образования П. Панлеве был создан комитет, а затем Министерство изобретений, а в Англии в рамках образованного в 1915 г. Министерства снабжения действовал особый Департамент изобретений, то в России патенты попрежнему выдавались Комитетом по техническим делам Отдела промышленности Минторгпрома. Когда 1–3 октября 1916 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд по изобретениям, созданный по инициативе деятелей Военно-промышленного комплекса, а отнюдь не правительства, то докладчики вскрыли совершенно безнадежную картину. «Война, – констатировал заместитель председателя Московского областного ВПК С.А. Смирнов, –

45. Совет министров… – С. 186.

46. Маниковский А.А. Указ. соч. – С. 248.

47. Девонисский Э.М. Экономические задачи России, вызванные настоящей войной // Новое звено. – 1914. – № 43. – 18 октября. – С. 5.

48. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 976а.

49. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи. 1923–1933. – М., 2008. – С. 34.

с полной очевидностью обнаружила нашу некультурность и нашу отсталость в технике… Интересы изобретателей предметов *именно военного характера* недостаточно отражены нашим законом… К факторам, тормозящим дело изобретений в России, относится и та канцелярщина, волокита и неурядица, которые составляют отличительные черты наших официальных петербургских учреждений. Страдает русский изобретатель и от того, что Россия *до сих пор не примкнула к Международному союзу для защиты промышленной собственности*, к которому присоединились уже все большие государства Западной Европы…»[50]

Как вели себя при этом российские промышленники? Некоторым удавалось использовать рыночную конъюнктуру. Так, Акционерное общество шоколадной, бисквитной, конфетной и макаронной паровых фабрик «Блиггкен и Робинсон», преодолев кризис и расширив производство за счет недорогих товаров, к октябрю 1916 г. вдвое увеличило уставной капитал (с 1,6 млн до 3,2 млн руб.)[51]. Известно, что многие предприниматели жертвовали немалые суммы на нужды армии. Но обычно это было всего лишь частью верноподданнического ритуала, не исключавшего азарт наживы. Перед войной, по свидетельству человека, приближенного к верхам, «солидные фирмы отказывались от поставок в армию из-за сложности правил», в результате чего сложился устойчивый слой посредников между предпринимателями и армией, которые, сговариваясь между собой, взвинчивали цены и «прибегали зачастую к неблаговидным приемам»[52]. Были и другие способы использования ситуации. Так, К.И. Ярошинский получил в годы войны 400-миллионный кредит в Государственном банке на организацию военной промышленности, но потратил значительную часть этих денег на скупку десятков прибыльных сахарных заводов[53]. В правительственных верхах говорили: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно»[54]. Следует отметить, что, например, французские предприниматели тоже не чурались наживы. Но прежде чем сколотить состояние, они завоевывали репутацию, добиваясь особо сложных заказов и выполняя их в срок[55].

50. Цит. по: Дмитриев И.С. Указ. соч. – С. 17–18.

51. Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: Индивиды, организации, институты. – СПб., 2006. – С. 204.

52. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 11.

53. См.: Фурсенко А.А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. – СПб., 1999. – С. 333–337.

54. Совет министров... – С. 119.

55. Так, к примеру, А. Ситроен обеспечил производство шрапнелей «без единого процента брака». См.: Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. – М., 2013. – С. 354–358.

Предприниматели реагировали соответственно. В 1915 г. известный предприниматель В.В. Жуковский так отзывался о сотрудничестве с правительством на «экономической почве»: «Концепция эта, казавшаяся… правильной, жизнью была опровергнута. Жизнь показала, что страна по этому пути не пойдет…»[56]. В таких условиях в верхах укреплялось представление, что достаточно установить контроль над распределением металла и топлива, их отпуском по фиксированным ценам, как исчезнет спекуляция и диспропорция между спросом и потреблением[57]. Из провала одних иллюзий вырастали новые.

* * *

Постепенно война больших сражений превращалась в войну на истощение. Как ни парадоксально, здесь Россия проиграла, хотя в 1915 г. экономисты уверяли, что российский народно-хозяйственный организм «почти не чувствует» влияния войны[58]. Действительно, продовольствия в стране хватало. Однако слабости управления губительно сказались и на без того слабой инфраструктуре народного хозяйства.

Правительство пыталось модернизировать железнодорожное сообщение с учетом военно-экономических потребностей с 1912 г. Наиболее ощутимым позитивным результатом деятельности в этом направлении можно считать строительство Мурманской железной дороги. Но в целом к середине 1916 г. в общественном мнении сложилось представление, что железные дороги России находились в состоянии кризиса. При этом отмечали, что сеть не несла достаточной нагрузки; доставка товаров страдала от постоянных заторов, а задержки пассажирских поездов сделались нормой. Тем не менее железнодорожное ведомство стало признавать критику в свой адрес только к началу 1917 г.[59]

Еще в ноябре 1914 г. из действующей армии жаловались, что на железных дорогах творится «настоящий грабеж, не только развито взяточничество с поставщиков со стороны железнодорожных служащих, сговорившихся с железнодорожным комендантским персоналом, но и развито воровство

56. Цит. по: Барышников М.Н. Указ. соч. – С. 406.

57. Маевский И.В. Указ. соч. – С. 200.

58. Туган-Барановский М.И. Указ. соч. – С. 321.

59. Хейвуд Э. Железные дороги России во время Первой мировой войны, 1914 – февраль 1917 г. // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. Материалы Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». 26–27 мая 2010 г., Москва. – М., 2011. – С. 125.

пересылаемых вещей…»[60]. Со временем положение ухудшилось. 21 декабря 1916 г. министру А.В. Кривошеину писал из Перми – одного из центров оборонного производства – руководитель предприятия, на котором было занято 20 тыс. рабочих: «Слишком… медленно мы идем. Здесь на Урале, который… дает почти треть государственной обороны, это особенно ясно. Здесь и половина не делается того, что должно быть сделано... Главное – нет плана… нет предвидения…» В результате, отмечал он, возник «паралич перевозок»: «рожь и пшеница не доходят до мельниц, …горючее не попадает к домне…» В конечном счете прекратится выплавка чугуна, не будет железа и стали для снарядов и пушек. Автор письма считал, что все это вызвано «чрезмерной централизацией распоряжений». Положение казалось ему безвыходным: «остается только надежда на Николая Чудотворца»[61].

В целом к 1917 г. выяснилось, что российская власть предстает беспомощной, когда речь заходит об отыскании хозяйственных стимуляторов внутри страны. Налицо был врожденный порок государственной производственно-распределительной политики. Особенно это сказалось на продовольственных поставках. Поскольку не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии, запасы продовольствия расходовались быстро. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов в телеграмме министру земледелия А.А. Риттиху жаловался, что «крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей»[62].

Повторимся: продовольствия в стране хватало. «В деревне сейчас хлеба много, на базарах всегда много мяса, птицы и хлеба», – сообщали из Саратовской губернии в ноябре 1916 г. Отмечали только нехватку сахара и керосина[63]. Впрочем, деревню больше будоражил другой вопрос – «несправедливые» цены, по которым с конца 1916 г. выплачивались деньги за реквизированные продукты.

О последствиях такого положения предупреждали. Порой для его исправления рекомендовались радикальные меры. Так, из столицы сообщали, что «надежд на упорядочение дела продовольствия тыла никто не питает и воз, вероятно, останется на месте, пока за дело не возьмутся крутыми и радикальными мерами». В связи с этим «полезнейшею мерою», помимо арестов и всякого рода спекулянтов, считалась конфискация нажитых «мародерами тыла, не исключая сановных», денег и драгоценностей[64]. Но все чаще обви-

60. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 47.

61. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1736.

62. Цит. по: Сербин А.И. Первая мировая война. Россия накануне и в годы войны (1914–1918 гг.). – Омск, 2009. – С. 31.

63. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1081.

64. Там же. – Л. 1093.

няли правительство. Из далекой Читы в ноябре 1916 г. сообщали: «Пока правительство разбирается в том, кому из министров отдать продовольственное дело, общая разруха еще более увеличится и вспыхнет революция, превосходящая 1905 г. Страшная дороговизна совершенно не по силам бедноте. Отношения между имущими и неимущими обостряются с каждым днем»[65].

Однако ситуация вряд ли поддавалась исправлению. В начале февраля 1917 г. в частной переписке можно было встретить такое мнение о положении дел с продовольствием: «В то время, когда в Сибири гниют 4 миллиона пудов мяса, в черноземных губерниях гниют миллионы пудов ржи и пшеницы, а в самой Москве на Виндавском вокзале сгнили два миллиона яиц, народ первопрестольной нуждается в корке даже черствого хлеба». Автор письма видел причину в том, что Министерство внутренних дел враждует с Министерством земледелия, а оба министерства дружно выступают против общественных организаций, пытающихся решить продовольственную проблему[66]. Из самой Москвы в это же время жаловались, что «миллионы пудов говядины в Сибири гниют, в Астрахани рыба тоже, а у нас ничего нет»[67]. Из Чернигова – края отнюдь не обиженного продовольствием – между тем сообщали, что «сотни тысяч пудов муки гниют на станциях Круты, Бахмач и Конотоп»[68].

Казалось, что в чисто военном отношении ситуация медленно выравнивалась. Это было связано с увеличением оснащенности армии простыми видами вооружений. Однако качественного обновления экономики не происходило. Кроме того, состояние инфраструктуры грозило срывом поставок не только гражданского, но и военного назначения. Этой опасности не замечали, а потому к концу 1916 г. в верхах появилось убеждение, что Россия может вести наступательные действия.

И сегодня некоторым кажется, что Россия была в двух шагах от победы. На деле боеспособность армии зависела не только от ее «духа», о чем твердили российские «патриоты», но и от способности быстро обновлять военную технику. Не учитывалось также, что «военное оснащение в гораздо большей степени, чем раньше, опиралось на всеобщую готовность рабочих поставлять энергию для бесперебойного снабжения войск». Впрочем, мало кто понимал тогда это в полном объеме и в других странах[69]. Другое дело, что наличие гибкой экономики помогало своевременно исправлять положение.

65. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 955.
66. Там же. – Д. 1070. Л. 29.
67. Там же. – Д. 1071. Л. 16.
68. Там же. – Л. 26.
69. Юнгер Э. Указ. соч. – С. 239–240.

В 1916 г., который для русских армий считался успешным, на русском театре военных действий с начала «Брусиловского» наступления в конце мая и до конца года потери Германии и Австро-Венгрии составили: убитых – 73 916, раненых и контуженных – 412 014, пропавших без вести – 415 894, всего – 911 842 человека. За это же время Россия потеряла: убитыми – 262 764, ранеными и контуженными – 1 562 890, пропавшими без вести – 214 607, а всего – 2 040 261 человек[70].

В российских верхах не замечали, что империи выгоднее обороняться, ибо она по-прежнему не располагает новейшими наступательными видами вооружений. Не замечали и особенно опасного в условиях тотальной войны разрыва между индустриальным и аграрным секторами экономики. Бюрократы как всегда упивались магией валовых показателей, «ведомственное мышление» противостояло системной оценке ситуации. Еще в 1915 г. либеральные авторы писали, что «главное и наиболее существенное условие экономического прогресса заключается в установлении возможности подымать технику и развивать культуру среди населения…»[71]. Бюрократия этого не замечала. А тем временем народ устал от тягот войны и окончательно разуверился во власти.

Программа «спасения страны от экономической катастрофы», выдвинутая большевиками после взятия власти, была, в сущности, доведением до логического конца «модернизационных» планов, высказанных их противниками. Национализация ряда отраслей промышленности, принудительное синдицирование предприятий, контроль государства над промышленностью и банками – все это, так или иначе, предлагалось ранее. Большевики следовали за императивами своей эпохи. И эта утопия также обернулась большой кровью.

Человеку свойственно самообольщаться. «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья век», – восклицал когда-то А.С. Пушкин. Почти за 40 лет до Первой мировой войны Ф.М. Достоевский предупреждал, что «буржуазный долгий мир… в конце концов всегда почти зарождает сам потребность войны из-за новых рынков, нужных эксплуататорам… – словом из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения…»[72]. Россия, последовав за «буржуазным миром», обрекла себя на революцию. Последнюю можно рассматривать как самую большую человеческую иллюзию, порожденную мировой войной.

70. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. – М., 2006. – С. 45.

71. Фридман М.И. Война и государственное хозяйство России // Вопросы мировой войны. – С. 397.

72. Достоевский Ф.М. Указ. соч. – С. 102.

Литература

1. Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: Индивиды, организации, институты. – СПб.: «Книжный дом», 2006. – 412 с.

2. Дмитриев И.С. Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на Юге России в годы Первой мировой войны. – СПб.: Изд-во СПбИИ РАН; «Нестор-История», 2005. – 61 с.

3. Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. – М.: Вече, 2013. – 494 с.

4. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. – Пг.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1921. – 79 с.

5. Озеров И.Х. На Новый путь! К экономическому освобождению России. – М.: Богуславский, 1915. – 336 с.

6. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Полторак, 2013. – 414 с.

7. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Дело, 2003. – 392 с.

8. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. – СПб.: Галея Принт, 2001. – 122 с.

9. Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 502 с.

10. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. – М.: Цейхгауз, 2006. – 47 с.

11. Никонов В.А. Крушение России. 1917. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2011. – 550 с.

12. Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. Материалы Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». 26–27 мая 2010 г., Москва. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – 559 с.

13. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М.: Индрик, 2008. – 552 с.

14. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. – М.: Дело, 1917. – 214 с.

15. Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 205 с.

16. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). – М.: Наука, 1973. – 239 с.

17. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи. 1923–1933. – М.: Изд. группа «Скимен», 2008. – 362 с.

В.М. Шевырин

СОТРУДНИЧЕСТВО И БОРЬБА: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В статье рассматриваются взаимоотношения власти и общественных организаций, оставивших наиболее заметный след в истории Первой мировой войны, – Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ), созданных в июле-августе 1914 г. Историография вопроса освещается в моем обзоре и в недавно вышедшей монографии А.С. Тумановой [29; 30].

«Грандиознейший ВЗС»[1], «государство в государстве» сыграл особенно большую роль в военных усилиях страны в 1914–1917 гг. Его 75 санитарных поездов перевозили больных и раненых в тыл (2,5 млн человек). Уже в 1915 г. он развернул широкую сеть тыловых госпиталей, содержал 3 тыс. лазаретов, располагая 200 тыс. коек. Оказывалась всесторонняя помощь увечным воинам и нуждавшимся в спецлечении. ВЗС первым принял на себя заботу о беженцах, хлынувших в глубь страны (2,7 млн к лету 1916 г.), создавая питательные пункты, отряды проводников, пункты регистрации, приюты для детей и т.д.; принимал пожертвования и распределял их и прежде всего – в действующую армию; отправлял посылки и письма военнопленным. Учреждениями ВЗС закупались различные товары, продовольствие, сырье, медикаменты, в том числе и за границей. Склады имели товаров на 2 тыс. наименований. ВЗС участвовал в снабжении армии бельем, теплой одеждой и обувью и пр.

На фронте действовали многочисленные учреждения ВЗС: передовые отряды, дезинфекционные и дезинсекционные камеры, строительные отряды,

1. ОР РГБ. Ф. 436. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 9.

заводы и мастерские, бани, прачечные, чайные и др. – 146 видов различных предприятий. ВЗС и ВСГ создали и содержали на фронте 2/3 всех медико-санитарных учреждений. Работа ВЗС была интенсивной и многогранной [32]. Помощник председателя комитета ВЗС Северного фронта С.Е. Трубецкой писал, что работать приходилось с утра и до позднего вечера и безо всяких праздников («по воскресеньям мы работали, как в будни») [28, с. 125].

В 1916 и 1917 гг. численность ВЗС составляла более 200 тыс. (к середине сентября 1917 г. – 232 тыс., из них – 175 тыс. в центральных и местных организациях ВЗС, причем 45 тыс. – женщины)[2]. К концу 1916 г. общее число учреждений Земского союза достигло 7728 (учреждений ГК – 174; учреждений губернских комитетов – 3454; фронтовых комитетов – 4100). «Общие размеры дотаций казны земствам и ВЗС за 38 месяцев войны составляли не менее 1,5–2 млрд руб. И эти данные еще не учитывают всего роста Земского союза» [19, с. 266–268].

Немалую лепту в военные усилия страны внес и ВСГ. К сентябрю 1917 г. в ВСГ входило 630 городов – около 75% всего числа городов России того времени. На сентябрь 1917 г. в нем насчитывалась 81 тыс. человек. Через госпитали Союза с начала войны до января 1916 г. прошли 1 млн 260 тыс. раненых. В его госпиталях лечились 18,5 тыс. человек с инфекционными заболеваниями. Под флагом Союза на фронтах работало 68 врачебно-питательных и санитарно-технических отрядов; он содержал 247 лечебных заведений с койками, 270 амбулаторий, зубоврачебных и рентгеновских кабинетов. К осени 1916 г. число коек на учете Союза городов было 200 тыс. – в 3 раза больше, чем предполагалось военным ведомством.

Чрезвычайно важную роль в деле помощи больным и раненым воинам сыграло городское самоуправление Москвы. Во время больших сражений в Москву прибывало более 20 поездов в день (с 10 тыс. раненых). Москва открыла 1075 госпиталей. Она спасла страну и от эпидемий, заслонила ее внутренние районы. 60% эвакуационного потока шло через Москву. Поступали тысячи больных тифом, оспой, холерой и т.д. (45 тыс. лечились в спецгоспиталях).

ВСГ громко забил тревогу, когда началось «великое народное бедствие» – беженство. ВСГ сформировал несколько отрядов проводников. Они обслужили 1 тыс. поездов и до 1 млн беженцев. Московский железнодорожный узел иногда был забит составами с беженцами (до 800 вагонов в день). Около 150 тыс. беженцев осели в Москве, десятки тысяч – в Подмосковье. Городское самоуправление и ВСГ приняли их, устраивая их быт [33].

2. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 438. Л. 14 об.

ВСГ заботился и об увечных воинах, о военнопленных. За рубеж были посланы сотни тысяч писем, посылок для военнопленных, запросов о них. В Москве открылась специальная хлебопекарня для выпечки сухарей для военнопленных. До 1 октября 1916 г. было отправлено в Германию до 110 вагонов сухарей.

На фронтах Союз городов имел 388 питательных пунктов, столовых и чайных, на которых было выдано $50^1/_3$ млн обедов и 80 млн порций чая. В больших цифрах выражалась и санитарная помощь ВСГ на фронтах.

Деятели ВСГ считали, что работа на фронте была исключительно живой и благодарной. Именно здесь чувствовалось слияние общественной работы с действующей армией. Все необходимое для лазаретов, транспортов, бань часто производилось на месте, создавались заводы – мыловаренные, кожевенные, по производству бараков. Заводились свои мельницы, хлебопекарни, мастерские. Открывались лавочки, чайные и т.п. Но главное – помощь больным и раненым воинам. И это была самоотверженная работа. Нередко учреждения ВСГ уходили последними, за ними взрывали мосты. Наград сотрудникам ВСГ не полагалось: Главный Комитет ВСГ принял специальное решение о том, чтобы не ходатайствовать перед военным командованием о наградах. В ВСГ многие учреждения работали «на энтузиазме» – без зарплаты, например сотрудники питательных пунктов практически все работали безвозмездно.

Много сделал для армии и Земгор (Объединенный главный по снабжению армии комитет Всероссийского Земского и Городского союзов, созданный в июле 1915 г.) [31].

ВЗС и другие общественные организации способствовали тому, что Русская армия, выдержав три года тяжелейшей войны и не раз выручив союзников по Антанте из серьезных ситуаций, внесла свой существенный вклад в их победу. 22 января 1917 г. в английской газете «Morning Post» (в статье «Русский земский союз») утверждалось: «Ни у нас, ни во Франции нет такой организации, созданной для борьбы с внезапным грозным нашествием, которая превосходила бы русский Союз земств. Заслуги, которыми русская мощь обязана Союзу, неисчислимы» [32, с. 334].

Генерал Н.Н. Головин писал, что польза от «напряженной самодеятельности общественных кругов была очень велика» [5, с. 168–169].

«Располагая громадными средствами, опираясь на грандиозный аппарат земских и своих специалистов, ВЗС (в пределах поставленной перед ним задачи) пользовался громадным фактическим влиянием в стране. Организация помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны своей главной тяжестью легла именно на союзы земств и городов». С тяжелыми последствиями мировой войны смогла эффективно «бороться только организованная самодеятельность населения» [1, с. 142].

Разумеется, такая огромная работа на нужды фронта не была бы возможной, не будь тесного сотрудничества между этими общественными организациями и государственными учреждениями, с властью. Первый историограф союзов М.Д. Загряцков уже в 1915 г. называл их «интереснейшими социальными организациями», имеющими чрезвычайно важное значение, так как они являлись «признанным центром общественной самодеятельности», группирующим около себя живые общественные силы, и единственной формой, в которой «допускается деятельное участие русского общества, как такового, в переживаемых великих событиях» [7, с. 7, 23].

Но в России дело обстояло так, что их практическая работа в силу общественного характера союзов и самодержавного характера власти вызывала коллизии. Историков всегда более привлекала не столько эта работа союзов, сколько их оппозиционная деятельность: осенью 1915 г. «союзы оказались во главе оппозиционного движения прогрессивной общественности» [6, с. 48].

И с давних пор в литературе ведется полемика о характере либеральной оппозиции царизму. Одни историки определяют ее как «штурм власти», другие – как «борьбу за власть», третьи констатируют активное участие союзов «в общественно-политической жизни предфевральской России». Есть и точка зрения на либеральную оппозицию как весьма умеренную по своему характеру. При этом исследователи расходятся во мнениях о влиянии социально-политического и партийного состава союзов на оппозиционные выступления ВЗС и ВСГ. Некоторые авторы полагают, что главную роль в ВЗС играли октябристы, а в ВСГ – кадеты. ВСГ «являлся чисто кадетским “детищем”». С ними не соглашаются те, кто утверждает, что союзы были созданы цензовой общественностью без прямого участия этих партий. Бытует и представление о «широком сотрудничестве самых различных социальных слоев города и общественно-политических сил», обеспечивших социальную базу для активного участия ВСГ в общественно-политической жизни страны.

Исторический парадокс, однако, состоит в том, что хотя кадеты и октябристы действительно возглавляли ВСГ и ВЗС, – ни партия народной свободы, ни партия октябристов не руководили этими союзами. По крайней мере это вполне очевидно в первый год войны.

Видный деятель ВСГ, член ЦК кадетской партии Н.И. Астров утверждал: «Мы никогда не проводили в Союзе какие-либо политические программы той или иной политической партии. Мы были свободны от директив партий. Таково было молчаливое соглашение между нами, участниками в работах Союза и партиями, к которым мы принадлежали. В наших ответственных “политических выступлениях” мы выражали настроения тех общественных кругов, которые объединял Союз городов, и формулировали эти настроения… Политика съездов Союза городов не была самодовлеющей политикой. Она была

производной их работы и отнюдь не была осуществлением какой-либо заранее составленной политической программы»[3].

Тогда в составе городских дум прогрессивно-либеральные элементы были в меньшинстве. Однако условия времени, опасность, нависшая над страной, производили свое действие, и недавние консерваторы и ретрограды примыкали к либерально и демократически настроенному меньшинству.

О том же свидетельствует один из руководителей ВЗС С.А. Котляревский, считавший, что «было бы совсем неправильно» приписывать Земскому союзу «определенно партийную физиономию». Те уполномоченные губернских земских собраний, которые составляют высший орган ВЗС, принадлежат «к более или менее различным политическим оттенкам», но это не нарушает единство их взглядов на задачи и формы помощи армии, как и на условия организации тыла [10, с. 40].

Доминировали в союзах либералы – к.-д., прогрессисты, октябристы. «Партийность», при нацеленности ВЗС и ВСГ на практическую работу, не играла существенной роли ни при их создании, ни в начале деятельности союзов. «Патриотический подъем и возвышенное настроение вылились у тех общественных деятелей, которые по тем или иным причинам не пошли на фронт, в стремлении к объединению для помощи больным и раненым воинам» [36, с. 298].

Либералы с энтузиазмом подхватили слова царского манифеста о забвении внутренних распрей и об укреплении единения царя с его народом. Кадетская «Речь» заверяла власть в искреннем желании общественности всеми силами содействовать общенациональной цели. Один из столпов российского либерализма С.Н. Булгаков писал, что «наконец наступило для России спасительное единение царской власти и народа» [30, с. 34].

В отечественной историографии многие десятилетия это «единение» в начале войны рассматривали как шовинистический угар, охвативший страну, не подверженным которому, с «ясной» головой, оказался лишь рабочий класс. Теперь положение в исторической литературе иное: патриотизм россиян всех национальностей получил в ней постоянную «прописку». Известный лозунг «Все для фронта! Все для победы!» был самым популярным лозунгом ВЗС и ВСГ. В эпоху мировых войн, как отмечает Е.С. Сенявская, вопрос нередко стоял уже «о самом существовании государства и даже жизни его народа [25, с. 366].

Создатели общественных организаций, будучи весьма образованными людьми, осознавали это особенно остро. Для русского общества поддержка правительства, «единение» с властью, патриотизм – были в XX в. новым

3. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 42, 54.

явлением, – в пору «японской войны пораженческие настроения в либеральной среде были весьма сильны и даже такой умеренный либерал, как В.А. Маклаков, тогда секретарь «Беседы», говорил, что поражение на Дальнем Востоке заставят царизм пойти на уступки[4].

В 1914 г. положение было иным. Многие отчетливо сознавали, что ни Красный Крест, ни военное ведомство не вполне подготовлены для обслуживания предстоящего колоссального количества раненых и больных. Последнее обстоятельство во многом и объясняет ту легкость, с какой правительство согласилось с учреждением ВЗС и ВСГ. Это была реакция со стороны высших представителей власти *на первых порах*: «Слишком серьезными казались надвигавшиеся события… Да и взаимоотношения власти и общества изменились» [19, с. 255]. Представители власти тоже были захвачены патриотической эйфорией первых дней войны. Кроме того, были и «некоторые общие предпосылки, которые – и психологически, и по существу – влияли на правительственную работу, особенно вначале: "…война неизбежно должна быть краткой… Гипноз краткости налагал на работу всего государственного аппарата и на общественные настроения определенный оттенок"» [36, с. 267–268].

«Единение» было на волне патриотического воодушевления. Но оно изначально таило в себе семена грядущей борьбы и конфронтации власти и общества. Слишком по-разному понималось «единение» создателями союзов и «исторической властью», «высочайшим соизволением» давшей этим организациям путевку в жизнь. Несмотря на патриотическую эйфорию, власть строго блюла свои жизненные принципы с первого дня существования общественных организаций: срок их деятельности был отмерен временем войны. И самой работе организаций ставились узкие пределы: только помощь больным и раненым воинам и только в тылу. Смелость, с которой она одобрила инициативу создания союзов, объясняется и тем, что весь предшествующий опыт ее общения с местными самоуправлениями был на ее стороне, – она всегда держала их под контролем. Кроме того, она поверила общественности, заявившей, что откладывает счеты с властью до конца войны. Это была большая иллюзия власти, уже потому, что сама она считала себя свободной от всяких обязательств, а призыв царя к единению, прозвучавший в манифесте 20 июля 1914 г. был, в сущности, лишь призывом к смирению верноподданных. «Единение» с высоты престола виделось как забвение прошлого лишь со стороны общества.

Со своей стороны и деятели союзов, искренне желавшие полного единения с властью, впали в иллюзию, полагая, что власть на период войны прекратит свою борьбу с обществом, даст ему возможность нестесненной

4. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Д. 242.

работы для армии, для победы. Но у них была и «голубая мечта»: возникшие союзы вывести на более широкое поле деятельности, чем только помощь раненым, и сохранить эти организации и в послевоенное время, придав им гражданское назначение. Так, например, приехавшие в Москву на съезд будущего ВСГ городские головы с большим единодушием «высказались за желательность и даже необходимость существования такого союза как постоянного института» [27, с. 535–536].

Это была хотя и «умозрительная самодеятельность», но уже нарушение царского табу. Так, за флером патриотизма угадывался уже потенциальный конфликт. Впрочем, в либеральной среде были деятели, с самого начала не верившие в искренность расположения власти к инициативам общественности. Бывший городской голова Москвы В.М. Голицын писал в своем дневнике, что правительство «снова поднимет гонения»[5]. М.Д. Загряцков подчеркивал общественное начало союзов: «Общественное и политическое значение Земского и Городского союзов не подлежит сомнению: под влиянием тяжелых ударов судьбы общественная мобилизация осуществила идеал объединенного земства, к которому русские органы самоуправления стремились систематически и непрерывно в течение 50 лет» [30, с. 34].

Он писал, что ему приходилось наблюдать работу местных земцев на деле, и «всегда прежде всего бросается в глаза чрезвычайная сила притяжения к ним окружного населения. В Московском уезде, например, эти местные комитеты объединили и представителей интеллигенции, и фабрикантов, и крестьян, и рабочих. В момент национального подъема ослабли националистические и сословные чувства. Так, в Скадовске, одном из небольших курортов Черноморского побережья, комитет общеземского союза состоял под председательством жены местного землевладельца, бывшего предводителя дворянства и члена Госуд. совета, из врача и его жены, окончившей Высшие женские курсы, 17 крестьян и пяти евреев-торговцев» [7, с. 16–17]. В союзах активно работали и женщины. П.Н. Милюков говорил о «строго деловой земской организации кн. Львова» [11, с. 180].

П.Б. Струве и год спустя полагал, что для главноуполномоченного ВЗС Г.Е. Львова партийные догматы и шаблоны не имеют никакого значения. Член ЦК кадетской партии Д.И. Шаховской на заседании ЦК 25 августа 1914 г. отмечал, что «высшие заправилы опасаются засилья к.-д. и боятся допускать их к делу». Тогда же, в августе 1914 г. А.И. Шингарев, коллега Д.И. Шаховского и земский деятель, фаталистски говорил, что «единственное, что сейчас остается, – практическая черная работа... Надо совсем бросить разговоры о возможности политической работы». О необходимости

5. ОР РГБ. Ф.75. П.31. Л. 122 об.

«самой черной работы», вторя ему, заявляла и А.В. Тыркова, ибо «здесь жизнь, на всякие же партийные съезды будут являться пять человек». Более того, кадеты признали желательным «усилить всячески практическую работу в общественных организациях» [21, с. 364, 366, 367, 374].

В Городском союзе партийные знамена были свернуты. Возглавлявший Городской союз М.В. Челноков даже опубликовал в прессе письмо, в котором отказывался от партийно-политической деятельности. Кадетский «Олимп» вынужден был считаться с тем, что «созданы огромные организации, земские и городские, в состав которых вошли десятки тысяч лучших работников» [21, с. 408, 433].

Союз «свободно, по указанию требований своего опыта, строил свою конституцию, что... обеспечивало правильность его органического развития» [13, с. IV]. Руководящие органы союзов наполняла в основном цензовая общественность, – это были «издержки» Земского положения 1864 и Городового положения 1892. Состав съездов ВЗС определялся губернскими земскими собраниями, а съездов ВСГ во многом – составом городских дум. Но все-таки в своей организации союзы (и прежде всего ВСГ) не были связаны жесткими рамками, и это дало им возможность приглашать к работе, не стесняясь ограничениями этих Положений и не считаясь с установленным для самоуправлений цензом, тех людей, которые могли быть полезны для дела, приводить быстро в исполнение свои решения. Эти свобода действий и свобода выбора во многом и определили успех практической работы ВЗС и ВСГ.

Деятели союзов с головой ушли в эту работу, начав ее с энтузиазмом на высокой патриотической волне. Тогда они действительно стремились «к единению» с властью, отложив в сторону партийно-политическую деятельность. Либеральные партии в начале войны как бы впали в политический анабиоз. Да и по организационной слабости они, особенно еще ранее расколовшаяся на три части партия октябристов, не могли руководить союзами. И позже ВЗС и ВСГ были политически относительно самостоятельными. По ряду вопросов они весьма критически относились к тактике и кадетов, и Прогрессивного блока, и даже Государственной думы, хотя в целом проводили либеральный курс и в основном разделяли программу Прогрессивного блока. Глава ВЗС Г.Е. Львов еще и в марте 1916 г. дистанцировался от открытой политической борьбы. Он говорил: «Мы не занимаемся политической борьбой... Наша политика творится самым фактом нашей работы, имеющей государственное значение...»[6].

Лидер ВСГ М.В. Челноков, характеризуя взаимоотношения Союза с властью в первый год войны, говорил: «Особенно дорого, ценно для нас –

6. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 9. Л. 182.

это отношение к нам военного ведомства. И отрадно сказать, что работа нашего Союза отмечена высоким порывом помочь воинам всегда и везде, особенно в высших представителях ведомства, встречает правильную оценку, откровенную поддержку и искреннее желание помочь. То же можно сказать и о высшем правительстве. В этом деле оно стало на правильный путь доверия и взаимодействия с общественными силами и, думаю, результат не заставит разочароваться в таком отношении к обществу»[7].

Но Челноков больше выдавал желаемое за действительное, – уже тогда отношения союзов и власти не были столь безоблачными. В противовес своему лидеру Н.И. Астров утверждал, что «со стороны представителей власти отношения остаются старые, привычные, назовем их скромно “недоброжелательными”» [9, с. 7].

Многие городские головы, в том числе и городской голова Петрограда, приходили в отчаяние от явного нерасположения властей к городскому самоуправлению: «Никто помочь не хочет – ни министерства, враждебно относящиеся к “самоуправлениям” и желающие их провала, ни военные власти, предъявляющие только требования и не ударяющие палец о палец там, где нужно поддержать» [27, с. 673].

Правительство явно не учло уроков прошлого. Как писал А.А. Брусилов, вновь был выдвинут старый лозунг: «Держи и не пущай!», а все осталось по-старому. Что посеяли, то и пожали!» [4, с. 246].

Контраст с тем единением, которое наблюдалось в начале войны, был очевиден.

«Эта вторая война, – вспоминал А.Ф. Керенский, – предоставила царю уникальную возможность протянуть народу руку дружбы, тем самым обеспечить победу в войне и укрепить монархию на многие годы вперед» [24, с. 28]. По сути, о том же говорилось на заседании ЦК кадетской партии уже в ноябре 1914 г., когда констатировались колоссальные изменения в настроениях страны со времени исторического заседания Госдумы 26 июля. Тогда имели право говорить о единстве страны, так как оно действительно существовало. Готовясь к жертвам, страна напряженно чего-то ждала от власти. Особенные ожидания связывались с приездом царя в Москву. Но время уходило и ничто во внутреннем курсе политики не изменялось. С тех пор настроение стало падать и кое-где сменилось уже громадным разочарованием. Здесь же указывалось, что недовольство в стране растет в геометрической прогрессии [21, с. 426, 428]. Таким образом, уже в конце 1914 г. волна патриотического подъема в стране явно шла на спад.

7. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 4. Л. 105.

Рассматривая любое проявление общественной инициативы как подрывную акцию, правительство сделало все возможное, чтобы в зародыше подавить целый ряд заслуживающих внимания устремлений, включая предложения ВЗС и ВСГ по повышению боеспособности через мобилизацию промышленности, оказание помощи беженцам и реорганизацию системы здравоохранения. Сама по себе такая политика царского правительства не была бы гибельной, если хотя бы некоторые из принимаемых им мер были успешными. Однако когда ужасные провалы на фронте и явные просчеты в управлении тылом стали широко известны, правительство попало под огонь критики.

В такой обстановке начала сказываться и оппозиционность союзов, но вовне она проявлялась поначалу неуверенно и робко, скорее союзы шли по инерции патриотического единения. Как считал А.Н. Яхонтов, «за первые месяцы войны, при господствовавших настроениях, союзы не позволяли себе вызывающих выступлений…» [36, с. 302]. И это не было тактикой общественных организаций. Астров откровенно писал, что русское прогрессивное общество с началом войны прекратило политическую борьбу и «устремилось на помощь власти в организации победы»[8].

Тяжелейшие поражения Русской армии в Карпатах и стремительный откат войск из Галиции, «великое отступление» вызвали потрясение, шок в стране. Всплеск негодования в обществе был беспрецедентным. Никто не ожидал такой катастрофы. Многим грезился триумф русского оружия, победное шествие на Берлин и лавры страны-победительницы. Вместо этого «Галицийский апокалипсис», кошмар тысяч убитых, раненых, попавших в плен, нескончаемый поток беженцев, растекшийся по всей стране, новые мобилизации запасных, прогрессирующая дороговизна, ухудшение качества жизни. Поползли слухи об измене, о «темных силах», свивших гнездо чуть ли не в царских чертогах. Общественность встрепенулась, сбросила оцепенение «единения с властью». Она открыто ставила в вину «приказному строю» неготовность армии к большой войне и прежде всего катастрофическую нехватку вооружения и снарядный голод, сыгравшие ключевую роль в поражении российских войск.

Огонь критики сосредоточился на правительстве и особенно на военном министре В.А. Сухомлинове. Но общественность не довольствовалась только критикой, – она отозвалась и организационно. Прошли съезды ВСГ, ВЗС, Военно-промышленных комитетов (ВПК). Наиболее характерна для всех съездов речь при открытии съезда ВЗС 5 июня 1915 г. его главноуполномоченного кн. Львова. Князь обрисовал ту огромную работу, которую провел

8. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

ВЗС за десять месяцев своего существования. На фронтах, говорил Львов, «мы слились… с жизнью армии». И он вопрошал своих единомышленников о том, идет ли работа гладко «в отрадном, бодрящем единении» в тылу? – «Каждый из нас прекрасно сознает, – что нет». Он напоминал о тех трениях, преодолеть которые стоило союзу громадных усилий. ВЗС заполнил ту область, которая была абсолютно пуста. Когда это делалось – власти приветствовали, но когда была создана эвакуационная организация, то на каждом шагу она стала встречать препятствия. Печальная история произошла и с работами Союза в области заразных болезней. Он мог создать стройную организацию, но это не осуществилось. Сверху проведена в жизнь идея разъединения сил. И в результате борьба с инфекционными заболеваниями в стране не организована должным образом. Вспыхивают эпидемические заболевания.

Львов признавал, что дело ведется Союзом на народные деньги, которые отпускает ему правительство. Вместе с тем он отметил те затруднения, с которыми сопряжено их получение. Требования Совета министров, обусловливавшие отпуск средств, постоянно повышались. В результате ассигнования шли крайне медленно, и работа ВЗС проходит в ненормальных условиях.

В заключительной части речи Львова сочетались традиционная верноподданность и поднимающаяся оппозиционность общественности: «Предлагаю вам, господа уполномоченные земств, в эти трудные минуты засвидетельствовать Государю Императору нашу беспредельную преданность и искреннюю готовность отдать все свои силы на служение армии для доведения войны до полного одоления врага, и выразив непоколебимую уверенность в торжестве русского оружия, высказать единодушное убеждение земской России, что объединение правительственных и общественных сил, столь необходимое в настоящую минуту, требует немедленного созыва Государственной думы»[9].

Переход союзов от «священного единения» с властью к «патриотической тревоге» летом 1915 г. (на волне которой был создан в июле Земгор и резко возросли масштабы работы тыловых и фронтовых учреждений ВЗС и ВСГ), был обусловлен не только поражениями на театре военных действий, но и обострением проблем внутренней жизни в стране, вызывавшими массовое недовольство населения и, конечно, теми препятствиями, которые ставило правительство практической работе Союзов в центре и на местах.

П.И. Корженевский, уполномоченный комитета Юго-Западного фронта, присутствуя на заседаниях комитета, «уловил звучавшую в комитете ноту недовольства. Это было особенно разительно здесь, среди людей, далеко не экстремистов, среди самых верхов комитета, этих крупных помещиков, пред-

9. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 7. Л. 41–45.

водителей дворянства, даже старых чиновников. Замечательно было сочетание недовольства и дела. Оно было именно деловым недовольством, недовольством творца на злостное препятствие в деле, которому отдавались всей душой, всем помышлением... Но, действительно, все начинания, вся деятельность комитета постепенно упиралась в тупик тупой бюрократии и заржавленного старого военного механизма…»[10].

Бюрократия стремилась, начиная уже со времени Н.А. Маклакова, и это признавал Б.В. Штюрмер, по возможности «сузить предназначение» и деятельность союзов[11].

27 февраля 1915 г. состоялось заседание Совета министров, практически посвященное деятельности союзов. Застрельщиком похода против ВЗС выступил генерал В.И. Покатило, недовольный национальным составом организаций Земского союза в Ростове-на-Дону и якобы пропагандой левых взглядов «революционной рвани». На заседании Совета министров он говорил, что «одно сплошное фарисейство – весь этот союз… Власть уходит из рук, идет издевательство над властью». При всем при том он признавал, что «по внешности все хорошо, т.е. практическая работа шла нормально» [26, с. 139, 141].

И это все говорил наказной атаман Войска Донского, еще четыре месяца назад заявлявший в телеграмме в ГК ВЗС: «Счастлив, что вверенная мне область примкнула к руководимому вами святому делу»[12].

Но важнее, конечно, реакция на ВЗС министров Российской империи. Н.А. Маклаков был последовательнее всех в неприятии Союза: «Смотрю на вопрос шире. Дело в союзе стоит неблагополучно. Хотел уточнить его положение, не допуская государства в государстве – на это союзу бескорыстная работа прав не создаст. Вся Россия сталкивается с союзом. Кампания во многих случаях темная… Государство не может дольше молчать. Иначе власть растворится в чем-то ей заведомо враждебном… Порядок в руках власти губернаторской, и он отвечает за все. Как же допускать рядом с ним обособленные организации» [26, с. 140].

Общий тон заседания Совета министров был обличительный по отношению к ВЗС. Разрешение деятельности союза – ошибка, за которую «расплачиваемся и еще будем». Но запрещать его «через семь месяцев – поздно» [26, с. 140, 142].

Н.А. Маклаков уже второй раз резко ставил вопрос об общественных организациях на заседании Совета министров. Первый раз он это сделал еще 25 ноября 1914 г. Обсуждалась его записка, составленная им 18 ноября того

10. РО РГБ Ф. 436. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 34–35.
11. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 2б. Л. 221–223.
12. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

же года. В записке указывалось, что оба эти союза (ВЗС и ВСГ. – *В. Ш.*) «не мирятся с временным характером своей деятельности и определенно готовятся к той работе по переустройству общественной жизни, очередь которой должна наступить, по их мнению, после благополучного окончания войны. …За неизбежность уклонения в сторону политики, если не в настоящем, то в последующее и, несомненно, недалекое время, подчеркивалось в меморандуме Маклакова, говорит, между прочим, самый состав главных деятелей союзов, в большинстве принадлежащих к нашим оппозиционным партиям». Маклаков заявил себя решительным сторонником наделения правительственной власти правом влиять на личный состав местных отделений обоих союзов. Однако это предложение не встретило сочувствия у его коллег. Маклаков считал также необходимым и определить срок упразднения союзов примерно в полгода со времени прекращения деятельности открытых ими санитарных учреждений [26, с. 390–391].

В своей практической работе союзы пересекали незримую границу, отделяющую общественную деятельность от административной, что вызывало раздражение власти и ответную реакцию союзов. ВСГ был не только организацией по исполнению технических задач, он был и оставался общественной организацией, откликавшейся на все наиболее острые моменты жизни страны. Занимаясь хозяйственной работой, он приобретал право, как казалось Астрову, говорить. Со словами призыва и предупреждения он «обращался к власти и стране, голос его слышали и страна, и власть. Сочувствие страны было вне сомнения. Но власть не скрывала своего враждебного отношения к союзам и не останавливалась перед резкими мероприятиями, знаменовавшим старую тенденцию борьбы с русской общественностью»[13].

Правительственная власть всячески тормозила и урезала ассигнования на беженцев, эпидемические заболевания, увечных воинов. В некоторых местах ассигнования городских дум в средства союза опротестовывались губернаторами как расходы, не предусмотренные законом.

Деятельность ВСГ, например, встречала в Томске и других сибирских городах большие препятствия со стороны местной администрации, которая не разрешала «учреждение местных комитетов союза, ссылаясь на неполучение надлежащих инструкций от центральной власти»[14].

Сотрудничество власти и общества, все более омрачалось тяжелыми поражениями на фронте, ростом тягот военного времени, разрухой, дороговизной, продовольственным кризисом. Разногласия власти и общественных организаций и по конкретным, практическим вопросам, и вопросам политическим приобретали все более острый характер, обусловив полную транс-

13. ГА РФ. Ф.5913. Оп. 1. Д. 82. Л. 225.
14. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–13 об.

формацию их политических взаимоотношений, вплоть до запрета властью съездов организаций и ее стремления свернуть их практическую деятельность. Общественные же организации эволюционировали в своей оппозиционности до требования об «ответственном министерстве».

18 августа 1915 г. Московская городская дума, где «верховодили» Челноков и Астров, послали телеграмму царю, в которой подчеркивалось, что «основой достижения победы является единение народного представительства со страной. Стоящие ныне перед страной задачи требуют создания правительства, сильного доверием общества и единодушного. Во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна» [15; 16].

Николай II отвечал уклончиво и «безлико». Но в тексте явно читалось «нет» ходатайству гласных думы: «Вполне разделяю мысль, что теперь, когда все силы должны быть направлены к одной цели – одолению врага, особенно необходимо единение царя и его правительства с народом» [15, с. 101].

Между тем общественное возбуждение нарастало. Характеризуя атмосферу экономического совещания 11–13 июля 1915 г., Астров вспоминал, что уже тогда «раздавались речи, полные неистовой злобы, ненависти и угроз. Это были речи "революционного подполья", которое в лице представителей больничных касс и рабочих организаций оказались на совещании. Тут прозвучали впервые пораженческие ноты». Однако все эти возгласы ненависти потонули в общем одушевленном желании найти условия, необходимые для победы. В резолюциях совещания выражалось настоятельное пожелание «единения всех сил страны» в работе по защите государства. «На этом совещании, – писал Астров, – впервые было высказано.., что страна может победить только при условии, если власть будет в руках "правительства, пользующегося доверием страны". Что это было? Агитация? Бунт? Или созревшее убеждение, которое вскоре стало убеждением всей России. Убеждение, выраженное в совершенно лояльной форме... Это был отклик общества на обнаруженный обман. Ведь в феврале 1915 г. года военный министр заявил в Государственной думе, что армия обеспечена боевым снаряжением и что к марту снарядов и ружей будет в изобилии. А между тем именно недостаток снарядов и вооружения уничтожил все успехи русской армии на юго-западном фронте и вызвал отход армии из Галиции. В этом постановлении экономического совещания Союза городов правые круги усмотрели опасное политическое выступление. С нашей же точки зрения, это было лишь предупреждение и предостережение, к сожалению оставшееся гласом вопиющего в пустыне»[15].

15. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

Астров и в эмиграции полагал, что тогда «была еще возможность предотвратить грозу»[16]. Но большой уверенности у него в этом все же не чувствовалось[17]. Как образно писал С.Е. Трубецкой, «власти следовало проявить умеренный либерализм и крепко взять поводья в руки…» [28, с. 147].

Однако общественность добивалась некоторых уступок от «старой власти». Начали функционировать ВПК, Земгор, расширялась деятельность ВЗС и ВСГ, представители общественности работали в Особых совещаниях, «пунктиром», но все же работала, собиралась Дума по указу царя и он сам 9 февраля 1916 г. посетил Государственную думу (единственный раз за все время существования законодательных палат). Возник Прогрессивный блок, «уходили» наиболее одиозные министры, по сути была отменена росчерком пера министра внутренних дел в августе 1915 г. черта оседлости и т.д. То есть сотрудничество было не только практического, но и политического свойства, хотя это сотрудничество в борьбе и именно эта борьба в условиях растущего недовольства в стране во всех слоях населения и побуждала царизм к уступкам.

Ц. Хасегава пишет, что деятельность Николая II во время войны была искусным маневрированием между «крайностями»: правыми, домогавшимися резкого ужесточения правительственного курса, и либералами, выступавшими за «министерство доверия». Но вместо того чтобы сформировать летом 1915 г. «министерство доверия» (это легко было бы сделать, заменив Горемыкина Кривошеиным), царь уволил «мятежных» министров, принял на себя командование армией, а практически развязал руки камарилье. Поэтому его маневрирования, принесшие ему небольшие, тактические успехи, только усугубляли «кризис верхов», что в конце концов обернулось низвержением монархии [38, с. 576].

Но это было «маневрирование» во имя сохранения режима самодержавной власти. Режим показал свою неэффективность в войне. Уже в 1915 г. некоторые деятели союзов считали, что «главная беда в Николае II... Страна в таком положении победить не может...» [22, с. 153–154].

И предвидели возможность его низвержения. Впрочем, С.Ю. Витте, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев и другие российские «нострадамусы» прорицали это задолго до войны. Зная царя, Н.А. Маклаков говорил: «Погибнуть с этим человеком можно, а спасти его нельзя» [2, с. 121].

Теперь и в российской историографии высказывается мнение, что романовская империя потерпела крушение прежде всего «из-за личностного фактора», – неспособности Николая II «адекватно среагировать на вызовы времени и вывести страну из кризисной ситуации» [35, с. 372, 374].

16. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.
17. Там же. – Л. 78.

Царь не «прихлопнул» союзы, несмотря на постоянное давление правых партий и камарильи, потому что нуждался в их хозяйственной деятельности из-за слабости экономики, неповоротливости бюрократического аппарата, а также учитывая общественное мнение страны и необходимость финансовой, экономической и военной помощи союзников по Антанте.

Император и все рыцари старого строя надеялись взять реванш после войны. А.Н. Яхонтов писал, что вопрос о «захватываемой союзами политической роли и несоответствующих временному учреждению функциях подлежал разбору после войны... В нормальной обстановке отпадут основания для дальнейшего их существования». Поэтому-то пожелания общественности не остались без ответа [36, с. 302].

Но Яхонтов сам себе противоречил, когда, с одной стороны, указывал, что союзы стремились обходиться «без какого-либо сотрудничества с “бюрократическими установлениями”», а с другой – писал о том, что множество разнообразных поручений возлагалось на них не только в тылу, но и на фронте. Союзы имели возможность обслуживать санитарные и эвакуационные дела в небывалом размахе и… всестороннее, чем Красный Крест и тем более военно-санитарные ведомства… Устраивались подвижные парикмахерские, переносные бани, дешевые лавочки, доступные библиотеки, всевозможные увеселения для солдат и др. День за днем повсюду складывалось впечатление, что под союзною опекой «хорошо, удобно, сытно, а у казенных чиновников – “мерзость запустения”. Такие впечатления распространялись не только среди раненых и больных, но и в окопах, и среди отводимых на отдых воинских частей, и в массе населения» [36, с. 300].

Несмотря на то что эти записи были сделаны Яхонтовым спустя многие годы после Первой мировой войны, в них и ныне чувствуется негодование старого монархиста по поводу военных властей, как бы протежирующих Союзу: «Фронтовые высшие власти, – отмечал он, – не только не препятствовали чрезмерному росту популярности Земгора, а напротив, покровительствовали ему» [там же].

В.А. Оболенский, долгое время работавший во фронтовом комитете и хорошо знавший обстановку «изнутри», отмечая, что правительство чинило «всяческие препятствия работе общества на пользу армии», подчеркивал: «Если тем не менее дело общественных организаций продолжало расти и развиваться, то только благодаря тому, что армия ими дорожила, а верховный главнокомандующий Николай Николаевич им покровительствовал» [12, с. 498].

Союзы участвовали в создании ЦК общественных организаций по продовольственному делу, их представители привлекались к работе в Особых совещаниях по продовольствию, топливу, перевозкам и обороне. Роль представителей союзов в Особых совещаниях в ту пору, когда во главе военного

министерства стоял прислушивавшийся к голосу либеральной общественности генерал А.А. Поливанов, была весьма заметной. Поливанов стремился наладить работу своего министерства [17; 18]. Вся ее деятельность в совещаниях была «проникнута ярким сознанием государственной роли союзов». Представители союзов стремились к развитию промышленных организаций и к возможному сокращению заграничных заказов не только по валютным, финансовым соображениям, но и, прежде всего, с точки зрения широкого экономического будущего России [8, с. 73–74].

В министерских кругах отношение к союзам и их съездам было недоверчиво-тревожным. Министр Кривошеин, заигрывавший с либералами, тем не менее чувствовал, что при уступках у него уже есть опасный соперник – князь Львов. «Сей князь чуть ли не председателем какого-то правительства делается. На фронте только о нем и говорят... Надо с этим или покончить или отдать ему в руки всю власть... Если нельзя отнимать у земского Союза захваченное им до сих пор, то, во всяком случае, не надо расширять его функции дальше». Проницательность Кривошеина тут сказалась: князь Львов уже стоял за думским блоком [11, с. 187–188]. Но и не всем либералам нравился стремительный рост популярности Земского союза и его лидера. Служащий канцелярии Государственной думы, один из руководителей Земского союза, Г.А. Алексеев отмечал, что «Родзянко очень не любит и боится нашего Союза, в особенности же его пугает тот колоссальный престиж, которым пользуется наш князь. Сейчас князь Львов – некоронованный король всех общественных организаций. Родзянко же сам хочет играть первую скрипку, поэтому он везде и всюду интригует против нас. Но ...его попытки подкопаться под нас кончаются полным фиаско» [20, с. 433]. Депутат Думы октябрист кн. С.С. Волконский находил, что «Родзянко глуп. Куда его еще в министры совать? Но еще хуже, если попадет в премьеры кн. Львов. Это бездарный и дурной человек. А между тем “Биржевые Ведомости” изо дня в день муссируют его кандидатуру» [20, с. 447].

В такой атмосфере даже «англоману» – министру иностранных дел Сазонову казалось, что «члены Думы плюс съезды Земский и Городской объявят себя Учредительным собранием» [26, с. 261].

Тогда же на заседании Совета министров 2 сентября 1915 г. коллеги Сазонова реагировали на съезды союзов весьма резко. Н.Б. Щербатов заявил: «Земский и Городской союзы... являются колоссальной правительственной ошибкой. Нельзя было допускать подобные организации без устава и определения границ их деятельности. Из благотворительного начинания они превратились в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного характера, и заменяют собою правительственные учреждения. Все это делается захватным путем при покровительстве военных властей... В действительности же они являются сосредото-

чием помимо уклоняющихся от фронта оппозиционных элементов и разных господ с политическим прошлым. Закрыть эти учреждения в настоящее время невозможно прежде всего потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения. Следовательно, приходится терпеть их как факт...» Горемыкин хотел положить предел прениям. Но министры вновь и вновь высказывали сомнения в необходимости закрытия съезда. Горемыкин распалился: «Разогнать». Щербатов спросил: «А неприкосновенность?» Председатель Совета министров пошел на попятный: «Заявить о незаконности и пусть себе болтают». Смущало всех одно, и это выразил Кривошеин, бросив министру внутренних дел: «Механизм в ваших руках оппозиционен, а тут еще и внутренние и внешние события грозны» [26, с. 261–263].

В придворных кругах было сильное течение в пользу запрещения московских съездов. Александра Фёдоровна 2 сентября писала Николаю II, что эти съезды «вызовут только большие смуты» и поэтому их «необходимо решительно запретить» [14, с. 248]. Но министр внутренних дел несколько успокоил царицу, сказав ей, что если съезды «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию и таким образом никакой беды не выйдет» [14, с. 268].

Состоявшийся съезд ВЗС принял резолюцию о необходимости для победы взаимодействия общественных и правительственных сил, скорейшего возобновления занятий Государственной думы, которая «одна может дать незыблемую опору сильной власти». Съезд также решил признать желательным совместное с ВСГ представление депутации императору из шести человек, трех избранных съездом ВЗС (Львов, Маслов, Каменский) и трех – съездом ВСГ (Рябушинский, Астров, Челноков). Не все члены ВСГ признавали целесообразность этого решения, считая его бесполезным, а некоторые даже унизительным. «Лично я, – продолжал Астров, избранный съездом Союза городов в состав делегации, – был уверен, что делегация не будет принята царем, однако, мне казалось, что этот акт должен быть совершен для того, чтобы была внесена возможная ясность в положение, чтобы мы или укрепили свои надежды и с новой силой и напряжением вели свою работу во взаимодействии с властью, или… оставили бы несбыточные надежды и искали бы выхода сами, быть может, из положения, которое еще не было безвыходным»[18].

Текст предполагавшегося обращения главы делегации кн. Львова и текст меморандума, который предполагалось оставить императору после аудиенции, были составлены при участии членов делегации и некоторых выдаю-

18. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

щихся юристов и государствоведов: В.А. Маклакова, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского. Основная мысль обращения была в том, что власть должна быть в руках лиц, сильных доверием страны. «Правительство поставило Россию над страшной бездной. В ваших руках ее спасти»[19].

Львов просил министра внутренних дел Щербатова передать императору, что решением непосредственно обратиться к монарху съезды исполняли свой гражданский долг и веление совести; и что русский народ глубоко верит в действительное единение с царем и отказ его Величества принять представителей земств и городов России «может быть принят как разрыв царя с народом»[20].

Либеральные министры (Кривошеин, Самарин, Сазонов) в Ставке царя убеждали его пойти «навстречу общественным устремлениям». Монарх выслушал министров и глухим, недовольным голосом сказал, делая жест рукой, как бы разрубая что-то, «когда приеду в Царское Село, то там – решу» [17, с. 159]. И решил: Щербатов получил указание, что «вопрос о депутации считается ликвидированным»[21].

Между тем смысл резолюции этих съездов – «правительство народного доверия» – было лозунгом, криком страны. Именно отказ царя выслушать представителей земств и городов России в связи с военными неудачами и развалом тыла, «может быть и был поворотным пунктом в настроениях широких общественных кругов». Не текст меморандума имел влияние в стране, но факт отказа царя выслушать представителей организаций, работавших на армию, произвел несомненно сильное впечатление. По-разному это впечатление сказывалось. Одни поникли духом и безнадежно опустили руки. Для них не оставалось больше надежды... Другие постарались поскорее отделаться от неловкого впечатления, произведенного отказом в приеме делегации, и с головой ушли в работу на мощь армии и на организацию тыла. Третьи, наконец, учли этот акт, как новое доказательство враждебности власти к обществу и стали искать новых методов действий, считая свои руки развязанными»[22].

После летнего кризиса 1915 г. наступила как бы полоса затишья. Расстройство же страны усиливалось и захватывало новые области народной жизни. Этот развал и действия власти, упорно не желавшей считаться с мнением Государственной думы и общественных организаций, поощряли развитие в стране революционного процесса. Около власти создавалась угрожающая пустота. С этого времени начинается заметное раздвоение как

19. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 8. Л. 209 об.
20. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Л. 229 об.
21. Там же.
22. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

в настроениях общественных и политических организаций, так и в выборе их тактики.

Руководители Прогрессивного блока настаивали на сохранении связи с властью, на необходимости сбережения Думы. Милюков неуклонно удерживал тактику блока в пределах парламентской борьбы и всеми мерами противился стремлению левых вступить на путь революционных действий. В случае крушения власти он предрекал «бунт бессмысленный и беспощадный». Общее настроение того времени московских кругов было резко оппозиционным, но далеко не революционным. Они не выдвигали ни радикальных требований, ни революционной тактики. В это время росло антидинастическое настроение во всех слоях населения, не исключая и низших. Ореол царского имени поблек, потускнел и исчезал. Разочарование сменилось недоумением, недоумение убийственным равнодушием. От верховной власти уже ничего не ожидали, никаких надежд с ней не связывалось. Деятели ВСГ и их коллеги из других союзов в старые формулы об «объединении усилий», о «согласованных действиях» стали вкладывать уже более конкретное содержание. В начале 1916 г. ответственными лицами общественных организаций заявляется (в «Известиях Союза городов»), что режим не может вызвать усилий и жертв, необходимых для победы, нужно коренное изменение правительственного строя. Беспрерывная смена министров в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики вели к полному параличу власти. Между властью и обществом выросла «стена взаимного отчуждения и непонимания»[23]. Представители ВЗС считали, что мероприятия правительства ведут к острой классовой борьбе. И тем актуальнее становилась «организация страны». Понимали ее по-разному.

Объединение сил и организация страны – это была одна тактика, имевшая целью удержать возможное влияние в поднимавшемся стихийном процессе, предупредить его, если возможно, не дать ему разлиться в анархию. Другая тактика вела к дворцовому перевороту. «Сознание неизбежности дворцового переворота было, кажется, всеобщим», – вспоминал Астров. Его ожидали, о нем нескромно говорили повсюду, но его не дождались. Сторонники первой тактики стремились договориться с организациями рабочих, сблизить буржуазно-либеральные круги с демократическими элементами. И те и другие видели в организации страны «средство, противоборствующее надвигающейся революции»[24].

ВСГ и ВЗС координировали не только свою практическую деятельность и вели общую работу в Земгоре, в Главном комитете которого были в основ-

23. ОР РГБ. Ф. 171. К. 9. Д. 1. Л. 18 об.
24. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

ном кадеты (М.В. Челноков, Н.В. Некрасов, Н.А. Артемьев, А.Г. Хрущов, М.И. Терещенко, А.И. Астров, Д.М. Щепкин и др.), в Собеже, но и согласовывали друг с другом время проведения своих съездов и совещаний, выступления в Особых совещаниях, в которых от ВСГ были представлены, в основном, кадеты и прогрессисты: М.В. Челноков, М.М. Федоров, Н.В. Некрасов, П.А. Бурышкин, А.Г. Хрущов, Н.И. Астров, А.И. Астров, Д.В. Сироткин, П.П. Юренев, П.А. Садырин, А.А. Титов, А.П. Фролов, Ф.А. Лузин, В.К. Громан и др.

По своему характеру оппозиционные выступления Земского союза были более умеренными, чем Городского. Он позже, чем ВСГ, принял идею «об ответственном министерстве» (до того был приверженцем идеи «министерства доверия»), на сентябрьском съезде 1915 г. принял решение о депутации к царю, в то время как ГК ВСГ в большинстве своем (23 против 4) высказывался против этого, хотя в конце концов согласился с ВЗС.

Политизация общества всё более отражалась на деятельности ВЗС, ВСГ и других общественных организаций. Они были как бы сколком с российского общества. В их структурах был представлен широкий спектр политических партий и течений. В различных организациях Земгора, ВСГ и ВЗС работали и октябристы, и прогрессисты, и к.-д., и эсеры, и социал-демократы, в том числе и будущий нарком продовольствия А.Д. Цюрупа, сестра В.И. Ленина М.И. Ульянова, и – вплоть до большевиков такого склада, как М.В. Фрунзе, которые использовали учреждения союзов и для партийной работы на фронте. Секретарем ГК ВСГ был энес В. Волк-Карачевский, социал-демократ А. Сысин возглавлял один из отделов ГК ВСГ и т.д.

«Третий элемент»: врачи, статистики, бухгалтеры, инженеры, юристы и т.д. трудились и в Земском союзе. ВЗС приглашал на свои съезды и включал в свои органы того, кого он считал нужным, даже если эти люди не были земцами. С.А. Котляревский писал, что в состав этого союза вошли «многочисленные и ценные силы, не принадлежащие в строгом смысле слова к земской среде, и все-таки они прежде всего связаны с этой средой, они выражают земскую Россию, как выражают ее и земские собрания». В этом, казалось Котляревскому, «заключается известный смысл совместного существования двух союзов: Земского и Городского». Перед ними стоят одинаковые задачи, и во многих отраслях своей деятельности они должны работать согласованно; но они опираются на несколько различные общественные слои, отражают различную психологию и, направляясь к одной цели, не всегда могут избирать одинаковые пути. Нельзя признать такую двойственность чем-то ненормальным; наоборот, она «позволяет более широко использовать общественные силы страны» [10, с. 40].

Но социальная «неоднородность» состава совещаний и съездов ВСГ все же сказывалась на характере его оппозиционных выступлений. Этому

способствовало и то, что левые кадеты в ВСГ (и прежде всего Н.И. Астров и Н.М. Кишкин) считали необходимым участие в совещаниях нецензовых элементов, – вплоть до представителей рабочих, кооператоров и т.д. Это была попытка сблизить буржуазно-либеральные круги с демократическими элементами, «иначе все обратится в развалины». Однако идеологического сотрудничества не наступило.

В заседании кадетского ЦК в феврале 1916 г. Д.И. Шаховской констатировал, что работа союзов теперь уже переросла их наличные силы, потому что у них нет власти (отчего к ним многие не идут), а среда земская цензовая неудовлетворительна. Продовольствие без путей сообщения неосуществимо, но и тут аналогичное положение. Нужна полнота власти [22, с. 204].

ВЗС и ВСГ вынуждены были реагировать на то, что «старая власть лишь поневоле и по необходимости терпела союзы, видя и сознавая, что без их помощи она обойтись не может; вместе с тем она не упускала случая делать попытки дискредитировать и подрывать деятельность союзов. Периодически против них предпринимались походы. То органы власти, то отдельные сановные фигуры, то организации "черной сотни" производили свои выступления и набеги. Союзам предъявлялись обвинения, что дела они ведут беспорядочно, не могут дать отчетов в израсходованных казенных деньгах, что они – особенно Союз городов – представляют гнездо и оплот революции, что все существование союзов подрывает авторитет власти. Союзам задерживали отпуск денег, всячески тормозили их начинания, не разрешали и разгоняли созываемые ими съезды и совещания – словом, союзы, были опасным для государственного порядка явлением, явлением политической жизни страны, не совместимым с самодержавным строем» [3, с. 1].

Отсюда стратегия и тактика общественных организаций. Организация страны в целях достижения победы и ответственное министерство – лозунги 1916 г. В этой двучленной формуле одно острие – «ответственное правительство» было направлено против «безответственной власти», а другое – против анархии и революции. Это была новая ступень, на которую взошло русское общество, гонимое всеобщим расстройством и дезорганизацией государственной жизни.

В это время и продовольственный вопрос стал политической проблемой, которая в любой момент могла взорвать ситуацию в стране. Отдавая себе отчет в этом, руководители ВЗС, ВСГ, ВПК всемерно старались предотвратить катастрофу. С этой целью они пытались устраивать совместные совещания и съезды своих организаций. Говоря о себе, об общественных деятелях, либералах, Астров постфактум заявлял: «Мы видели и понимали, как задолго до революции слагались грозные недоразумения между властью и народом, между правящим классом и Россией, и что мы предвидели роковые последствия этих роковых недоразумений и вся наша политическая деятельность

имела целью предупредить и предотвратить катастрофу. Мы были между властью и группами, готовившими революцию, и мы участвовали в создании противоборствующих революционных сил»[25]. Но это предполагало и оппозицию власти уже потому, что «анархия начиналась в стране сверху»[26].

9 декабря 1916 г. правительство не допустило съезда земских деятелей. Запрещены были съезд городов и совещание по продовольственному вопросу. Земцы отправились в ГК ВЗС, где и провели свое заседание, на котором присутствовали представители 22 губерний, двух областей и всех фронтовых комитетов ВЗС. С решающим голосом оказалось 59 человек, считавших, что правительство «ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон». Земцы отдавали себе отчет в том, что «решаются судьбы России на многие поколения». Спасение войны они видели в действительном патриотизме и в живом чувстве ответственности перед Родиной. Когда власть становится преградой на пути победы, ответственность за судьбы Родины должна принять на себя вся страна, начиная с ее законных представителей. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, «ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон». Суть рекомендации заключалась в требовании: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа в одну из величайших минут его истории, сильное ответственностью перед народом и народным представительством».

Земцы хорошо чувствовали драматизм своего времени, его судьбоносность. Примечательно, как изменился к тому времени сам облик Львова. Некогда тихий и застенчивый, не любивший чрезмерного внимания к собственной персоне и избегавший появляться на трибуне, князь превратился теперь в весьма нервную и даже экзальтированную личность. Очевидцы рассказывали, что когда полицейские ворвались в зал, где собрание земцев принимало резолюцию, и предложили покинуть помещение, то Львов взобрался на стул и крикнул на весь зал: «Верьте, мы победим!» Спустя некоторое время он заявил в частной беседе: «Теперь уже не время говорить о том, на кого возложить ответственность за судьбу России. Надо принимать ее на себя. Народ должен взять свое будущее в собственные руки» [23, с. 174–175].

Но такая его метаморфоза претила самому существу Львова, склонного к практической земской работе и всегда противившемуся своему выдвижению на политическую авансцену. Львов давно опасался, что «вместо примирения», он внесет обострение в отношения власти и общества: «Из мирного знамени я превращен в боевой сигнал... и я послужу разрушению той идеи, которой в сущности служил всю жизнь... Я глубоко убежден, что на этом пути я внесу в жизнь зло и вред против моей воли» [33, с. 546].

25. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–3.
26. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

Об этой вынужденной радикализации либералов свидетельствует и письмо старого земца Н.Н. Львова к Великому князю Николаю Михайловичу: «Внутренний кризис наш все более и более обостряется; это есть кризис власти, которую все ищут и которая не умеет быть тем, чем она должна быть. В этот великий исторический момент, который должен положить конец петербургскому периоду русской истории и начать новый национальный расцвет России, власть не умеет отказаться от пустяков, ничтожных причуд и прихотей прошлого. Эти суетные мелочи губительны для будущности России, для самой власти и тем не менее выхода нет. В этом весь ужас нашего положения; с одной стороны, огромная задача ведения мировой войны и еще более трудная задача заключения мира, а с другой – беспомощный капрал, расстроенное и больное воображение... Мы же, которые вынуждены оставаться и вести борьбу, с ужасом чувствуем, что нас против нас самих толкают на такой путь, который противен нашим глубочайшим убеждениям[27].

Вечером 9 декабря Г.Е. Львов собрал у себя на квартире М.В. Челнокова, одного из руководителей ВСГ и ВПК М.М. Фёдорова, заместителя главноуполномоченного ВСГ Н.М. Кишкина, Н.И. Астрова, представителя Кавказского комитета ВСГ А.И. Хатисова. Обсуждали положение дел. Совещание длилось почти всю ночь. Хатисов вспоминал: «Львов сообщил, что на фронте – ужас... Многие части требуют удаления царя… При дворе – недовольство… Требуют удаления Распутина... В Думе требуют удаления министров. Все чувствуют необходимость смены правления, – корня всех дел. “Ответственное правительство” – вот спасение. К утру и за день все члены съезда дали свое согласие на назначение Львова председателем Совета министров, если будет создано ответственное министерство. Хотели организовать дворцовый переворот». Хатисову было поручено узнать лично отношение Великого князя Николая Николаевича к этому перевороту, и «согласен ли он принять корону царя, если совершится переворот». Великий князь «воздержался от дачи согласия действовать активно»[28].

Ход событий, всероссийское расстройство, предощущение грозящей катастрофы заставляли мучительно отыскивать выходы из все усиливавшегося хаоса. После разгона полицией съездов ВЗС и ВСГ лозунг создания ответственного думского министерства «стал общим лозунгом либеральной оппозиции». В то время «правительство и общество представляли собой два враждебных лагеря». Это было отражением общего сдвига страны к революции. Н.И. Астров утверждал, что «трагедия Союза городов и близких к нему по общественному составу организаций была в том, что они оказались вынуж-

27. ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2.
28. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 24 об.

денными одновременно помогать власти и бороться с нею, и то и другое ради достижения главной и покрывающей все цели, ради доведения войны до благополучного конца. В условиях того времени можно ли было безоговорочно и молчаливо идти за властью, изживавшей и изжившей себя? Можно ли было тогда перейти на путь прямого действия и совершить "перепряжку во время переправы", "сменить шофера"… на крутом спуске? В тех условиях, которые мы переживали тогда, ни того, ни другого осуществить было нельзя. В этом и была трагедия русской общественности и среди нее трагедия Всероссийского союза городов»[29].

Конфронтация общества и власти разрешилась Февралем 1917 г. Революция круто повернула деятельность Союзов. Новому государственному строю Земский союз отдал своего руководителя – Львова, ставшего премьер-министром Временного правительства, и своих виднейших работников. Лидеры ВЗС пришли во власть не только в центре, но и на местах, – председатели губернских земских управ были назначены губернскими комиссарами. 7 июня 1917 г. Временное правительство специальным постановлением утвердило Положение о ВЗС, которое было одобрено съездом ВЗС в марте 1916 г.

Февраль, решив судьбу монархии, стал важной вехой в судьбе российского либерализма и изменил деятельность союзов. «Новому государственному строю, революции союзы отдали себя целиком и без остатка... Целые отделы и комиссии полностью влились в органы новой государственной власти». Общественные организации стали важной опорной базой Временного правительства и в государственном регулировании экономики. ВПК, Земский и Городской союзы не только освобождались от прежней казенной опеки, но и наделялись широкими полномочиями государственного характера.

На 16 сентября1917 г., «общее число всех работающих в отделах, учреждениях и предприятиях ВЗС, ВСГ, Земгора – 326 027 человек». В ВЗС – 232 700 человек с прикомандированными и 175 тыс. – «основных кадровых работников», из которых женщин около 45 тыс. (более 25%). Из 175 тыс. – 8041 – военнообязанных (менее 5%). Численность Земгора без прикомандированных составляла 11 827 человек[30].

После Февральской революции с ее демократизацией, обусловившей «паритетный» принцип (т.е. в сущности партийный) распределения мест в ГК между социалистами и цензовиками на 6-м съезде ВСГ в апреле 1917 г., когда руководителем ВСГ был избран Н.И. Астров, (ставший в апреле и городским головой Москвы), ГК сохранил свое кадетское «ядро». На последний съезд Союза (14–17 октября 1917 г.) из приехавших на него членов ГК (49) кадетов была – половина. В массе съехавшихся 271 делегатов, либералы

29. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
30. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 438. Л. 14–15.

терялись. Среди собравшихся мало было не только тех, кто участвовал в прежних съездах ВСГ, но даже и таких, которые работали раньше в местных комитетах ВСГ. Преимущественно это были только что избранные гласные в демократические думы. Партийный состав съезда был следующий: социал-демократов – 92, эсеров – 68, кадетов – 55, энесов – 24, беспартийных – 32. Города послали 195 представителей, ГК – 49, фронтовые комитеты – 16, ревизионная комиссия – 4, оргкомитет по созыву съезда – 7. На съезде присутствовали 60 человек с совещательным голосом, в том числе 20 делегатов от служащих и рабочих ГК ВСГ. На этом съезде кадеты («муниципально-демократическая партия») при выборе в ГК уступили революционным партиям: из 80 членов ГК их было только 23 человека. Последним руководителем ВСГ был эсер В.В. Руднев[31].

После переворота в феврале 1917 г. в большинстве городских дум явочным порядком было введено представительство вновь образовавшихся революционных организаций. Возникшие повсюду комитеты рабочих и низших служащих вносили полное расстройство в жизнь городских учреждений. Новое Городовое положение, в выработке которого участвовали и деятели ВСГ, было утверждено 9 июня 1917 г. Новый закон отразил влияние того времени и условий, что особенно сказалось на правилах о производстве выборов гласных городских дум.

К октябрю 1917 г. новые городские думы на основе всеобщего избирательного права были образованы в 643 городах (179 городов бывшей империи были потеряны в ходе войны). Эти выборы коренным образом изменили прежние составы дум. По 50 губерниям социалистов было избрано 65,7%, представителей других партий – 34,3%. В президиумы дум почти повсеместно вошли представители социалистического большинства. Партийные страсти с предвыборных собраний были перенесены в думы. Призывы к углублению революции и укреплению ее завоеваний целиком владели мыслями новых гласных. Над думами «носились настроения классовой борьбы, а призывы удержать городские самоуправления на высоте согласования удовлетворения и примирения интересов всех слоев населения городов успеха не имели».

Пришел октябрь 1917 г. Вскоре городские думы повсеместно были разогнаны. Закон о демократическом устройстве городских самоуправлений был аннулирован вместе со всем законодательством Временного правительства. ВСГ не мог существовать в условиях нового режима. Только терпимый царским правительством, он был уничтожен новой властью.

31. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 429. Л. 5–10 об.

Та же судьба ждала и ВЗС. Весной и летом 1917 г. Земскому союзу работать становилось все труднее из-за прогрессировавшего развала экономики, массового дезертирства на фронте, развития революционного процесса и ослабления власти Временного правительства. В 1917 г. ВЗС так и не смог собрать ни одного своего съезда. ГК объяснял это положением, в котором находилось Российское государство после революции. Во многих губерниях и особенно уездных земствах шел процесс демократизации, одни изменили свой состав, другие по-прежнему были цензовыми. При таком разнобое ГК не решился собирать съезд. Кроме того, перед ними был пример ВСГ, которого захлестнула волна «демократизации», наполнившая на апрельском 1917 г. съезде ГК ВСГ социалистами, сильно потеснившими «цензовиков».

ГК ВЗС пытался удержаться в волнах демократизации, которые накатывались и на него.

Для рассмотрения конфликтов между служащими и заведующими отделами была учреждена примирительная камера. Натиск «демократии» на ГК усиливался. В июне 1917 г. начались забастовки рабочих и служащих, выдвигавших требования повышения зарплаты и срочной демократизации ВЗС, введения в его состав представителей революционно-демократических организаций[32].

Рабочие и служащие Земского союза заявили, что ГК является «оплотом антидемократических течений, объявивших поход на рабочих, выразившийся в саботаже промышленных предприятий Союза». 30 августа 1917 г., обсудив вопрос о выступлении генерала Корнилова, и выставив требование энергичной борьбы со всеми контрреволюционными организациями, к которым причислили и ГК ВЗС («очаг оппозиции демократическим начинаниям»), делегаты потребовали немедленного вооружения всех рабочих.

Рабочие направили Временному правительству требования о демократизации ГК. Но ГК не уступал, подчеркивая, что правом кооптации не наделен, этим правом обладает только съезд уполномоченных губернских земств.

После Октября 1917 г. борьба приняла драматические формы: с вооруженными вторжениями в ГК, захватом его кассы и учреждений, с арестами его приверженцев[33].

На фронте деятели ВЗС, не признавшие власть нового «народного правительства», подлежали «немедленному аресту»; весь состав служащих ВЗС при 2-й армии объявлялся изменниками Родины и революции и подлежал задержанию и отправке в ближайший совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Местные организации или разгонялись новой властью, или

32. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 1348. Л. 1–38.
33. Там же. – Л. 12–14.

едва существовали. В июле 1918 г. Союзы земств и городов были ликвидированы декретом СНК.

Литература

1. Абрамов В.Ф. Объединение российских земств // Земский феномен: Политологический подход. – Саппоро, 2001. – С. 100–143.

2. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. – Париж, 1959. – 260 с.

3. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации Союза. – М., 1917. – С. 7.

4. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1983. – 256 с.

5. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; Москва, 2001. – 438 с.

6. Думова Н.Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции (1914–1917). – М., 1988. – 246 с.

7. Загряцков М.Д. Всероссийский Земский союз: Общие принципы организации и юридическая природа. – Пг., 1915. – 29 с.

8. Земгор: Полтора года работы Главного по снабжению армии комитета Всероссийского Земского и Городского союзов, июль 1915 – февраль 1917 г. – М., 1917. – 23 с.

9. Известия ВСГ. – М., 1915.

10. Котляревский С.А. Всероссийский Земский союз // Русская мысль. – М.; Пг., 1916. – Кн. 3. – С. 39–43.

11. Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2 (1859–1917). – 446 с.

12. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. – Париж, 1988. – 754 с.

13. Очерк деятельности Петроградской областной организации Всероссийского Союза городов за первый год войны. – Пг., 1916. – 341 с.

14. Переписка Николая и Александры. – М., 2013. – 948 с.

15. Петров Ю.А. Династия Рябушинских. – М., 1997. – 198 с.

16. Писарькова Д.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. – М., 1998. – 467 с.

17. Поливанов А.А.. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопр. истории. – М., 1994. – № 3. – С. 153–165.

18. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. – М., 1920. – 240 с.

19. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – М., 2001. – 460 с.

20. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. – М., 2014. – 718 с.

21. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1912–1914 гг. – М., 1997. – 587 с.

22. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. – М., 1997. – 590 с.

23. Пушкарева И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов // Исторические силуэты. – М., 1991. – С. 153–194.

24. Рабинович А. Кровавые дни: Июньское восстание 1917 года в Петрограде. – М., 1992. – 271 с.

25. Сенявская Е.С. Войны XX века как фактор историко-психологического развития российской цивилизации // Россия и мировая цивилизация. – М., 2000. – С. 365–376.

26. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). – СПб., 1999. – 559 с.

27. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 гг. – СПб., 1997. – 729 с.

28. Трубецкой С.Е. Минувшее. – М., 1991. – 248 с.

29. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М., 2014. – 327 с.

30. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). – М., 2003. – 152 с.

31. Шевырин В.М. Земгор // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 326–330.

32. Шевырин В.М. Земский союз // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 331–337.

33. Шевырин В.М. Львов Георгий Евгеньевич // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 545–547.

34. Шевырин В.М. Союз городов // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 876–882.

35. Шелохаев В.В. Основной фактор крушения Российской и советской империй // Тысячелетняя история России: Проблемы, противоречия и перспективы развития. – М., 2004. – С. 371–376.

36. Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. – СПб., 1996. – № 7. – С. 245–348.

37. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров, 5 июля – 2 сент. 1915 г. // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. 18. – С. 133–135.

38. Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. – Seattle; L., 1981. – 652 p.

А.В. Шурубович

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛОРУССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Шурубович Алексей Викторович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Необходимость модернизации белорусской экономики

Развитие белорусской экономики в последние 10–15 лет носит достаточно противоречивый характер. В течение длительного времени (до конца 2000-х годов) в стране наблюдался устойчивый рост основных экономических показателей, который был одним из самых высоких в СНГ. В последующие годы темпы экономического роста значительно снизились (табл. 1), что было связано как с внешними факторами (в частности, с воздействием мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.), так и с серьезными внутриэкономическими проблемами.

Таблица 1

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ, %

	1996–2000 гг.	*2001–2005 гг.*	*2006–2010 гг.*	*2011–2013 гг.*
Валовой внутренний продукт	6,3	7,5	7,3	2,6
Продукция промышленности	10,5	8,3	7,8	3,4
Продукция сельского хозяйства	-3,5	2,5	5,3	3,1
Инвестиции в основной капитал	7,0	12,4	18,1	4,5
Ввод в эксплуатацию жилья	17,2	1,4	11,9	-1,6

Источник: [29, с. 4].

Одной из таких проблем является неадекватность белорусской экономики современным требованиям, низкий технологический уровень основных отраслей. Экономический рост в стране происходит пока в основном на уста-

ревшей технологической и научно-технической базе, не сопровождается масштабным технологическим перевооружением и модернизацией производства, что негативно сказывается на конкурентоспособности экономики РБ и ставит под вопрос достижение намеченных руководством республики амбициозных целей. В научно-технологическом отношении Белоруссия заметно отстает от высокоразвитых стран, причем в последние годы этот разрыв увеличился. За годы рыночных реформ объем научных исследований резко сократился; при этом лишь незначительная часть разработок сопоставима или превышает уровень зарубежных аналогов. Наукоемкость ВВП за годы трансформации значительно снизилась: если в 1991 г. стоимость выполненных научно-исследовательских работ составляла 1,4% ВВП, то в 1995 г. – 0,9, в 2000 г. – 0,8, в 2009 г. – 0,7% ВВП [6, с. 475]. В 2011–2012 гг. внутренние затраты на исследования и разработки составили 0,7% ВВП [20, с. 161]. Это значительно меньше критического, по международным критериям, порогового значения в 1%, ниже которого происходит разрушение научно-технического потенциала страны. По мнению специалистов, только с уровня 1,5–2,0% наукоемкость становится фактором экономического прогресса [29, с. 8].

Из примерно 6 тыс. определяющих технологий, используемых в Белоруссии, 79%, по данным 2010 г., относится к традиционным, 15,8 – к новым и только 5,2% – к высоким технологиям [29, с. 7][1]. В экономике преобладают производства III и IV технологических укладов: при этом степень физического износа основных фондов достигает 65–70%. Доля V и частично VI технологических укладов (микроэлектроника, оптико-волоконная техника, телекоммуникации, космическая техника, тонкая химия и др.) не превышает 10% [4, с. 105]. По имеющимся оценкам, за последние 15 лет технологический уклад РБ понизился на один уровень, и в настоящее время она отстает от высокоразвитых стран на два технологических уклада [8; 17]. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте в последние годы не превышает 4–5%.

Слабость научно-технологической сферы и технологическое отставание республики от высокоразвитых стран обусловлены рядом причин, прежде всего структурными диспропорциями в экономике. Структурные сдвиги в экономике за годы независимости в целом говорят скорее о примитивиза-

1. Традиционные – технологии, получившие широкое распространение в базисном периоде и подлежащие замене новыми и высокими технологиями. Новые – технологии, воплощающие в себе передовые достижения науки и техники, уже используемые в мире и позволяющие выпускать продукцию, конкурентоспособную в отдельных сегментах мирового рынка. Высокие – технологии, воплощающие в себе самые передовые достижения науки и техники, в результате внедрения которых осуществляется выпуск новых продуктов или известных продуктов новым способом, обладающим конкурентоспособностью мирового уровня [22, с. 157–158].

ции структуры, чем о ее прогрессивном изменении (хотя степень примитивизации в Белоруссии ниже, чем в большинстве других стран СНГ).

С одной стороны, значительно (с 28,5% в 1990 г. до 47,2% в 2012 г.) возросла доля услуг в ВВП, что соответствует общемировой тенденции. Доля промышленности в ВВП снизилась за указанный период с 37,9 до 31,8%, сельского хозяйства – с 22,7 до 8,4% (в 2012 г. – включая охоту и лесное хозяйство), строительства – с 7,7 до 6,9% [24, с. 326–327; 26, с. 267]. Заметно увеличилась доля услуг транспорта и связи в ВВП: с 6,4% в 1990 г. до 7,1% в 2005 г., услуг образования – соответственно с 2,5 до 3,9%, здравоохранения и предоставления социальных услуг – с 1,8 до 2,8% [24, с. 327; 26, с. 267].

С другой стороны, по большинству позиций в структуре экономики произошли негативные изменения. Это относится прежде всего к промышленности – ведущей отрасли материального производства Белоруссии. Заметно увеличилась доля сырьевых отраслей в общем объеме промышленного производства, особенно топливно-энергетической промышленности (с 7,2% в 1990 г. до 25,7% в 2010 г.). Вместе с тем значительно уменьшилась доля машиностроения и металлообработки, а также легкой промышленности (табл. 2). Уменьшился удельный вес продукции наукоемких, технологически сложных подотраслей и производств в структуре продукции машиностроения. Усиление сырьевой составляющей в промышленном комплексе отчетливо проявилось и в изменении структуры экспорта. Если в 2000 г. на долю машин, оборудования и транспортных средств приходилось 25,2% экспорта республики, а на долю минеральных продуктов – 20,2%, то в 2012 г. – соответственно 17,9 и 36,0% [24, с. 587; 26, с. 538].

Таблица 2

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРОДУКЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ В ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛОРУССИИ (в %)

	1990 г.	*2000 г.*	*2010 г.*
Топливно-энергетическая промышленность	7,2	23,3	25,7
Металлургическая промышленность	1,0	3,0	3,9
Химическая и нефтехимическая промышленность	9,0	12,5	10,4
Машиностроение и металлообработка	34,2	20,5	18,2
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	4,4	5,0	2,7
Промышленность стройматериалов	3,7	3,4	3,9
Легкая промышленность	17,2	8,4	3,3
Пищевая промышленность	14,9	17,3	15,3

Источник: [24, с. 352]; [19, с. 54]. После 2010 г. в связи с переходом на международную классификацию структуры промышленности по видам экономической деятельности статистика РБ не приводит данных, сопоставимых с данными 1990 г., базирующимися на общесоюзном классификаторе отраслей народного хозяйства (ОКОНХ).

Несмотря на меры, принимаемые руководством РБ, пока не удается радикально изменить ситуацию, сложившуюся в начальный период системной трансформации, когда экономика республики пережила спонтанную структурную перестройку по принципу «выживаемости», в результате которой пострадали прежде всего высокотехнологичные отрасли и производства [6, с. 10].

Важными факторами технологического отставания Белоруссии от высокоразвитых стран являются также отсутствие достаточного платежеспособного спроса национальной промышленности на новые разработки и эффективных механизмов продвижения новых технологий на мировые рынки, слабая инвестиционная поддержка инноваций, несовершенство системы их коммерциализации, бедственное положение многих государственных НИИ и КБ, низкий уровень оплаты труда, неотлаженность системы защиты интеллектуальной собственности, преобладание административно-бюрократических методов в управлении инновационной деятельностью.

Таким образом, модернизация экономики, под которой мы понимаем структурные, технологические и институциональные изменения в национальной экономике, направленные на повышение ее глобальной конкурентоспособности и устойчивости к внешним шокам [2, с. 43–44], становится для Белоруссии настоятельной необходимостью.

Проблемы модернизации в официальных документах

Руководство Белоруссии отчетливо видит необходимость модернизации экономики и связанные с этим проблемы. Был принят ряд программных документов. В них модернизация понимается прежде всего как обновление технологической базы экономики, ее техническое перевооружение на основе приоритетного развития наукоемких, энергосберегающих отраслей и производств, что должно создать условия для обеспечения устойчивого развития страны. Главной целью модернизации белорусское руководство считает создание высокотехнологичной и конкурентоспособной по мировым критериям экономики, обеспечивающей экономическую независимость и политическую безопасность государства, достойный уровень жизни народа, оздоровление экологической обстановки и интеграцию экономики страны в систему мирохозяйственных связей на равноправных и взаимовыгодных условиях [7, с. 12].

Следует отметить, что хотя о необходимости модернизации экономики в Белоруссии говорят практически с момента обретения независимости, первоочередной задачей она стала в середине 2000-х годов, когда в основном были решены задачи предшествующего периода, связанные с преодолением последствий кризиса.

В одном из важнейших программном документе долгосрочного характера – «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.» (НСУР – 2020), утвержденном в 2004 г., предусматривается переход в течение указанного периода к новому постиндустриальному обществу с преимущественно V и VI технологическими укладами, экологически чистыми производствами [13, с. 31]. Намечается поэтапно осуществить прогрессивные изменения в отраслевой структуре экономики за счет снижения доли и масштаба энерго- и материалоемких производств, замены неэффективных производств новыми, основанными на высоких технологиях и новых материалах.

На первом этапе (до 2010 г.) намечалось повысить конкурентоспособность национальной экономики за счет улучшения использования факторных условий (природные и трудовые ресурсы, научно-технический и инновационный потенциал, производственная и социальная инфраструктура), а также создания привлекательного инвестиционного климата и благоприятных условий для предпринимательской деятельности, развития рыночной инфраструктуры, расширения потребительского рынка. На втором этапе (2011–2020) ставится задача приблизить структуру экономики РБ к структуре хозяйства высокоразвитых стран по доле сферы услуг, прогрессивных технологических укладов (V и VI), создать условия для формирования постиндустриального общества [12, с. 86].

Другой документ «Стратегия технологического развития Республики Беларусь на период до 2015 года», принятый в конце 2010 г., по мнению российского экономиста Б. Хейфеца, с полным правом можно назвать программой модернизационного развития РБ. Помимо общих задач обеспечения устойчивого роста ВВП и уровня доходов населения она предусматривает, в частности, осуществление мощного технологического рывка, который обеспечит снижение энергоемкости ВВП не менее чем на 29%, повышение производительности труда в 1,62–1,67 раза по сравнению с 2010 г. В соответствии с данной программой были разработаны и утверждены «Перечни научно-технических программ на 2011–2015 годы и на период до 2020 года», в которые вошли 28 программ в различных отраслях. Выполнение этих программ, как предполагается, позволит значительно поднять эффективность национальной экономики и повысить ее конкурентоспособность [28, с. 147].

Особое внимание в официальных документах уделяется структурной модернизации белорусской промышленности. В утвержденной в 2012 г. «Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года» обозначены цели, задачи и приоритеты развития промышленного комплекса на среднесрочную перспективу. В качестве основной цели развития промышленного производства названо формирование конкурентоспособного инновационного промышленного комплекса, ориентиро-

ванного на создание высокопроизводительных рабочих мест и рост производительности труда по добавленной стоимости не ниже 50% от европейского уровня, увеличение выпуска соответствующей мировым стандартам продукции и наращивание экспортного потенциала.

В «Программе…» определены приоритеты развития промышленного комплекса поэтапно: на 2011–2015 гг. и 2016–2020 гг. и целевые индикаторы на указанные периоды. В период реализации программы предусматривается, в частности, ежегодное снижение импортоемкости промышленной продукции не менее чем на 1,5%; при этом целевой задачей названо формирование условий для создания новых высокоэффективных производств с уровнем производительности труда, соответствующим мировым аналогам или превосходящим их[2].

В официальных документах намечены также меры по модернизации других отраслей экономики (аграрно-промышленного комплекса, строительного комплекса, транспорта, связи и др.), что должно способствовать формированию в РБ эффективной, конкурентоспособной, ресурсо- и энергосберегающей экономики с высокой долей наукоемких, экспортоориентированных, импортозамещающих новых производств, а также высокоэффективных традиционных производств.

Следует, однако, отметить, что, по мнению ряда белорусских экономистов, принятые в последние годы экономические стратегии и программы имеют серьезные внутренние изъяны, что может поставить под вопрос их успешную реализацию. Так, В. Шимов, говоря об упомянутой «Программе развития промышленного комплекса РБ на период до 2020 года», отмечает, что в ней «практически отсутствуют конкретные инструменты и механизмы достижения поставленных целей, финансовые источники намеченной модернизации. Сложно рассматривать в качестве инструментов и механизмов достижения целей программы обычные, самые общие пожелания…» [29, с. 10]. Эксперты отмечают также характерный для экономических программ перекос в сторону административного регулирования при ограниченной самостоятельности субъектов хозяйствования, завышение целевых установок по основным параметрам, отсутствие должной избирательности в выборе объектов, целей и приоритетов научно-технического и инновационного развития (если инновации – значит у всех, если модернизация – то всех предприятий и т.п.) [30, с. 32; 2]. Многие из этих критических замечаний представляются справедливыми. Однако, на наш взгляд, само по себе широкое применение программно-целевого подхода к модернизации и развитию экономики в целом (здесь Белоруссия является одним из лидеров в СНГ) открывает немалые

2. http://belarus.news-city.info/docs/large-document-by/minsk-right0...

возможности для решения стоящих перед страной задач. Важно в полной мере использовать эти возможности.

Важнейшие факторы модернизации

Решение столь масштабной задачи, как модернизация экономики, потребует максимального задействования всех имеющихся факторов ее обновления – финансовых, технологических и др. Едва ли не важнейшую роль призвана сыграть «инвестиционная составляющая» модернизации. До недавнего времени (примерно до середины 2000-х годов) фактический объем инвестиций в экономику составлял не более 50–60% ежегодной потребности в них, что не позволяло приступить к масштабной модернизации экономики.

В последнее время в Белоруссии наблюдается значительное оживление инвестиционной деятельности. После глубокого спада первой половины 1990-х годов, когда объем инвестиций в основной капитал снизился более чем на 60%, ситуацию в этой ключевой сфере удалось серьезно изменить к лучшему. С 2002 г. наблюдается почти непрерывный (кроме 2012 г.) рост объема инвестиций в основной капитал. В 2012 г. их объем, хотя и снизился по сравнению с предыдущим годом на 11,7% в связи с последствиями валютного кризиса 2011 г., в 4,29 раза превысил уровень 2000 г. [20, с. 55], а в 2013 г. возрос на 7,4% по сравнению с предыдущим годом [21, с. 77].

В долларовом эквиваленте объем инвестиций в основной капитал возрос с 2,3 млрд долл. в 2000 г. до 7,0 млрд в 2005 г. и 22,6 млрд долл. в 2013 г. [21, с. 78]. Таким образом, в последние годы фактический объем инвестиций соответствовал потребности в них.

Отношение инвестиций в основной капитал к ВВП увеличилось с 20,1% в 2000 г. до 31,8% в 2013 г.[3] По мнению белорусских экспертов, страна вступила в период расширенного воспроизводства основных фондов: если в предыдущие годы происходила модернизация и поддержание на должном уровне созданных ранее производств, то в 2000-х годах стали активно создаваться новые производства.

Национальный инвестиционный потенциал позволил за последние годы модернизировать и реконструировать ряд предприятий: нефтеперерабатывающие заводы, объекты машиностроения, энергетики, агропромышленного комплекса и других отраслей. На некоторых из этих предприятий закончены только первые этапы реконструкции и начинаются следующие. Модернизированы, в частности, Минский автозавод (МАЗ), Минский тракторный завод (МТЗ), нефтеперерабатывающие предприятия «Нафтан» и Мозырский НПЗ,

3. Оптимальным принято считать отношение инвестиций к ВВП на уровне 25–30%.

крупнейшие химические предприятия «Беларуськалий» и «Гродноазот» и др. В настоящее время реализуются программы комплексной модернизации на 2013–2015 гг., охватывающие большинство промышленных предприятий республики. К концу 2013 г. такие программы были разработаны на 2820 предприятиях с государственной долей собственности [18].

Значительный рост инвестиционной активности в последние годы во многом обусловлен проводимой государством политикой стимулирования инвестиций, особенно в приоритетные отрасли и производства. В 2013 г. были приняты законы «Об инвестициях» и «О концессиях», направленные на улучшение инвестиционного климата в РБ и повышение прозрачности инвестиционной деятельности. Регулярно разрабатываются долгосрочные программы привлечения инвестиций в экономику РБ, в которых определяются цели и задачи инвестиционной политики, механизмы стимулирования инвестиций, а также ежегодные инвестиционные программы.

Важную роль в модернизации экономики Белоруссии призваны сыграть иностранные инвестиции. Их объем имеет тенденцию к росту: с 1816,2 млн долл. в 2005 г. он увеличился до 14 974,3 млн долл. в 2013 г. [16] (притом, что в 2012 г. он резко снизился – с 18 878,6 млн до 14 329,8 млн долл.). Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в белорусскую экономику возросли с 451,3 млн долл. в 2005 г. до 11 083,4 млн долл. в 2013 г. [16]. По объему ПИИ в реальный сектор белорусской экономики в 2013 г. лидировали Россия, на долю которой приходилось 52,5% общего объема ПИИ, Великобритания (25,3), Кипр (6,8), Австрия (2,2%).

В Белоруссии на конец 2012 г. действовало 6925 организаций с иностранными инвестициями, в том числе 3860 совместных и 2901 иностранных [26, с. 504]. Иностранные инвестиции направляются в основном в торговлю, транспорт, промышленность (в частности, в пищевую, машиностроительную и деревообрабатывающую, медицинскую, легкую, химическую). К сожалению, непосредственно на модернизацию, по оценкам экспертов, выделяется лишь незначительная часть иностранных инвестиций.

В последнее время иностранный капитал увеличивает масштабы своего участия в модернизации белорусской экономики. Так, российская компания «Славнефть», владеющая порядка 42% акций Мозырского нефтеперерабатывающего завода, активно участвовала в его реконструкции, в результате чего значительно возросла глубина переработки нефти. Иностранные инвестиции и кредиты внесли весомый вклад в реконструкцию Белорусского металлургического завода (БМЗ), ряда электростанций, цементных заводов и других объектов различных отраслей экономики.

Вместе с тем огромные потенциальные возможности роста инвестиций (в том числе иностранных) в белорусскую экономику используются далеко не в полной мере. Активность инвесторов сдерживает доминирующее положе-

ние государственной собственности в экономике РБ: на долю госпредприятий приходится около 80% ВВП и основных производственных фондов. Негативное воздействие на инвестиционную деятельность оказывают различного рода административные барьеры, частое изменение законодательства, дороговизна кредитов, неравенство предприятий различных форм собственности и другие факторы.

В ближайшие годы руководство Белоруссии намечает значительно активизировать инвестиционную деятельность в рамках решения задачи формирования в республике «экономики трех И» (инвенции – новые знания, инновации и инвестиции). В 2015 г. инвестиции в основной капитал намечено увеличить в 1,9–1,97 раза по сравнению с 2010 г.[4]; при этом главным объектом инвестирования является внедрение новых и высоких технологий V–VI технологических укладов. Только для реализации «Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года» потребуется, по имеющимся оценкам, около 90 млрд долл. В качестве источников финансовых ресурсов для модернизации промышленности Минэкономики РБ рассматривает собственные средства предприятий (36,6%), иностранные инвестиции (34,4), банковские кредиты (24,5) и бюджетные средства (4,5%) [12]. Однако, по мнению ряда экономистов, изыскание необходимых для модернизации средств из этих источников проблематично ввиду низкой рентабельности большинства белорусских предприятий, осторожности иностранных компаний в отношении инвестирования в РБ, дороговизны кредитных ресурсов и нехватки средств у государства. Решение связанных с этим проблем требует, в свою очередь, внесения серьезных корректив в экономическую политику страны, о чем речь пойдет ниже.

Одним из важнейших условий модернизации экономики Белоруссии является наращивание научно-технического и инновационного потенциала и повышение эффективности его использования. В 2012 г. исследования и разработки (ИР) выполняли 530 организаций: научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, вузы, промышленные предприятия и др. В них были заняты 30 437 человек, в том числе 19 315 исследователей, 2202 техника и 8920 человек вспомогательного персонала [26, с. 413–414]. Инновационно активными были 22,8% промышленных предприятий, в том числе в машиностроении – 40,3%, в химическом производстве – 50,0, в металлургии – 28,9% [26, с. 418–419].

В последние 15 лет в РБ проводится интенсивная работа по сохранению и развитию научного, научно-технического и инновационного потенциала на основе программно-целевого подхода. Особенно успешным с точки зрения

4. http://www.clouds.info/rus/news/index.phtml/params/id/495431

инновационного развития был период 2006–2010 гг., когда было введено в эксплуатацию около 1 тыс. производств, оснащенных современным оборудованием. К ним относятся, в частности, завод бытовых стиральных машин, построенный ЗАО «Атлант» в Минске, производство бесшовных горячекатаных труб на Белорусском металлургическом заводе в Жлобине, новый энергоблок минской ТЭЦ-5. За этот период было внедрено свыше 700 высокотехнологичных инновационных проектов, на базе 100 из них созданы современные производства; в промышленности создано 37 новых видов машин и оборудования [4, с. 96].

Реализация Государственной программы инновационного развития позволит к концу 2015 г. увеличить удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции до 20–21%, долю инновационно активных организаций в промышленности в их общем количестве – до 40%. Внутренние затраты на научные исследования и разработки намечено довести до 2,5–2,9% ВВП [14].

Значительное внимание в Белоруссии уделяется формированию инновационной инфраструктуры, призванной обеспечивать разработку новых технологий и их внедрение в производство. В начале 2010-х годов действовало более 40 объектов инновационной инфраструктуры, включая «Парк высоких технологий» в Минске, 14 научно-технологических парков, шесть инновационных центров, 24 центра трансфера технологий и Белорусский инновационный фонд (БИФ) [4, с. 111].

Центральное место в формирующейся в Белоруссии научно-технологической и инновационной инфраструктуре занимает «Парк высоких технологий» (ПВТ), созданный в Минске в 2005 г. Это организационно-правовая структура, объединяющая организации и фирмы, работающие в области новых и высоких технологий; при этом парк специализируется прежде всего на разработке программного обеспечения, ориентированного на экспорт. Для резидентов ПВТ предусмотрены существенные льготы, стимулирующие инновационную деятельность в белорусской «силиконовой долине». В марте 2014 г. в ПВТ было зарегистрировано 140 компаний-резидентов, где работали 18 тыс. человек [1]. Экспорт программного обеспечения (ПО) только за 2013 г. возрос на 35% и достиг 446,7 млн долл. ПО из «Парка высоких технологий» получили компании из 57 стран.

ПВТ работает и на экономику самой Белоруссии. В 2013 г. резиденты парка выполнили около 9 тыс. проектов для отечественных заказчиков; выручка от белорусских предприятий и организаций составила в эквиваленте 72,5 млн долл. [17]. Благодаря прежде всего деятельности ПВТ Белоруссия вошла в число 30 ведущих стран в сфере офшорного программирования.

Следует вместе с тем отметить, что имеющийся в республике инновационный потенциал используется недостаточно; намеченные планы нередко

не выполняются по различным причинам. Например, внутренние затраты на научные исследования и разработки в 2012 г. составили 0,7% в ВВП, а доля инновационно активных организаций в промышленности в их общем количестве – 22,8%, что заметно ниже показателей намеченных к 2015 г. (2,5–2,9 и 40% соответственно). Есть серьезные сомнения в том, что к этому времени удастся наверстать отставание, учитывая сложную общеэкономическую ситуацию в стране. Несмотря на тенденцию к росту инновационной активности предприятий, их расходы на инновации по сравнению с показателями высокоразвитых стран незначительны. В 2012 г. в Белоруссии все производственные организации вместе взятые направили на инновации 77,9 млн евро, тогда как немецкий «Фольксваген» вложил в разработку передовых технологий 9,5 млрд евро, немецкий «Бош» и французская фармацевтическая компания «Санофи Авентис» – по 4,9 млрд евро [10]. По ориентировочным оценкам специалистов, только около 18% парка машин и оборудования в промышленности РБ отвечают мировому уровню; из них всего 4% заняты в технологических процессах, имеющих мировые стандарты [11, с. 32].

Ввиду объективно обусловленной ограниченности ресурсов Белоруссии как относительно небольшой страны с открытой экономикой[5], важную роль в модернизации (равно как и в решении многих других стоящих перед страной задач) играет привлечение ресурсов из-за рубежа. В настоящее время в силу ряда причин (в том числе наличия разного рода ограничений, о которых говорилось выше) иностранное участие в процессах модернизации явно не соответствует имеющимся возможностям и потребностям страны. Так, в общем объеме инвестиций в основной капитал доля средств иностранных инвесторов, включая кредиты иностранных банков, составила в 2013 г. 7,5% [21, с. 76].

Более ощутимо роль внешнего фактора модернизации проявляется через каналы внешней торговли. Машинотехническая продукция, необходимая для технического перевооружения важнейших отраслей экономики РБ, в возрастающих масштабах ввозится в страну из-за рубежа и занимает важное место в структуре импорта. Доля машин и оборудования (без учета транспортных средств) в его общем объеме составила в 2012 г. 15,44% [5, с. 184–185]. Значительную часть этого объема составляет импорт современного оборудования и комплектующих для технологического перевооружения и модернизации производства.

Руководство РБ ставит задачу обеспечить более полное и эффективное использование международного сотрудничества для решения задачи модер-

5. Внешнеторговая квота (отношение внешнеторгового оборота к ВВП) Белоруссии в 2013 г. составила около 112%.

низации экономики РБ и перехода к инновационной модели развития. В НСУР–2020, в частности, подчеркивается необходимость приоритетного развития форм международного сотрудничества, от которых зависит технико-экономический и технологический уровни экономики (промышленная кооперация, обмен технологиями, экспорт услуг, совместные НИОКР, лизинг оборудования и пр.).

Роль сотрудничества с Россией и евразийской интеграции в модернизации белорусской экономики

Особую роль в модернизации экономики Белоруссии и обеспечении ее перехода к инновационной модели развития призвано сыграть сотрудничество с Россией – стратегическим союзником и главным внешнеэкономическим партнером. Уже сейчас это сотрудничество вносит значительный вклад в решение указанных задач. Между российскими и белорусскими предприятиями установлены тесные кооперационные связи, обусловленные взаимодополняемостью структур экономик обеих стран. Важное значение имеет кооперация в отраслях машиностроения, производящих высокотехнологичную продукцию, где созданные в советский период предприятия изначально выступали как звенья единой технологической цепочки. Около 8 тыс. предприятий России связаны по кооперации с белорусскими партнерами; развивается сотрудничество научно-исследовательских организаций двух стран в инновационной деятельности и создании новых технологий.

Россия является главным импортером белорусской машинотехнической продукции: в 2012 г., например, на ее долю приходилось около 80% общего объема экспорта машин и оборудования из РБ.

Перспективной формой сотрудничества, вносящей заметный вклад в модернизацию экономик РФ и РБ, являются совместные экономические и научно-технические программы и проекты, финансируемые из бюджета Союзного государства.

Союзные экономические и научно-технические программы – это, как правило, программы по развитию высокотехнологичных наукоемких производств, определяющих перспективы современной экономики. В настоящее время российские и белорусские ученые и производственники выполняют около 40 совместных программ и проектов, реализация которых внесла заметный вклад в развитие соответствующих отраслей экономики, науки и техники обеих стран. Так, в рамках программ по развитию дизельного автомобилестроения, в которых участвовали около 20 ведущих предприятий автомобильной промышленности РФ и РБ, был налажен массовый выпуск

автомобильной техники, соответствующей международным требованиям по экологии, экономичности, безопасности и надежности Евро-2, Евро-3 и Евро-4.

Союзные программы «СКИФ» и «СКИФ-ГРИД» внесли значительный вклад в развитие компьютерной отрасли России и Белоруссии; в их рамках созданы суперкомпьютеры с широким спектром производительности. За период с 2002 по 2009 г. производительность суперкомпьютеров семейства «СКИФ» выросла с 0,423 до 60 трлн операций в секунду [23, с. 40]. В рамках указанных программ созданы и введены в эксплуатацию семь суперкомпьютерных систем и 23 программных комплекса для них, нашедших применение в различных отраслях экономики России и Белоруссии, а также в науке, образовании и медицине.

Реализованы три союзные космические программы: «Космос–БР» (Беларусь – Россия), «Космос – СГ» (Союзное государство) и «Космос – НТ» (новые технологии), в ходе их выполнения удалось, по мнению экспертов, на базе научно-технического потенциала двух стран выйти на создание конкурентоспособных космических средств.

Союзные программы являются инструментом, позволяющим, несмотря на ряд серьезных проблем в их реализации из-за различий национальных систем хозяйствования партнеров, динамично и эффективно развивать взаимное интеграционное сотрудничество.

Вместе с тем в последние годы Белоруссия во все большей мере получает инновационные импульсы и из третьих стран, причем по некоторым направлениям (импорт машин, оборудования и технологий) они опередили Россию. Если в 2000 г. на долю России приходилось 40,3% общего объема импорта машин и оборудования в РБ, то в 2012 г. – лишь 27,4%[6] (оставшиеся 72,6% составляла доля третьих стран, в основном ЕС). Странам дальнего зарубежья отдается предпочтение и в импорте технологий: в 2007 г. на их долю приходилось 73,8% выплат по импорту технологий в Белоруссию[7]. Таким образом, российский вектор политики Белоруссии, направленной на использование международного сотрудничества для модернизации экономики, дополняется «западным». Последний, однако, вряд ли станет определяющим (в том числе и по политическим причинам). Сотрудничество с Западом способствует в основном «адаптивной» модернизации белорусской экономики, основанной на освоении заимствованных нововведений, тогда как «креативная» модернизация, предполагающая создание и распространение собственных инноваций[8], тесно связана с научной и производственной кооперацией с Россией.

6. Рассчитано по: [4, с. 184–185].

7. Рассчитано по: [23, с. 245].

8. Подробнее об адаптивной и креативной модернизации см.: [2, с. 45].

Важную роль в модернизации белорусской экономики до последнего времени играло многостороннее сотрудничество в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). В деятельности ЕврАзЭС инновационная составляющая занимала заметное место. В ближайшие годы намечается приступить к проведению согласованной инновационной политики между странами-участницами. В ходе решения этой задачи предполагается совместно определить приоритетные направления развития науки и технологий, разработать межгосударственные целевые программы и начать их реализацию, а также разработать нормативно-правовую базу инновационного развития экономик стран ЕврАзЭС.

Белорусское руководство всегда придавало большое значение разработке межгосударственных проектов в рамках ЕврАзЭС в сфере науки и высоких технологий и являлось в последние годы их главным инициатором. Так, в 2011–2015 гг. реализуется инициированная белорусской стороной межгосударственная целевая программа «Инновационные биотехнологии», призванная способствовать координации взаимных связей стран-участниц в сфере разработки биотехнологий и производства биопродукции. Белоруссия принимает активное участие в деятельности созданного в 2009 г. Центра высоких технологий (ЦВТ) ЕврАзЭС, основная цель которого – содействие развитию научно-технической и инновационной деятельности в странах Сообщества и взаимного сотрудничества в этой сфере, включая разработку совместных проектов. Реализация совместных мероприятий в рамках ЕврАзЭС позволит Белоруссии использовать для модернизации своей экономики производственный и научный потенциалы не только России, но и других стран Сообщества (прежде всего бурно развивающегося в последнее время Казахстана).

Как известно, три экономически наиболее развитых страны ЕврАзЭС – Россия, Белоруссия и Казахстан – в 2010 г. создали в рамках Сообщества более «продвинутую» интеграционную группировку – Таможенный союз (ТС), а в 2012 г. – Единое экономическое пространство (ЕЭП). С 1 января 2015 г. вступил в действие Евразийский экономический союз (ЕАЭС) трех стран. Не останавливаясь подробно на целях, задачах и ожидаемых эффектах евразийской интеграции, уже достаточно обстоятельно проанализированных в экономической литературе и печати, отметим лишь его инновационную составляющую. По имеющимся оценкам, если бы Россия, Белоруссия и Казахстан соединили свои возможности и опыт в инновационно-технологической сфере, они могли бы создать мощнейшую ТНК, не имеющую аналогов в мире. Вместе они обладают 12 из 50 макротехнологий, определяющих облик нынешней техногенной цивилизации в сфере оптики, электроники, генной инженерии, машиностроения. Намечаемое создание единого научно-технологического пространства и общего рынка научно-технических разработок, по мнению специалистов, позволит снизить трансакционные издержки

и откроет новые возможности для технологического развития стран-участниц [4, с. 172].

Следует, однако, отметить, что пока новые евразийские интеграционные объединения недостаточно «нацелены» на экономическую модернизацию. Основное внимание в рамках «тройки» уделяется либерализации движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участницами, тогда как вопросы модернизации экономик этих стран фактически остаются вне поля зрения. Поэтому представляется важным усиление «модернизационной составляющей» в деятельности создаваемого ЕАЭС, которое позволило бы более эффективно использовать немалый потенциал взаимного сотрудничества для модернизации экономик России, Белоруссии и Казахстана.

Перспективы модернизации экономики Белоруссии

Обозначившиеся в последние годы тенденции экономического и научно-технического развития Белоруссии (и прежде всего набирающие силу процессы реконструкции и технического перевооружения экономики на новой технологической базе) дают, на наш взгляд, основания для вывода о том, что страна вступила в период масштабной модернизации. Пока что Белоруссия находится в начале этого периода. К сходным выводам приходят белорусские официальные лица и ученые.

Президент РБ А. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию в апреле 2013 г. заявил даже, что «…модернизация в стране началась давно. Я бы даже сказал, что мы вступаем в последнюю стадию модернизации» [15]. Хотя этот тезис представляется несколько спорным, учитывая сложную макроэкономическую ситуацию в стране и трудности, с которыми сталкивается модернизация, трудно отрицать несомненные успехи, достигнутые в модернизации экономики в последние годы.

Так или иначе быстро меняющаяся экономическая ситуация в Белоруссии и в мире требует новых подходов к модернизации экономики, постановки новых задач. В настоящее время разрабатывается «Стратегия развития Белоруссии до 2030 г.». Предполагается, что она будет одобрена правительством РБ и представлена общественности к концу 2014 г.

В первой части проекта «Стратегии» намечаются задачи на период до 2020 г. Приоритетом в этот период должно стать привлечение инвестиций, сотрудничество с ведущими мировыми производителями – особенно в рамках создаваемого белорусско-китайского индустриального парка, где начинается строительство индустриальной зоны для размещения крупных производственных мощностей зарубежных инвесторов. Намечается также провести модернизацию госуправления, избавив госорганы от несвойственных им в других странах задач хозяйственного управления.

Во второй части документа, охватывающей период до 2030 г., намечаются меры, направленные на создание новой экономики – экономики знаний. В этот период должен быть осуществлен переход на шестой, самый высокий технологический уклад. Все большее значение будут приобретать нано- и биотехнологии, космические технологии, атомная энергетика [8].

Ведущие экономисты РБ подчеркивают необходимость ускорения научно-технологического развития страны, видя в нем главный фактор модернизации экономики. Так, по мнению В. Шимова, «в качестве ключевой идеи должна быть заложена философия опережающего развития экономики страны на основе инновационного рывка. Традиционные базовые отрасли экономики также должны получить дальнейшее развитие посредством их вовлечения в реальные… инновационные процессы и взаимовыгодное транснациональное корпорирование» [29, с. 14].

Решение этих задач будет зависеть от многих факторов, среди которых важное место занимает характер политической и экономической системы Белоруссии.

Вопрос о роли существующей в Белоруссии с середины 1990-х годов политической системы, характеризующейся широчайшими полномочиями президента, который практически единолично решает основные вопросы государственной политики, и преобладанием авторитарных методов управления, в модернизации страны является остро дискуссионным и трактуется неоднозначно. С одной стороны, сильная авторитарная власть, обеспечивая концентрацию национальных ресурсов на приоритетных направлениях, дает мощный импульс процессам модернизации. Современная политическая и экономическая система Белоруссии такова, что только государство реально может быть главным субъектом модернизации: крупного частного бизнеса в РБ по существу нет и государству приходится брать на себя его функции в данной сфере. На наш взгляд, необходимые для модернизации крупномасштабные инвестиции в развитие высокотехнологичных наукоемких производств, требующих значительных затрат и в то же время не дающих быстрой отдачи, в принципе требуют активной роли государства (другое дело в каких формах эта роль проявляется) – для частного бизнеса такие инвестиции слишком рискованы[9]. На начальном этапе модернизации жесткая властная вертикаль и обеспечиваемое ею четкое выполнение всеми звеньями

9. Об этом говорит, в частности, опыт России и ряда других стран СНГ, где средства частных (в том числе иностранных) инвесторов вкладываются преимущественно в сырьевые отрасли, а также в пищевую и другие отрасли, где инвестиции дают быструю отдачу, тогда как высокотехнологичные производства страдают от острой нехватки ресурсов.

государственной машины принимаемых на высшем уровне решений вносит важный позитивный вклад в развитие этого процесса.

С другой стороны, по мере развертывания модернизации жесткие административные методы ее проведения неизбежно будут вступать в противоречие с логикой данного процесса, требующей расширения самостоятельности его участников. Доминирование в экономике государственной собственности и «зарегулированность» хозяйственной жизни могут серьезно затруднить создание конкурентной среды, необходимой для повышения эффективности модернизирующейся экономики. Низкий уровень экономической свободы в Белоруссии, сдерживающий приток в экономику частных (в том числе иностранных) инвестиций, ограничивает финансовые ресурсы модернизации, учитывая, что ресурсы государства и госпредприятий в ближайшие годы окажутся явно недостаточными для ее успешного проведения. Следует также отметить, что неприемлемость для Запада нынешнего политического режима в РБ может негативно сказаться на торгово-экономических связях республики с западными странами – в том числе на поставках в Белоруссию необходимых для модернизации ее экономики оборудования и комплектующих. Наконец, продвижение в направлении экономической и политической либерализации в Белоруссии важно для успешной интеграции с Россией в рамках Союзного государства, углубления интеграционных процессов в формируемом Евразийском экономическом союзе.

Таким образом, модернизация неизбежно потребует серьезных изменений в экономической (а в дальнейшем, очевидно, и в политической) системе республики – прежде всего ускорения рыночных преобразований, необходимых, в частности, для обеспечения мощного притока инвестиций. Здесь, однако, важно правильно определить «пределы» реформирования, не допуская перехода грани, за которой неоправданно быстрое и недостаточно подготовленное развитие рыночных отношений может нанести ущерб интересам государства и большинства населения. Чисто «либеральная» модель с отказом от активной регулирующей роли государства, на наш взгляд, едва ли приемлема для современной Белоруссии.

В целом, исходя из выявившихся в последнее время тенденций экономического развития Белоруссии, можно оценивать перспективы модернизации экономики республики с осторожным оптимизмом.

Литература

1. БелГазета // 2014, 17 марта.
2. Вардомский Л., Шурубович А. Факторы и модели модернизации экономик стран СНГ // Мир перемен. – М., 2011. – № 3. – С. 43–58.
3. Веселов Ю. Тотем из светлого прошлого // Белорусы и рынок. – 2013. – 28 января – 3 февраля.
4. Внешнеэкономический фактор в стратегии модернизации России и Беларуси. – Минск, 2012. – 288 с.
5. Внешняя торговля Республики Беларусь. 2013. Статистический сборник. – Минск, 2013.
6. 20 лет Содружеству Независимых Государств. 1991–2010. Статистический сборник. – М., 2011. – 516 с.
7. Зайченко Н. Проблемы структурной перестройки экономики Беларуси // Вестник Содружества. – М., 2003. – № 8. – С. 10–14.
8. Злотников Л. Скоропостижная модернизация // Белорусы и рынок. – 2013. – 12–18 августа.
9. Калиновская Т. Планы все выше // Белорусы и рынок. – 2014. – 15–21 сентября.
10. Легина П. Идем по разнарядке // Белорусы и рынок. – 2014. – 24–30 марта.
11. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Международная кооперация и инновации в странах СНГ. – СПб., 2011. – 352 с.
12. Маненок Т. Нужна модернизация не станков, а мозгов // Белорусы и рынок. – 2013. – 29 апреля – 1 мая.
13. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Минск, 2004. – 200 с.
14. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы // http:brizinfoby/current-news/on-thestate-program-of-innovation
15. Обновление страны – путь к успеху и процветанию. Послание Президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2013 г. // Советская Белоруссия. – 2013. – 20 апреля.
16. Пресс-релиз. Об иностранных инвестициях в 2013 году // http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/finvestment.php
17. Силибин К. Есть и внутренний спрос // Белорусы и рынок. – 2014. – 24–30 марта.
18. Советская Белоруссия // 2013, 10 декабря.
19. Содружество Независимых Государств в 2010 году (краткий справочник предварительных итогов). – М., 2011. – 429 с.
20. Содружество Независимых Государств в 2012 году. Статистический ежегодник. – М., 2013. – 604 с.
21. Содружество Независимых Государств в 2013 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). – М., 2014. – 366 с.
22. Соколова Г. Белорусская модель инновационного развития: Социально-экономические проблемы реализации // Общество и экономика. – М., 2007. – № 7. – С. 148–165.
23. Союзное государство. Развитие и перспективы. 2-е издание, дополненное и переработанное. – Минск, 2011. – 72 с.
24. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2006. – Минск, 2006. – 615 с.
25. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2008. – Минск, 2008. – 600 с.
26. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2013. – Минск, 2013. – 578 с.
27. Филиппенко И. Капитал на пороге // Экономика Беларуси. Итоги, тенденции, прогнозы. – Минск, 2012. – № 3. – С. 46–50.

28. Хейфец Б.А. Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект. – М., 2011. – 294 с.

29. Шимов В.Н. Развитие экономики Беларуси: Состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2014. – № 2. – С. 4–15.

30. Шимов В.Н., Крюков Л.М. Модернизация национальной экономики – императив времени // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2013. – № 2. – С. 18–39.

Т.В. Соколова

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИ ПРОСТРАНСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Соколова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Постсоветская эпоха кардинальным образом изменила социально-экономический и геополитический ландшафт Южного Кавказа. Весомую роль в «перекраивании» пространства региона сыграли как чисто экономические, так и социальные факторы, многократно усилившие мощный центробежный вектор развития составляющих его территориальных образований. Фиксируемые официальной статистикой высокие показатели безработицы, бедности, доходной и имущественной дифференциации населения выступают здесь на протяжении вот уже более чем двух десятилетий одними из основных факторов трансформации.

Эти факторы проявляют себя особенно заметно в условиях вооруженных конфликтов, усугубляя центробежные тенденции и обостряя межнациональные и межгосударственные отношения. По данным социологического исследования «Кавказский барометр»[1], в 2013 г. 90% респондентов в Азербайджане считали Армению страной, наиболее враждебной своему государству, а в Армении 66% опрошенных указывали, что таковой страной является Азербайджан. В Грузии для 44% населения основным врагом была Россия [39].

Показательно и то, что ни одна из стран региона не считает своих непосредственных соседей главными друзьями. Так, для подавляющей части населения Азербайджана (91%) – это Турция, для Грузии (42%) – США

1. «Кавказский барометр» – ежегодное исследование Кавказского Центра исследовательских ресурсов (CRRC), который является одной из программ Фонда «Партнерство Евразии». Опросы проводятся на регулярной основе в Армении, Азербайджане и Грузии (за исключением территорий, затронутых военными конфликтами). Результаты представительны для взрослого населения этих стран.

и другие страны. Армения (83%) ставит на первое место (и с большим отрывом) Россию [40].

Принципиальное отличие Южного Кавказа от других частей постсоветского пространства состоит в том, что он всегда «исторически существовал как регион с подвижными границами, различными государственными, этническими и конфессиональными идентичностями» [36, с. 183]. До сих пор тлеющие региональные конфликты на спорных территориях (Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия) ощутимо нарушают и без того хрупкий баланс социально-политического равновесия в Азербайджане, Армении и Грузии.

За истекшие 20 лет с момента начала конфликта напряжение вокруг Нагорного Карабаха перешло в состояние так называемой «стабильной нестабильности», но такая ситуация «ни мира, ни войны» всегда чревата обострениями и буквально разъедает общество изнутри [11, с. 80]. С одной стороны, опросы общественного мнения показывают, что наиболее вероятен сценарий мирного урегулирования конфликта в ближайшие пять лет. Так считает почти треть респондентов в Армении, Азербайджане и Грузии [41]. С другой стороны, армяне постепенно привыкают к тому, что они владеют этой землей и все менее склонны соглашаться с формулой «земля в обмен на мир», которая могла бы быть положена в основу мирного соглашения [11, с. 78]. К тому же и в Азербайджане высока доля (20%) тех, кто считает наиболее вероятным именно силовое решение вопроса по Нагорному Карабаху [42].

По мнению ряда экспертов, среди населения Азербайджана и Армении сложилась обстановка тотального взаимного неприятия и недоверия, выросло новое поколение, воспитанное в духе максимализма и отвергающее любые компромиссы[2] [37, с. 94, 99]. Так, 99% (!) азербайджанцев и почти 70% армян не хотят вести бизнес друг с другом [11, с. 80]. Однако вполне возможно, что именно смена поколений постепенно склонит чашу весов в сторону затухания конфликта, поскольку новая генерация армян, азербайджанцев и молодежь Нагорного Карабаха знакомы с ситуацией только по рассказам старшего поколения и из СМИ. Можно предположить, что политическая активность молодежи будет в возрастающей степени формироваться под воздействием социально-экономических проблем, связанных с безработицей, низким уровнем экономического развития и коррупционностью элит [38, с. 69–70].

Гораздо менее оптимистичны прогнозы в отношении формата разрешения конфликтов в Абхазии и Южной Осетии (с учетом признания Россией независимости этих территориальных образований и введения туда российских войск) [10]. По данным «Кавказского барометра», в 2013 г. более 70%

2. http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=562&kat=6&csl=65

респондентов в Грузии хотели, чтобы Абхазия вошла в состав Грузии, утратив автономию, 76% – ни при каких условиях не готовы были признать ее право на независимость, а 86% – категорически отвергали вариант вхождения Абхазии в состав России. В Армении такую точку зрения разделяли лишь 7% респондентов [43].

Ситуация усугубляется и тем, что современный уровень развития экономик спорных территорий не позволяет проводить активную политику в социальной сфере. Формы и методы организации социальной защиты, образования, науки, здравоохранения, культуры и спорта не отвечают здесь современным требованиям [5, с. 23]. Несмотря на то что абхазский бюджет имеет самостоятельные источники пополнения (в первую очередь, за счет курортного бизнеса), объем российской финансовой помощи здесь весьма значителен: в 2010–2012 гг. он составил почти 11 млрд руб. (более 300 млн долл. США). В итоге доля российских средств в бюджете Абхазии достигла 70%. Южная Осетия практически полностью (на 90%) зависит от финансовых поступлений из России. Их объем в 2008–2013 гг. составил около 34 млрд руб. (чуть более 1 млрд долл. США) [19].

В целом анализ постсоветских социальных реформ показывает, что именно в государствах Южного Кавказа они носили наиболее хаотичный характер. В регионе так и не удалось провести энергичные преобразования национальных хозяйственных механизмов с параллельной компенсацией населению издержек сложного трансформационного периода (например, с помощью специальных адаптационных программ для наиболее уязвимых категорий). ВВП на душу населения по паритету покупательной способности национальных валют резко снизился за первую «пятилетку» реформ из-за мощного экономического спада, продолжавшегося вплоть до середины 1990-х годов (табл. 1).

Таблица 1

ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПАРИТЕТУ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ (долл. США)

Страны	*1990*	*1995*	*2000*	*2005*	*2010*	*2012*	*2013*
Азербайджан	3433	1676	2407	4543	10 028	10 365*	11 044*
Армения	2120	1235	1929	3903	5117	5922*	6191*
Грузия	4103	1442	2234	3644	5020	5846	6145*
Россия	8008	6439	7673	11 799	15 550	17 386	17 884

* Оценочные данные.
Источник: [49; 50].

В регионе происходило стихийное развитие рыночных начал в здравоохранении и образовании, в сфере пенсионного обеспечения, предпринимались непоследовательные шаги по переходу к адресной социальной политике.

При этом, как правило, льготы для малообеспеченных категорий населения сокращались либо полностью ликвидировались. В начале нулевых годов только в Грузии задолженность государства по пенсиям и пособиям достигала 120 млн долл. [18, с. 180].

Наиболее глубокий экономический спад (по сравнению с другими государствами Южного Кавказа и СНГ в целом) затронул Армению и Грузию, где ВВП в первые два года постсоветского этапа развития сократился на 70–80%. К середине 90-х годов Армении удалось переломить ситуацию за счет внешних кредитов, радикального курса реформ, высоких налогов и ограничения и без того низких доходов населения, блокирования реального сектора экономики, сокращения социальной инфраструктуры и др. [16, с. 84; 26, с. 48–49].

В целом по региону в истекшем десятилетии крайне низкими и без явной положительной динамики были государственные социальные расходы и расходы на научные исследования и разработки. Напротив, устойчиво росли только госрасходы на оборону.

Основные социальные индикаторы по прошествии более чем 20 лет независимого развития продолжают сигнализировать о низком уровне и качестве жизни населения Южного Кавказа. В Армении доход ниже прожиточного минимума имеет почти треть (32%) населения, в Грузии – свыше 14%, в Азербайджане – 6%[3]. Однако по экспертным оценкам эти показатели во всех странах заметно выше официальных данных. В относительно стабильной и более благоприятной, чем в других странах региона, социальной ситуации находится Азербайджан, которому удалось сохранить положительные темпы прироста населения, сократить бедность, сдержать рост безработицы [33, с. 188]. Это связано главным образом с возможностью перераспределять доходы от экспорта нефти и газа. Однако, по некоторым оценкам, количество безработных в Азербайджане достигает 1 млн человек, что существенно превышает официальные показатели [4]. Армении за последнее десятилетие удалось добиться экономического роста, прежде всего за счет экспорта товаров и растущего внутреннего спроса в виде частного потребления, которое подкрепляется денежными переводами трудовых мигрантов из-за рубежа, прежде всего из России [12, с. 63].

3. После распада СССР проявились различные методологические инструментарии оценки уровня бедности в государствах СНГ, а критериальных стандартов для выявления социально-экономических групп населения, различающихся в зависимости от уровня доходов по качеству жизни, выработано не было. В настоящее время дифференциация доходов населения оценивается по традиционным для статистики коэффициентам (индексам): фондов и Джини, которые показывают степень социально-экономического неравенства по формальным децильным и другим группам населения [6].

У Грузии, напротив, гораздо более узкое поле для социального маневрирования. По реальным социально-экономическим показателям она является наиболее бедной из трех стран Южно-Кавказского региона и одной из самых бедных стран на постсоветском пространстве. За все время, прошедшее с момента объявления независимости, Грузии так и не удалось создать экономическую систему, которая смогла бы стать основой для стабильного экономического развития. Не оправдали ожидания населения и реформы, проведенные после «революции роз».

В итоге в Грузии сложилась модель потребительской экономики бедной страны, основанной на стимулировании потребления без должного развития реального сектора экономики. Суммарный объем частного и государственного потребления составляет, по некоторым оценкам, около 90% ВВП [26, с. 47, 51]. В разработанной правительством «Стратегии социально-экономического развития Грузии до 2020 года» обозначены ключевые задачи социального развития. В частности, намечено к 2020 г. снизить уровень безработицы с 16 до менее чем 12%, доля населения с уровнем потребления меньше чем 60% от среднего медианного уровня должна сократиться с 22,4 до 18%, коэффициент замещения пенсии планируется увеличить с 22 до 25%, а коэффициент неравенства доходов Джини снизить с 42,1 до 37%. Также поставлена задача увеличить в государственном бюджете долю расходов на здравоохранение с 2,4 до 7% [46, p. 15].

Практически сразу после распада СССР в Южно-Кавказском регионе остро встала проблема бедности интеллектуальной элиты – «новых бедных», квалификации и трудового опыта которых в любой цивилизованной стране было бы достаточно для получения хорошо оплачиваемой работы [9, с. 12]. Среди бедных – очень большая численность трудоспособного и занятого населения активной возрастной группы. Хронические очаги бедности сформировались в бюджетной сфере и в ряде стагнирующих отраслей промышленности. Таким образом, даже наличие работы на постсоветском пространстве во многих случаях не является источником прорыва за черту бедности. Отсутствие реального рынка труда в бюджетной сфере, особенно в депрессивных регионах (в первую очередь в малых городах, поселках и селах); запредельно низкий размер оплаты труда в бюджетной сфере – все эти факторы не позволяют многим работникам бюджетной сферы преодолеть барьер бедности, независимо от эффективности и качества их труда.

«Шлейф» колоссального разочарования населения региона в социальных итогах трансформации и ощущения социальной несправедливости присутствуют до сих пор, постоянно подпитываясь на протяжении всего периода реформ высокой доходной дифференциацией. Среди государств Южного Кавказа коэффициент неравенства доходов Джини наиболее высок в Грузии

(0,42), чуть менее заметно «отставание» в Армении и Азербайджане – 0,37 и 0,34 соответственно [24, с. 80; 46, с. 7; 48; 49].

Мощным стрессовым фактором для населения Южного Кавказа выступает безработица. Согласно данным социологического опроса «Кавказский барометр-2013» (в нем участвовали более 6 тыс. домашних хозяйств), 45% респондентов в Армении и 54% – в Грузии считают безработицу главной проблемой. Напротив, в Азербайджане, по мнению 38% опрошенных, самой большой проблемой являются неразрешенные территориальные конфликты в регионе. Среди наиболее острых проблем бедность занимает в Армении и Грузии второе место, а в Азербайджане – третье [44].

В 2012 г. общее число безработных в СНГ, определяемое по методологии Международной организации труда (МОТ) с учетом тех, кто ищет работу самостоятельно (без обращения в службу занятости), оценивалось Статкомитетом СНГ в 8,2 млн человек, или 6% численности экономически активного населения региона (в 2005 г. – 7%, в 2000 г. – 10, в 2011 г. – 6,8%). Пиковые значения были зафиксированы в Азербайджане в 2006 г. – 6,8%, в Армении – 32,3 в 2004 г. и 28,6 в 2008 г., в Грузии – 16,9% в 2009 г. [1].

В Армении на протяжении всех лет в среднем приблизительно один человек из четырех экономически активных был безработным [12, с. 63]. В Грузии из-за недостаточной развитости реального сектора экономики дольше всех (вплоть до 2012 г.) не удавалось переломить общий повышательный тренд безработицы (табл. 2). И сейчас ее уровень все равно предельно высок, причем реальные цифры безработицы, по некоторым оценкам, значительно выше. Согласно различным социологическим опросам населения, проводимым как местными, так и иностранными неправительственными организациями, 70% опрошенных считают себя безработными. Это связано с тем, что в течение последних лет от 50 до 57% рабочей силы практикует самозанятость, и доход от их трудовой деятельности настолько низок, что люди не воспринимают такую работу как занятость [26, с. 52–53]. В 2014 г. МВФ прогнозирует новую волну роста безработицы в Грузии – до 17,3% [7, с. 22].

Таблица 2

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ (ПО МЕТОДОЛОГИИ МОТ*), % ОТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Страны	*1991*	*1995*	*2000*	*2005*	*2010*	*2012*
Азербайджан	6	5,5	5,8	6,4	5,6	5,4
Армения	20	28,3	24,7	27,8	19,0	18,5
Грузия	12,4	14,3	10,8	13,8	16,3	15,0
Россия	12,1	9,4	10,6	7,1	7,3	5,5

* С учетом лиц, ищущих работу самостоятельно (без официальной регистрации в службах занятости).

Источник: [48].

Наметившийся в 2010–2011 гг. рост численности нашедших работу, а также появление дополнительных свободных рабочих мест привели к некоторому ослаблению напряженности на рынке труда, но не изменили ситуацию кардинально.

За годы реформ в рассматриваемом регионе произошло существенное сокращение спроса на рабочую силу в государственном секторе экономики, перемещение значительной ее доли в частный сектор и сферу неформальной деятельности, глубокая дифференциация в оплате труда, рост безработицы и трудовой миграции. Численность работающих в негосударственном секторе экономики за 20 лет выросла в Азербайджане и Армении почти в 3 раза (в 2,9 и 2,7 раза соответственно) [1]. Значительная часть работающих сосредоточена на крупных и средних предприятиях (например, в Армении – 26–40%) [2].

Как это ни парадоксально, но высшее образование перестало являться надежной гарантией трудоустройства. В начале 2013 г. в Азербайджане выпускники различных учебных заведений составляли 12% общего числа зарегистрированных безработных (для сравнения в других странах СНГ– 2–5%). По данным обследований рабочей силы, в Армении в 2012 г. доля безработных с высшим образованием достигала почти 27% общей численности безработных, в Азербайджане – 16–17%. При этом за последнее десятилетие доля безработных с высшим образованием значительно увеличилась. В то же время среди безработных высока доля лиц со средним (полным) общим образованием: в Грузии и Азербайджане – более половины всех безработных (55,4 и 52% соответственно), в Армении – чуть более трети (39%).

Аналогичная ситуация сложилась и на спорных территориях. Так, в Южной Осетии около трети учащихся, оканчивающих школу, не знают, что они будут делать дальше, что свидетельствует об отсутствии у них реальных возможностей для профессионального выбора. Большинство молодых людей считают, что их материальное положение будет мало зависеть от результатов труда, уровня образования и квалификации. Специальные исследования ценностных ориентаций молодежи Южной Осетии показали, что успешная профессиональная деятельность является значимой для подавляющего большинства молодых людей (82%). Оценивая свои личные перспективы в будущей профессиональной деятельности, 54,4% респондентов высказали уверенность в том, что она сложится успешно. Однако почти каждый шестой (15,6%) считает иначе: 62% опрошенных сомневаются в успешности своей будущей профессиональной деятельности. Показательно, что наименее престижными для молодежи сферами деятельности до сих пор являются наука, образование, промышленное производство и сельское хозяйство [3, с. 6–7]. В Южной Осетии, как справедливо отмечают эксперты, «…ощутимый удар нанесен трудовым традициям, унаследованным от предков, …двадцатилетняя война

и нестабильность буквально сгубили молодежь: одна часть ее погибла, другая отвыкла от физического труда и, одевшись в камуфляжную форму, служит в непроизводственной сфере. Третья часть покинула родину и вряд ли еще думает возвращаться» [35, с. 316–317].

Серьезной проблемой для Южного Кавказа остается и отток весомой части экономически активного населения в так называемую ненаблюдаемую экономику[4]. Ее доля в производстве ВВП варьировала в конце 2000-х годов от 7,8% в Азербайджане до 26,3% в Армении. Для сравнения: в России этот показатель составлял 17% [22, с. 297].

Наряду с высокими уровнями доходной дифференциации и безработицы весомый вклад в прессинг общего психологического дискомфорта в Южно-Кавказском регионе вносит отсутствие полноценного гражданского общества, институты которого могли бы способствовать более справедливому распределению результатов экономического роста [25, с. 107], а также росту численности среднего класса. По данным специальных исследований, доля среднего класса в государствах Южного Кавказа крайне незначительна: в Армении и Грузии – 3–4%, Азербайджане – около 15% [17, с. 41]. Отсутствие многочисленного среднего класса подтверждается и данными специальных опросов домашних хозяйств на предмет их платежеспособного спроса на товары и услуги. Согласно исследованию «Кавказский барометр», в 2013 г. от 20 до свыше 30% домохозяйств Южного Кавказа заявили, что им не хватает денег даже на еду, только треть домохозяйств имеют достаточно средств для покупки всех товаров повседневного спроса, а приобретение товаров длительного спроса могут позволить себе от 5% (в Армении) до максимум 11% домохозяйств (в Азербайджане) [45].

Накопившиеся за 20 лет социальные издержки реформ превысили запас как материальной, так и эмоциональной прочности имевшегося в регионе «старого» среднего класса и не позволили упрочить свои позиции «новому». В целом жители Южного Кавказа крайне не удовлетворены своей жизнью и качеством социально значимых услуг (табл. 3).

4. В состав ненаблюдаемой экономики, согласно «Руководству по измерению ненаблюдаемой экономики (ОЭСР, 2002 год)», включаются: теневое производство, незаконное производство, производство в неформальном секторе, производство продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования, производство, не учитываемое вследствие недостатков в программе регулярного статистического наблюдения.

Таблица 3

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И КАЧЕСТВОМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УСЛУГ

Страны	*Общая удовлетворенность жизнью (полностью неудовлетворены 0, полностью удовлетворены 10) 2007–2011**	*Удовлетворенность свободой выбора, % удовлетворенных 2007–2011**	*Удовлетворенность работой 2011*	*Доверие к правительству страны (% ответивших «да») 2007–2011**	*Удовлетворенность качеством образования (% удовлетворенных) 2011*	*Удовлетворенность качеством медицинской помощи (% удовлетворенных) 2007–2009**
Азербайджан	4,7	49,0	57,8	74,0	53,0	53,0
Армения	4,4	41,0	45,4	34,0	45,7	61,0
Грузия	4,2	58,0	55,0	66,0	65,7	61,0

* Цифры относятся к последнему году указанного периода, по которому имеются данные.
Источник: [13, с. 166–167, 170–171, 174–175].

В ходе структурной перестройки рынка труда высококвалифицированные и вполне конкурентоспособные, согласно мировым меркам, кадры были буквально вытолкнуты за его пределы, втянуты в воронку безработицы и, как следствие, реальной бедности. Потенциал квалифицированных исполнителей и квалифицированных менеджеров, креативных кадров, по сути, исчерпан, что сильно затрудняет процессы модернизации экономики [8, с. 7]. Если в развитых странах вклад «креативных отраслей» (построенных на творческом труде) в экономику составляет, по разным методикам расчета, от 25 до 35%, то ситуация в государствах Южного Кавказа не дает поводов для оптимизма. Сохраняется устойчивая тенденция падения престижа интеллектуального труда, до сих пор он остается одним из самых низкооплачиваемых.

Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки (НИР), и численность персонала научно-исследовательских организаций в Армении сократилась [21]. В итоге значительная часть специалистов с высокой профессионально-образовательной подготовкой, в частности с высшим образованием (по сути, потенциальный средний класс), работают не по специальности или вынуждены работать за пределами родной страны, зачастую занимаясь неквалифицированными видами труда. Одна из основных причин – низкий уровень средней зарплаты в регионе (табл. 4).

Несмотря на отсутствие резких различий в уровнях средней заработной платы во всех странах Южного Кавказа, социальное напряжение более выражено в Армении и Грузии, где уровень бедности сохраняется более высоким (по сравнению с Азербайджаном). В целом уровень жизни соответственно декларированным странами Южного Кавказа показателям примерно одинаков и невысок во всех трех государствах.

Таблица 4

СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ НАЧИСЛЕННАЯ НОМИНАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА (ПО ДАННЫМ ГОДОВОЙ И ТЕКУЩЕЙ ОТЧЕТНОСТИ), в долл. США

Страны	*2005*	*2010*	*2013 (сентябрь)*
Азербайджан	131	413	529
Армения	114	275	356
Грузия[1]	114	334	428[2]

[1] Расчеты автора на основе данных National Statistics Office of Georgia (Национального статистического ведомства Грузии): (http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=317&lang=eng; http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=149&lang=eng; http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=317&lang=eng).

[2] 2012 г.

Источник: [34; 47].

Для стран региона характерна высокая эмиграция трудоспособного населения. Одно из первых мест в мире в этом процессе занимает Грузия, экспортируя свой самый ценный капитал – человеческий. Практически 20% населения находится на заработках за пределами страны [7, с. 22].

Кроме того, как справедливо отмечают эксперты, «…в эпоху глубокого кризиса нет ничего важнее социального тонуса, высота которого зависит не столько от поведения так называемого политического класса.., сколько от сознательных массовых усилий населения» [14, с. 10]. К сожалению, в условиях нарастающей на протяжении последних двух десятилетий разобщенности общества в странах Южного Кавказа не приходится ожидать прорыва в этом направлении. Накопленный ранее в регионе человеческий (знания и навыки) и социальный капитал (отношения между людьми), оставаясь длительное время невостребованным, постепенно размывается и утрачивается. Происходит серьезная трансформация менталитета населения, что на фоне резкого падения кредита доверия к проводимым реформам не позволяет государствам Южного Кавказа преодолеть барьер трансформационного спада и «преобразовать ресурсы, находящиеся в их распоряжении, в устойчивое благосостояние» [30, с. 33].

В итоге за вот уже почти четверть века постсоветского развития государствам Южного Кавказа так и не удалось сформировать прочную основу социально-экономической системы. Судьба экономических и социальных реформ в регионе по своей сути схожа с судьбой реформ и в других постсоветских государствах, где они сводились либо к попыткам фрагментарных и непоследовательных преобразований в отдельных сферах, либо к спонтанным реакциям на негативные последствия, которые возникали в результате все тех же до конца не продуманных рыночных реформ [20]. Приходится признать, что вместо «…формирования основ гражданского общества и социальной модернизации, на постсоветском Кавказе произошел невиданный всплеск этниче-

ского национализма и политической архаики» [27], который обостряет социальные процессы в регионе, препятствует консолидации общества и вызывает миграционный отток населения.

Литература

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств // Вопросы статистики. – М., 2012. – № 1.
2. Аналитическая записка о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств – участников Содружества Независимых Государств в I квартале 2011 г. (http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18902).
3. Атаян А.М. Характеристика ценностно-ориентационной системы молодежи Республики Южная Осетия // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). – М., 2011. – № 6.
4. Бараташвили Е., Баидошвили Д. Экономическая интеграция Грузии на Южном Кавказе // Информационно-аналитический портал «Кавказ Online». – 2011. – 31 января (http://kavkasia.net/Georgia/article/1296532063.php).
5. Барганджия Г.Ю. Экономическое состояние и ресурсный потенциал Республики Абхазия // Вестник НГИЭИ: Серия Экономические науки. – Нижний Новгород, 2013. – № 7 (26).
6. Бобков В.Н., Алиев У.Т., Куница С.М., Черенько Л.Н., Шевченко С.В. Неравенство в распределении доходов и уровня бедности населения: Межстрановые сопоставления // Вопросы статистики. – М., 2011. – № 6.
7. Бочарников И.В. Реализуется ли грузинская мечта? // Постсоветский материк. – М., 2014. – № 2.
8. Вардомский Л., Шурубович А. Модернизация экономики в странах СНГ: Типы, ресурсы, инструменты // Экономическое обозрение. – М., 2008. – № 1.
9. Глазьев С.Ю. Очередной «клон» правительственных рыночных фундаменталистов // Российский экономический журнал. – М., 2005. – № 2.
10. Григорян С. Новые вызовы, стоящие перед странами Южного Кавказа: Возможные инициативы для решения региональных конфликтов // Русский вопрос (интернет-журнал). – 2014. – № 1. (http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=555&kat=5&csl=65).
11. Де Ваал Т. Азербайджан – что впереди? // Pro et Contra. – М., 2013. – № 6 (61), ноябрь-декабрь.
12. Демиденко М.В. Интеграция Армении в ТС и ЕЭП: Исходная позиция и существенные условия // Евразийская экономическая интеграция. – Санкт-Петербург, 2013. – № 4 (21).
13. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: Человеческий прогресс в многообразном мире. – М.: Весь мир, – 2013. – 216 с.
14. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности: Синергетический подход. – М., ЛЕНАНД. – 2011. – 192 с.
15. Информация о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств – участников СНГ в 2010 г. (http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18858).
16. Кошечкина Е.А. Региональная политика Армении // Theoretical & Applied Science. – Тараз (Казахстан), 2013. – 30 сентября.
17. Кризис доверия обостряет экономические проблемы России / Доклад об экономике России. Всемирный банк. – 2014. – № 31, март. – 53 с.
18. Леков Р. Формирование новой Грузии: Результаты реформ // Власть. – М., 2013. – № 9.

19. Маркедонов С. Южный Кавказ: Итоги 2013 года // Информационный сайт политических комментариев «Политком.RU» (http://www.politcom.ru/16977.html).

20. Независимый информационно-аналитический ресурс «Диалог.UA» (http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page66.html).

21. О научно-исследовательской деятельности и кадрах науки в странах Содружества / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 11.

22. Об оценках ненаблюдаемой экономики в странах СНГ. Материалы Статкомитета СНГ // Общество и экономика. – М., 2010. – № 3–4.

23. Образование в странах Содружества / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 7.

24. Основные социально-экономические индикаторы бедности в странах Содружества Независимых Государств / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 5.

25. Павленко Ю.Г. Современное гражданское общество // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 10.

26. Папава В. Экономика Грузии: В поиске модели развития // Мир перемен. – М., 2013. – № 3.

27. Постсоветский Южный Кавказ: Традиционализм плюс модернизация / Исследовательский центр Charta Caucasica. 2007, 9 августа (http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1194).

28. Проблемы оплаты труда в странах СНГ и позиция профсоюзов этих стран // Общество и экономика. – М., 2008. – № 5.

29. Рынок труда в странах Содружества в 2012 году / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 10.

30. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала. – М., Институт экономики РАН. – 2009. – 50 с.

31. Содружество Независимых Государств: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2013.

32. Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в 2008 году // Общество и экономика. – М., 2009. – № 3.

33. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги 20-летия / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – М., ИЭ РАН – 2012. – 400 с.

34. Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 7.

35. Чибиров Л.А. Этническая культура осетин: Традиции и инновации // Инновационная стратегия Республики Южная Осетия: Экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты: Труды международной научной конференции (Цхинвал-Владикавказ, 14–17 октября 2010 г.). – Владикавказ, 2010.

36. Южный Кавказ: Тенденции и проблемы развития (1992–2008 гг.) / Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. – М.: Красная звезда. – 2008. – 392 с.

37. Язькова А. Нагорный Карабах: Будет ли найден выход из тупика? // Мир перемен. – М., 2011. – № 2.

38. Ян Э. Возможности компромисса в нагорно-карабахском конфликте // Мир перемен. – М., 2010. – № 4.

39. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINENEM/).

40. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINFRN).

41. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/NK4_1/).

42. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/NK4_2/).

43. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_1/, http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_4/, http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_5/).

44. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/IMPISS1/).

45. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/ECONSTN/).

46. Georgia: Adjusting in the Face of Uncertainty / Georgia Economic Report No. 5. The World Bank. – Washington, DC, 2014. – Spring. – 32 p.

47. National Statistics Office of Georgia, 2012 (http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=149&lang=eng).

48. The World Bank (Data Sets) (http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI; http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC; http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS/countries; http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TERT.ZS; http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.SECO.ZS; http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.PRIM.ZS).

49. База данных TransMonEE 2011, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/СНГ (www.transmonee.org).

50. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2014. – April (http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Э.Я. Шейнин

ДЕЛОВАЯ СРЕДА И ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Шейнин Эдуард Яковлевич – кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Экономический рост: Факторы динамики

Прогнозируя перспективы развития российской экономики, оценивая факторы, влияющие на ее динамику, эксперты дискутируют относительно степени влияния западных санкций. Независимые экономисты предупреждают, что «даже первоначальный уровень санкций не может не оказать негативного воздействия на российскую экономику, которая и без того находится нынче, пожалуй, в худшем за последние годы состоянии. Первое, что уже произошло, это общее снижение доверия к России и тесно связанное с этим бегство капитала и ухудшение инвестиционного климата, который и до этого был далек от идеального» [21, с. 3]. Группа авторов считает, что «нестабильность на Украине повлияет на траекторию роста России». Но те же авторы справедливо подчеркивают, что «помимо внешней обстановки на российскую экономику и перспективы будущего экономического роста, особенно сильно давят собственные конкретные экономические проблемы России (включая ее энергетическую зависимость)» [11, с. 6–7].

Конечно, нельзя отрицать негативное влияние экономических санкций Запада на характер динамики объема ВВП. Снижение рейтингов российских компаний означает, что они сталкиваются с дополнительными трудностями доступа на международные финансовые рынки. Их негативное воздействие на развитие экономики связано с проводимой экономической политикой.

Санкции введены в 2014 г., а рост экономики стал замедляться значительно раньше. Темп роста ВВП снизился с 6,4% в 2005 г. до 4,5% в 2010 г. и до 1,3% в 2013 г. Долгое время доходы от экспорта нефти наряду с потребительским спросом были основной движущей силой роста. Однако с 2005 по 2013 г. доля чистого экспорта сократилась с 13,7 до 5,9%. Рост ВВП во все

большей мере стал определяться внутренним потреблением. Превалировал потребительский уклон в развитии российской экономики: доля расходов на конечное потребление составляет 71,5% ВВП, валового накопления в основной капитал – 21,5%. В 2013 г. наметилось сокращение потребительского спроса. Сыграли свою роль сдерживание роста реальных доходов населения (5,9% в 2010 г. и 3,3% в 2013 г.), замедление розничного кредитования (в 2012 г. рост составил 40,3%, в 2013 г. – только 28%)[1]. Под влиянием падения спроса, снижения импорта сократились темпы роста розничной торговли.

Влияние же инвестиций на динамику ВВП неоднозначно. С одной стороны, в течение 2005–2013 гг. среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал (3,3%) опережали тот же показатель для ВВП (2,2%). Сравнение этих показателей, казалось бы, дает основание утверждать о существенном положительном влиянии инвестиций на экономический рост в отмеченный период. Но это не совсем так. Сказывается низкая эффективность инвестиционных вложений в основной капитал. Так, среднегодовой индекс роста производительности труда в экономике в течение 2005–2012 гг. равнялся 103%, ВВП – 103,2, инвестиций в основной капитал – 106,7%. Причем в течение всего периода темп роста производительности труда отставал от темпа роста ВВП и инвестиций в основной капитал. Среднегодовые индексы инвестиций в машиностроение составили: производство машин и оборудования – 107,8%, электро-, электронного и оптического оборудования – 116,2%. Реальный же их выпуск существенно отстает от темпов роста инвестиций в их производство. Преобладающая часть инвестиций (около 60%) направляется в строительство и приобретение зданий и сооружений. И только примерно 35% финансовых средств расходуется на модернизацию, реконструкцию и приобретение новых машин, оборудования и транспортных средств (из них на приобретение новых видов оборудования чуть больше 50%). В результате не удалось добиться масштабного обновления основных фондов предприятий, снижения коэффициента износа машин и оборудования. Коэффициент обновления основных средств продолжает снижаться, значительная их часть эксплуатируется за пределами экономически оправданных сроков службы. Доля полностью изношенных основных фондов в экономике не уменьшается (14%), в обрабатывающей промышленности – 13,5%. Выше только в добыче полезных ископаемых (20%) и в оптовой и розничной торговле (18,8%)[2]. ВВП в течение последних двух лет растет, скорее всего, за счет увеличения загрузки действующих мощностей и увеличения занятости в ряде отраслей экономики. На такой технической основе трудно ожидать увеличения производства, прежде всего в промышленности.

1. www.gks.ru
2. Там же.

Сложившаяся отраслевая структура инвестиций адекватна сохраняющейся энергосырьевой модели экономики России. В капиталовложениях приоритетными остаются нефтяная и газовая промышленность, металлургия, производство нефтепродуктов. Правда, в последние годы несколько повысилась доля пищевой промышленности и сельского хозяйства. Машиностроение по-прежнему не стало привлекательным для инвесторов. Сформировалась значительная зависимость потребительского и инвестиционного спроса от импорта. По справедливому замечанию академика Е. Примакова, «мы попали в зависимость не только от притока иностранного капитала, но и от импорта потребительских товаров, машин и оборудования. Результат предкризисной экономической политики сказался в том, что нового машинного оборудования у нас производится в 80 раз меньше, чем в Японии, в 30 раз меньше, чем в Китае» [20, с. 6].

По данным ФТС, российские производители уступили иностранным поставщикам: 50% внутреннего рынка машиностроительной продукции, в том числе 65% рынка электронной техники, около 44% автомобильного рынка. По имеющимся расчетам, импортируется 20% продукции обработки, необходимой для отечественной промышленности, в том числе более 30% высокотехнологичной химической продукции и порядка 43% продукции машиностроения, 89% станков. Высокая зависимость производств от машиностроительного импорта – запасных частей, комплектующих – во многом связана с накоплением импортной составляющей в составе активной части основного капитала, что сформировало устойчивую «технологическую привязку» к иностранному поставщику. Определенную роль играет также развитие сборочных производств в машиностроении на импортных комплектующих деталях. В общем объеме потребления на импорт приходится примерно 40% химической продукции, в том числе более 70% рынка фармацевтической продукции, более 60% продукции легкой промышленности, почти 30% готовых металлических изделий, включая товары бытового назначения, 17% рынка пищевой продукции (без товаров, относимых к категории сельскохозяйственное сырье) [28, с. 22; 30, с. 5].

Собственники компаний не видят выгодных перспектив в организации производства многих видов оборудования и отдают предпочтение закупкам зарубежных вариантов техники. Хотя опыт изготовления различных видов оборудования (станков, иной машиностроительной продукции) был накоплен в стране в течение многих десятилетий. Отрицательные последствия такой политики сказываются теперь в связи с наметившимся сокращением импорта инвестиционных товаров, включая оборудование и машины.

Инвестиционные проблемы и перспективы

Из уст президента и руководителей экономического блока правительства звучат оптимистичные заявления о том, что западные санкции – благо для российской экономики, поскольку-де для отечественных предприятий создается благоприятная конкурентная среда. У них якобы появляется возможность заполнить ниши, которые могут освободиться в результате санкций и российских антисанкций. Но смогут ли российские производители этим шансом воспользоваться с выгодой для себя без увеличения инвестиций, повышения эффективности их использования? Располагает ли основная масса российских предприятий возможностями наращивать инвестиционную деятельность в современной внутренней экономической и внешней геополитической ситуации? Пока инвестиции продолжают падать. Да и прогноз на следующие три года не вселяет оптимизма. Минэкономразвития ожидает рост инвестиций в 2015 г. на 1,5%, в 2016 г. – на 1,6, в 2017 г. – на 2,9%. Выступая на заседании Госсовета 18 сентября, Президент страны В. Путин заявил о необходимости за предстоящие полтора-два года «сделать рывок в повышении конкурентоспособности реального сектора» [23, с. 1]. За счет каких источников можно в течение столь короткого времени сделать этот рывок?

В стране установился дефицит инвестиционных ресурсов. В инвестиции трансформируется примерно 70% сбережений. Но из них преобладающая часть идет не в реальный сектор экономики, а представляет собой вложения инвесторов в финансовые активы (примерно в 8–10 раз больше) с целью быстрого получения прибыли. Почти треть (30%) сбережений уходит из экономики, в значительной мере за рубеж[3]. По данным ЦБ РФ, чистый отток частного капитала составил в 2013 г. 62,7 млрд долл. (1,6% ВВП) [12, с. 180; 13, с. 1; 18, с. 4; 1]. В 2014 г. отток капитала, по предварительным данным специалистов Банка России, составил 90 млрд долл., независимых экспертов – 100–130 млрд долл. [17, с. 8].

Доля валовых сбережений в ВВП (26,7%) оставалась выше доли инвестиций в основной капитал (20% ВВП). Такая норма инвестирования не может считаться гарантией динамичности и повышения качества экономического роста, решения многообразных проблем российской экономики, остро нуждающейся в обновлении инфраструктуры и во вложениях в новые технологии. По мнению специалистов, для обеспечения роста ВВП на уровне 5% ежегодно темпы роста инвестиций должны быть не ниже 7% в год, а норма инвестиций в основной капитал – 23–30% ВВП [5, с. 6; 3, с. 5].

3. www.gks.ru

Проанализируем финансовые условия инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов. Инвестиции финансируются за счет собственных и привлеченных финансовых ресурсов. В течение многих лет на собственные средства предприятий (прибыль, другие виды доходов предприятий, амортизационные фонды) приходится примерно 45% всех источников финансирования инвестиций. Причем этот показатель растет. Соответственно, растет значение прибыли и амортизации как основных источников финансирования инвестиций в основной капитал.

По данным Росстата, с 2007 по 2012 г. удельный вес прибыльных организаций (без субъектов малого предпринимательства) снизился с 74,5 до 70,9%, соответственно. Убыточными стали почти 1/3 российских предприятий. В 2013 г. упала прибыль предприятий практически во всех отраслях обрабатывающей промышленности [24, с. 1], а в целом по обрабатывающей промышленности – на 20%. Почти 40% прибыли от продаж в 2013 г. предприятия обрабатывающей промышленности направляли на выплату процентов по кредитам (в 2007 г. – 13–15%) [16, с. 4]. В 2013 г. промышленное производство увеличилось на 0,4%[4].

Как свидетельствует статистика, начиная с 2004 г. налицо снижение доли амортизационных фондов в общей сумме средств, инвестируемых в экономику. Не в последнюю очередь эта тенденция вызвана высокой степенью износа основных средств, низкими коэффициентами их обновления (особенно машин и оборудования) и выбытия основного капитала.

Руководители подавляющей части малых и средних предприятий России к числу важнейших для них проблем относят трудности с привлечением источников финансирования. Затрудненный доступ предприятий к источникам финансирования экспертами Всемирного экономического форума был назван в качестве причины, осложняющей ведение бизнеса в России [22, с. 26]. В странах с развитым финансовым рынком – это один из важных источников привлечения средств для финансирования деловой активности хозяйствующих субъектов. В России на долю средств, привлекаемых с финансового рынка, приходится примерно 16% от общего объема инвестирования.

Положение банковской системы в финансовой структуре страны определяется той ролью, которую она должна играть в мобилизации денежных средств для долгосрочного инвестирования. Реально же на долю банковских кредитов приходится в среднем 8,4% всех источников финансирования. Ожидается дальнейшее торможение кредитования реального сектора экономики. По оценкам главы Банка России, кредитование реального сектора экономики в 2015 г. составит примерно 11%, что существенно меньше, чем

4. www.gks.ru

ожидается по итогам 2014 г. (согласно ранее опубликованным прогнозам Банка России – 15–17%) [31, с. 9].

Это связано с рядом причин.

Во-первых, с конца 2013 г. в банковском секторе России наблюдается дефицит ликвидности. На 1 января 2014 г. отношение банковских активов к ВВП России составило 86,0%, что гораздо ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. Собственный капитал банковского сектора на ту же дату – 10,6% к ВВП и 12,3% к активам. Среди действующих кредитных организаций преобладают банки с уставным капиталом свыше 150 млн руб. (74,4%). С 1 января 2012 г. для действующих банков он увеличен до 180 млн руб. и до 300 млн руб. – с 2015 г.[5]

Реальными источниками пополнения ресурсной базы для отечественных кредитных организаций остаются собственный капитал банков и привлеченные средства. В качестве источника пополнения кредитных ресурсов банков выступают вклады физических лиц (примерно 29% к пассивам банковского сектора) и корпоративного сектора (примерно 32%), выпуск ценных бумаг.

Во-вторых, банковская система страны располагает преимущественно «короткими» деньгами. А для финансирования инвестиционных ссуд нужны долгосрочные источники фондирования. Возможность их привлечения весьма проблематична. Вклады населения в большинстве случаев рассчитаны на период до одного года (реже, до трех лет), и они аккумулируются преимущественно в крупных банках с государственным участием. Преимущество корпоративных депозитов перед вкладами физических лиц заключается в невозможности забрать их раньше контрактного срока. Но возможностью за счет этих источников повышать ликвидность располагают преимущественно банки с государственным участием. К ним доверие и у населения, и у корпоративного сектора существенно выше, чем у остальной части банков. Кроме того, пассивы так называемых государственных банков пополняются за счет размещения в них средств казначейств. Дефицит «длинных» денег в банковской системе (преимущественно в частных банках) мешает ей финансировать инвестиции, активно содействовать инвестиционному экономическому росту.

Клиентских денег явно недостаточно. В связи с этим в последнее время среди источников формирования пассивов банков повышается роль Банка России. Доля его средств в пассивах кредитных организаций выросла с 4,8% в 2010 г. до 9% на 1 августа 2014 г. Основной канал рефинансирования банков Банком России – операции РЕПО и кредиты под активы и поручительства. Общая задолженность банков перед ЦБ РФ на 1 августа 2014 г. составила 5,6 трлн руб.[6] Такая задолженность создает риск кредитования, но не для

5. www.cbr.ru
6. Там же.

банков, а для ЦБ РФ. Но ЦБ предоставляет только «короткие» деньги. В конце апреля 2014 г. ЦБ определил параметры предоставления банкам долгосрочных кредитов под инвестиционные проекты. Такие кредиты будут выдаваться банкам на срок до трех лет по ставке – ключевая ставка минус 1,5 процентного пункта. Сейчас это 6,5% годовых. Максимальный размер эффективной ставки для конечного заемщика не должен превышать уровень ключевой ставки на 1 процентный пункт (сейчас 9%). Для участия в этой программе собственных средств у банка должно быть не менее 100 млрд руб. Просроченная задолженность за последний год не должна превышать 15%, а достаточность капитала должна чуть превышать установленный минимум на 10%. У банка-соискателя должно быть не менее 10 инвестиционных кредитов на 3 млрд руб., соответствующее подразделение и квалифицированные сотрудники. Размер кредита для заемщика составляет от 1 млрд до 20 млрд руб. [8, с. 10]. Подобное решение совета директоров Банка России распространяется, очевидно, на крупнейшие банки. Трехлетний кредит не решает проблему пополнения пассивов «длинными» деньгами. Кроме того, содержащаяся в решении избирательность банков существенно ограничивает конкурентную среду на рынке банковских услуг. Крупные российские банки и корпорации до введения санкций могли решать проблему получения «длинных денег» посредством получения необходимых ссуд у зарубежных кредиторов.

В-третьих, необходимо учитывать и значительную по размерам просроченную задолженность по розничным и корпоративным кредитам, предоставленным банками.

В-четвертых, негативно отразится на будущем кредитовании инвестиционного процесса ужесточение денежно-кредитной политики, его ориентация на таргетирование инфляции. 25 июля 2014 г. совет директоров Банка России повысил ключевую ставку на 0,5 базисных пунктов (до 8%). В результате неизбежно повышение стоимости кредитов реальному сектору экономики. По данным Банка России, средневзвешенные процентные ставки по кредитам в рублях нефинансовому сектору экономики выросли с 10,8% в 2011 г. до 13,2% в июле 2014 г. Но реально многие коммерческие банки предоставляют корпоративные кредиты на условиях 12; 15; 17% годовых[7].

Отметим особенность отраслевой структуры банковского кредитования реального сектора экономики. На 1 января 2014 г. в общей сумме кредитов российским предприятиям на долю оптовой и розничной торговли приходится 25,2%, строительства – 7,4, транспорта и связи – 6,2, операций с недвижимым имуществом – 5,6, сельского хозяйства – 2,0, добычи полезных иско-

7. www.cbr.ru

паемых – 1,3%. Удельный вес обрабатывающей промышленности сократился с 16,7% в 2010 г. до 11,8% в 2013 г. Причем среди ее отраслей в общем объеме банковского кредитования выделяются пищевая и химическая промышленность, металлургия и производство кокса и нефтепродуктов, машин и оборудования[8].

Таким образом, банковский сектор в настоящее время и в перспективе не может рассматриваться в качестве надежного источника финансирования инвестиций в основной капитал. Его кредитный потенциал весьма ограничен. Условия кредитования («короткие» деньги, высокие процентные ставки) делают мало приемлемыми для средних и малых предприятий возможности воспользоваться ссудами банков. Крупные компании могли решать проблему кредитования посредством заимствования денег за рубежом. В настоящее время общая сумма кредитов, полученных российским корпоративным сектором в зарубежных банках, составляет более 700 млрд долл. Эта сумма включает краткосрочные кредиты, которые надо отдавать либо брать новые кредиты, но уже под существенно возросшие проценты [21, с. 3]. В первой половине 2014 г. российские компании сумели занять у западных банков в 3,9 раза меньше средств, чем в 2013 г. Из них 52,2% кредитов приходится на сырьевые корпорации [15, с. 10]. Не имея возможности занять на Западе, компании будут пытаться занимать в российских банках, в том числе для погашения долгов. Это может привести к росту спроса на иностранную валюту. По подсчетам S&P, в 2014–2015 гг. российским банкам надо будет рефинансировать 57 млрд долл. внешних долговых обязательств [9, с. 22]. Но у банков нет избыточных валютных ресурсов. Э. Набиуллина заявила, что валютных средств, которыми располагают банки, хватит на 1,5–2 года [4, с. 18].

Однако отказ в перекредитовании становится реальной перспективой. Иностранные банки настаивают на том, чтобы компании в случае введения в отношении них санкций сразу погасили взятую ссуду. Подобные требования зарубежные банки предъявляют и компаниям, не подпадающим под санкции. При этом иностранные банки используют существующий в действующих кредитных договорах пункт, предусматривающий досрочное погашение кредита в случае возникновения неких «неблагоприятных обстоятельств». Американские банки уже в первом квартале 2014 г. прекратили кредитные сделки с российскими компаниями. Правда, европейские банки, в отличие от американских, пытаются найти более обтекаемые формулировки и подстраховаться юридическими оговорками.

В связи с ограничением доступа для российских компаний к внешним источникам финансирования повысится спрос на корпоративные кредиты

8. www.cbr.ru

российских банков. Под новые проекты компании вынуждены будут занимать в России. Это приведет к росту размера процентной ставки.

Необходимость активизации инвестиционного процесса остро ставит вопрос об использовании инвесторами рынка ценных бумаг в качестве важного источника привлечения финансовых ресурсов, механизма развития инвестиционной деятельности. Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует, что подъем на фондовом рынке обеспечивает компаниям возможность привлечения средств для инвестирования за счет роста курсовой стоимости ценных бумаг и их дополнительной эмиссии. Однако фондовый рынок России не стал сколько-нибудь надежным источником привлечения денег в инвестиции. Российские хозяйствующие субъекты (преимущественно компании первого эшелона) привлекают с фондового рынка относительно небольшую часть инвестиционных ресурсов. Фондовый же рынок России развивается обособленно от развития экономики. Отсутствует взаимосвязь фондового рынка и реального сектора экономики из-за спекулятивного характера фондового рынка. В условиях растущих геополитических рисков и ожидания дальнейшего ужесточения денежно-кредитной политики Банка России инвесторы не проявляют интереса к вложению средств в облигации. Обречены на провал попытки разместить облигации на зарубежных рынках. На внешнем рынке для российских эмитентов сложилась плачевная ситуация. Речь идет о возможном тотальном закрытии внешнего рынка для российских эмитентов. Усугубляет драматическую ситуацию в финансовом секторе России введенный запрет резидентам стран, поддержавшим санкции, приобретать любые долговые обязательства и ценные бумаги российских банков, в которых доля государства превышает 50%, на срок более 30 дней.

В целом финансовый сектор России неспособен удовлетворять в полной мере рост отечественной экономики. Склонность большей части населения либо тратить деньги на текущее потребление, либо приобретать недвижимое имущество, но не доверять сбережения банкам и другим финансовым институтам, не покупать акции и облигации частных и государственных компаний – это оценка населением высоких институциональных рисков в России. Многие эксперты не исключают, что ЦБ может пойти на более выгодное финансирование банковского сектора, на отсрочку платежей и частичную покупку долговых обязательств на внутреннем рынке.

Оценивая влияние внутренних и внешних факторов на развитие экономики, мы пришли к выводу, что главные из них – внутренние. Естественно, опрометчиво преуменьшать (тем более, игнорировать) негативное влияние вводимых США и ЕС экономические санкции против России. Но необходимо учитывать, что это – внешний фактор, действие которого обнажило внутренние причины ухудшения экономической ситуации в стране.

Возникает вопрос: почему отечественные предприниматели (прежде всего, крупные компании и физические лица с крупнейшими доходами) вложению капитала в отечественную экономику в ряде случаев предпочитают его вывоз за границу в различных формах? Почему они так мало вкладывают в экономику России, отставая от многих стран? Ведь Россия располагает необходимыми для инвестиционной активности ресурсными возможностями: наличие энергетических и других сырьевых ресурсов, емкий рынок, высокообразованная и относительно дешевая рабочая сила.

И дело здесь не в простом нежелании отечественных предпринимателей вкладывать капитал в реальный сектор российской экономики, а направлять его на финансовый (спекулятивный) рынок или вывозить за рубеж. Они вынуждены учитывать неблагоприятные условия для приложения капитала внутри страны. Факты свидетельствуют о появлении на рынках новых предприятий. Но проблема в том, что примерно 2/3 из них вынуждены через короткое время уйти с рынков. Деловая среда не стала устойчивым мотивирующим фактором для привлечения инвестиций в реальный сектор экономики. Она порождает пессимизм бизнеса в отношении перспектив роста внутреннего спроса и целесообразности инвестиций в развитие. Помощник президента РФ по экономическим вопросам А. Белоусов еще в 2013 г. признавал, что замедление экономического роста в значительной мере связано не с мировой экономикой, а с внутренними факторами [10, с. 16].

Государство и бизнес

Государство относится к бизнесу как к младшему партнеру. Власть не видит в бизнесе силу, обладающую серьезным экономическим и политическим потенциалом, рассматривает его в качестве «тугого кошелька», оттесняет на периферию экономической и политической жизни. Властные и силовые структуры подчас играют решающую роль в незаконном поглощении предприятий, используя для этой цели и искусственное банкротство, и другие противоправные действия. Естественно, подобная рисковая для предпринимателей ситуация негативно сказывается на доверии бизнеса к государству: отсутствие полной и актуальной информации о деятельности государственных органов, нестабильность законодательной базы, сложный и затяжной процесс рассмотрения споров в суде, получение лицензий, высокий уровень коррупции.

Предпринимателям приходится прилагать титанические усилия и массу времени на согласования и разрешения, необходимые для регистрации новых объектов. И это с учетом некоторых позитивных изменений, которые произошли в последнее время. Государству удалось снизить некоторые барьеры для ведения бизнеса. Так, упрощен порядок подключения к электри-

ческим и коммунальным сетям, существенно улучшилась ситуация с регистрацией собственности. Позитивные сдвиги наметились в налоговом администрировании. Но для индивидуального предпринимателя эти улучшения пока не слишком заметны. Не появляется больше мотивов к тому, чтобы заниматься собственным делом. В России, как только предприниматель становится мало-мальски успешным, он сразу сталкивается с десятками организаций, жестко регламентирующих его деятельность, в любой момент у него могут просто отобрать бизнес, что в определенной степени связано с несовершенством законодательства и судебной системой.

Среди проблем, возникающих при ведении бизнеса, предприниматели называют длительность процедур оформления необходимых документов. Введение режима «одного окна» ведет к некоторому прогрессу в решении этой проблемы, но пока не спасает положение. И хотя ответственность за волокиту содержится в административных регламентах, привлечь к административной ответственности чиновника, нарушившего порядок предоставления услуги, суд не всегда может.

Продолжается усиление административного давления на субъекты хозяйственной деятельности, искусственно создаются бюрократические трудности с получением разрешения на строительство объекта и открытие бизнеса. В соответствии с энергетической «дорожной картой» к 2020 г. планируется время прохождения сократить до 40 дней, а затраты – до 25% среднедушевого дохода.

Для малого и среднего бизнеса усиливается острота проблемы финансирования инвестиционной и операционной деятельности, привлечения квалифицированных работников. Это следует из результатов опроса руководителей 1963 малых и средних предприятий, проведенного в октябре 2012 г. Национальным агентством финансовых исследований, рейтинговым агентством «Эксперт РА» и банком «Траст». О приоритете финансового фактора говорили 54% опрошенных руководителей. О важности задачи обеспечения предприятий необходимыми кадровыми ресурсами заявили 39% респондентов. О влиянии на прибыльную деятельность предприятий цен на сырье и материалы подчеркнули 54% участников опроса. Роль других факторов влияния на малый и средний бизнес в глазах предпринимателей значительно ниже: коррупция и бюрократия – 34%, доступность инфраструктуры (офисов, складов, коммуникаций) – 8% [17, с. 6].

Но предполагаемое упрощение открытия бизнеса не отменяет для него других проблем – дорогие кредиты, высокая налоговая нагрузка.

Основные препятствия на пути диверсификации российской экономики: чиновничий беспредел, управление экономикой в «ручном режиме», тотальная коррупция, пронизывающая всю экономическую вертикаль власти, проблемы, связанные с человеческим капиталом. Качество образования

постепенно ухудшается, серьезно отстает от уровня образования в странах – лидерах инноваций. При этом все более острым становится дефицит высококвалифицированных управленцев. Среди основных институциональных проблем выделяются коррупция, неэффективная правительственная бюрократия, сложности доступа к финансовым институтам, независимость судов, защита прав собственности и интересов миноритарных акционеров и др.

В России бюджетно-налоговая политика не стала средством стимулирования инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики. Об этом свидетельствует рост налоговой нагрузки с 31% ВВП в 2009 г. до 35,6% ВВП в 2011 г. (по расчетам Минэкономразвития РФ – с 30,7% ВВП до 33,2% ВВП, соответственно) [2, с. 4]. Однако среди опрашиваемых руководителей российских компаний не видят для себя обременительных налогов только 9% [27, с. 3]. Предположительно это – представители крупных компаний. Большинство же руководителей предприятий усматривают в сложившейся в России налоговой системе определенный риск финансовых потерь.

Налоговая нагрузка составляет 50,7% от прибыли, т.е. выше среднемирового значения (43,1) [7, с. 5]. По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), по состоянию на октябрь 2013 г. долговая нагрузка (отношение долговых обязательств предприятий к активам) составляла: на металлургическое производство 33%, в деревообрабатывающей промышленности – 52, в производстве транспортных средств и оборудования – 45%. В производстве кокса и нефтепродуктов, текстильной промышленности – 41% [19, с. 4].

Для большинства налогоплательщиков самые важные критерии – не столько величина налоговой нагрузки, размер налоговых ставок, сколько определенность текущего и будущего налогового регулирования, удобство взаимодействия с налоговой службой. Это – показатель профессионального налогового режима. В России инвесторов пугают частые изменения налогового законодательства, отсутствие последовательности в проведении налоговой политики, наличие правовых коллизий и неспособность регуляторов при возникновении новых споров находить решения, адекватные коммерческой стороне дела. По данным специалистов компании «Гарант», нормы Налогового кодекса меняются примерно 20 раз в год, а с учетом разнообразных инструктивных писем Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы в – в 2 раза чаще [32]. Подобная практика затрудняет планирование предпринимательской деятельности, снижает стремление к инвестиционной деятельности. В этих условиях трудно ожидать от предпринимателей повышения инвестиционной активности, и соответственно интенсификации их экономической деятельности, роста налоговых поступлений в бюджет. Конечно, регулярные изменения – нормальный процесс, реагирующий на изменения в макроэкономике и социальной сфере.

Но, во-первых, они не должны быть столь частыми и иметь обратную силу. Во-вторых, должны усиливать стимулирующую, а не фискальную функцию налогообложения.

Дополнительные риски для предпринимателей кроются в росте тарифов естественных монополий. На это указывают большинство руководителей (до 80%) российских предприятий. Например, в 2013 г. тарифы на газ выросли на 15%, на передачу электроэнергии – на 9–10, на грузовые перевозки – на 7% [6, с. 4]. В результате постоянного в течение многих лет роста цен на тарифы монополий снижается конкурентоспособность товаров российских производителей.

Сильно отличаются условия ведения бизнеса у государственных и частных компаний. По-настоящему тепличные условия складываются для отечественных государственных компаний, государственных корпораций и компаний, аффилированных с крупными чиновниками. Они подпитываются финансированием из бюджета. Самый свежий факт: компания «Роснефть» уже получила согласие на выделение ей для рефинансирования внешнего долга 1,5 трлн руб. (почти 50% Фонда национального благосостояния). Привилегированные условия, в которых находятся государственные компании, негативно влияют на становление подлинно конкурентной среды в России. Профессор Е. Ясин справедливо отметил, что «в нормальной ситуации за государством должно остаться лишь то, что необходимо для выполнения государственных функций, а это примерно 12–14% активов» [34, с. 5]. Но мало надежд на то, что государство уйдет с монопольных рынков. Слишком много лиц заинтересовано в сохранении статус-кво.

Сложившаяся в России институциональная среда отражает ресурсную модель экономики. Формирование современной институциональной среды, адекватной задачам создания благоприятного инвестиционного климата, наталкивается на сопротивление определенных кругов предпринимательства, клановых интересов олигархических групп с сильным потенциалом воздействия на власть. Усиление бюрократизации, огосударствление ряда управленческих функций в бизнесе ведут к использованию нефтяных доходов в интересах крупного чиновничьего аппарата, к концентрации в руках государства огромных ресурсов, помогающих осуществлять «ручное управление». Видимо, поэтому исполнительная власть страны, собственники и руководители крупного бизнеса, получающие в рамках сложившейся модели солидные доходы, дальше деклараций о необходимости улучшения инвестиционного климата в стране не идут.

Некоторые экономисты предполагают, что инвестиции, которые компании планировали направить на внешний рынок, в сложившейся ситуации направят в российскую экономику. Вряд ли. С учетом существующего в стране делового климата предприниматели опасаются вкладывать деньги

в долгосрочные проекты, предпочитая финансовые вложения с целью получения текущей прибыли. Без реальной трансформации декларации о необходимости создать благоприятный инвестиционный климат не имеют под собой реальных оснований. Конечно, коренным образом изменить условия деловой активности в стране за 1,5–2 года практически невозможно. Разработанные «дорожные карты», различные проекты направлены на повышение привлекательности российской экономики в глазах инвесторов. Но это целый комплекс средне- и долгосрочных (на период пять–десять лет) мер, которые сейчас буксуют из-за бюрократии и из-за плохой взаимосвязи между собой.

Для предприятий всех организационно-правовых форм должен быть обеспечен равный доступ к получению кредитов на приемлемых условиях. Ограничение доступа к финансированию и его возросшая стоимость вкупе с крайней неопределенностью приведут к углублению спада инвестиций и сокращению потребления. Решение этой задачи возможно при изменении целевых установок денежно-кредитной политики. Банку России необходимо перенести центр тяжести своей политики с таргетирования инфляции на поддержку экономического, в том числе и инвестиционного, роста.

Серьезная проблема для банков – формирование кредитного портфеля «длинными» деньгами. В течение многих лет они привлекали долгосрочное финансирование на внешнем финансовом рынке (кредиты западных банков и размещение долгосрочных ценных бумаг). С введением санкций этот источник для российских банков стал недоступен. Поэтому и банки, и компании вынуждены будут привлекать деньги с внутреннего рынка. Но мы уже отмечали ограниченные возможности и банковского сектора, и фондового рынка. Более того, финансовые санкции напрямую затрагивают более 50% активов российского банковского сектора [33, с. 22]. В условиях неопределенной ситуации в экономике инвесторы весьма сдержанно относятся к принятию решений о покупке корпоративных ценных бумаг. По ряду причин и население не готово выходить на фондовый рынок. Необходимое условие выхода из этой ситуации – увеличение денежной массы в стране, наполнение ликвидностью банковского сектора и рынка ценных бумаг. Коэффициент монетизации находится на уровне примерно 45%, что по-прежнему ниже порогового значения (50%) [26, с. 54]. Это – один из самых низких в мире уровень насыщенности хозяйственного оборота деньгами. Объем денежной массы в российской экономике недостаточен для увеличения накопления.

В государственной поддержке нуждаются отрасли, продукция которых будет способствовать созданию современной технической и технологической базы российской экономики. Однако опубликованный проект федерального бюджета на 2015–2017 гг. не отвечает этой задаче. Очевидна потребность

в пересмотре «бюджетного правила», которое ведет к сокращению государственных расходов и не оставляет шансов для экономического роста.

Таким образом, для минимизации негативных последствий вводимых США и ЕС санкций необходимо, прежде всего, изменить экономическую политику правительства.

Литература

1. Банк России (http://www.cbr.ru).
2. Башкатова А. Рост налогов – удар по модернизации // Независимая газета. – 2010. – 13 октября.
3. Белоусов А. Все требуют денег // Ведомости. – 2012. – 6 декабря.
4. Борисяк Д. Валютная ревизия // Ведомости. – 2014. – 8 сентября.
5. Бутрин Д. Правительство определилось с ростом // Коммерсантъ. – 2011. – 22 апреля.
6. Ведомости. – 2013. – 6 сентября.
7. Ведомости. – 2013. – 20 ноября.
8. Воронова Т., Борисяк Д. Кредит капитально подорожал // Ведомости. – 2014. – 27 августа.
9. Гурова Т. и др. Пора доставать джокеров // Эксперт. – 2014. – № 39.
10. Гурова Т., Ивантер А. Ускорение как инженерная задача // Эксперт. – 2013. – № 17.
11. Дянков С., Хартвелл К., Шаронов А. Анатомия замедления // Ведомости. – 2014. – 1 июля.
12. Инвестиции в России // Статистический сборник. – М., 2009.
13. Коммерсантъ // 2012. – 13 января.
14. Коммерсантъ // 2014. – 18 сентября.
15. Кравченко Е. Вернуть $112 млрд // Ведомости. – 2014. – 23 июля.
16. Кувшинова О. Не хотят или не могут // Ведомости. – 2014. – 3 марта.
17. Мониторинг // Коммерсантъ. – 2012. – 23 ноября.
18. Независимая газета // 2014. – 3 февраля.
19. Независимая газета // 2014. – 12 февраля.
20. Примаков Е. Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. – 2011. – 14 января.
21. Портанский А. Три заблуждения вокруг санкций // Независимая газета. – 2014. – 27 июня.
22. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А. Взаимосвязь инвестиционной и ценовой стратегий в промышленности // Экономист. – 2010. – №10.
23. Российская газета. – 2014. – 19 сентября.
24. Российская газета. – 2013. – 26 декабря.
25. Российская газета. – 2012. – 27 декабря.
26. Сенчагов В. Модернизация финансовой сферы // Вопросы экономики. – 2011. – № 3.
27. Стеркин Ф. Не так страшен НДС // Ведомости. – 2010. – 13 июля.
28. Стрижкова Л., Тишина Л. О ловушке импортопотребления // Экономист. – 2012. – № 5.
29. Терехова А. Улюкаеву не страшны санкции Запада // Независимая газета. – 2014. – 30 июня.
30. Титов С. Импорт под запретом // Ведомости. – 2014. – 16 июня.
31. Францева В. Банкам подрезали рост // Коммерсантъ. – 2014. – 15 сентября.

32. Шварц И. Налоговые нормы меняются 20 раз в год // Независимая газета. – 2011. – 19 августа.
33. Эксперт. – 2014. – № 39.
34. Ясин Е. Про риски и доверие // Российская газета. – 2012. – 8 мая.
35. DoingBusiness – 2014 // Ведомости. – 2013. – 29 октября.

И.В. Кутыкова

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: ПОКОЛЕНИЕ 1990-х ГОДОВ

Кутыкова Ирина Валентиновна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета).

Исследования образа жизни учащейся молодежи российского общества в постсоветских условиях посвящены главным образом ценностным предпочтениям и ориентациям [6; 8; 9], в которых важное место занимают вопросы истории Отечества и патриотизма. Отметим исследования, посвященные становлению исторического сознания молодежи в соотнесении с различными поколениями [4], социальному портрету возрастных когорт в постсоветской России [1], ценностным ориентациям постсоветского гуманитарного студенчества [9], формированию исторического сознания школьной молодежи [7].

Особого внимания заслуживает первое постсоветское поколение (поколение начала и второй половины 1990-х годов), в том числе динамика его исторического сознания. Рассмотрение данного вопроса составляет цель настоящей статьи. Эмпирическую основу анализа составляют результаты исследований, проведенных автором в 2006, 2010, 2013 гг., для более широкой сравнительной характеристики – 1996 г.

В октябре 1996 г. был проведен опрос старшеклассников петербургских школ, в котором приняли участие более 100 человек. В ноябре 2006 и в мае 2010 гг. в ходе исследования по теме «Состояние и функционирование исторического сознания современной студенческой молодежи» были опрошены студенты Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) по авторской анкете (90 и 175 человек соответственно). Выборка включала респондентов, чье время рождения приходится на 1991 и 1992 гг. В апреле 2013 г. было проведено анкетирование старшеклассников школ Санкт-Петербурга, в котором приняли участие 150 человек, из них 56% девушек и 40% юношей 11 национальностей, имею-

щих российское гражданство. Выборка включала респондентов, чьи годы рождения приходятся на 1995–1998 гг.

Интерес поколения 1990-х к истории: Направленность, характер, факторы

Для представителей нового поколения типичен возрастающий интерес к истории (83% – 2006 г., 91% – 2010 г., 99% – 2013 г.). Первый опрос выявил понимание необходимости познания истории в рамках учебного процесса у 13,3% респондентов; второй – уже у 20,5%. В то же время этот процесс не был простым и линейным, так как одновременно увеличивался интерес и к современности. Так, если исследования 2006 г. выявили интерес к той или иной теме, факту, событию и личности в истории, к посещению музеев и исторических мест, просмотру передач и фильмов, чтению книг у 22,2% опрошенных, то в 2010 г. этот показатель снизился до 20,5%.

Интерес к истории, проявленный школьниками в 2013 г., обусловлен, главным образом, стремлением обладать широким кругозором (38%), любознательностью (31%), требованиями учебного процесса (14%), желанием лучше понять современность, ее вызовы и задачи (6%).

Особое значение для студенческой молодежи приобретает отечественная история. Так, в ряду названных студентами в 2006 и 2010 гг. стран, исторических периодов и эпох, на первом месте стоит история нашей страны (42 упоминания в 2006 г.; 79 – в 2010 г.), затем история стран Европы (Франции, Англии, Италии, Испании и др.) и история Древнего мира. Респонденты охотно называли интересующие их периоды в отечественной истории, не дожидаясь специального вопроса, посвященного истории Отечества.

Школьники, принявшие участие в опросе в 2013 г., отвечая на вопрос: «История каких времен (периода, эпохи) и народов (страны, стран) Вас интересует», преимущественно отметили всеобщую историю, что, в общем, характерно для школьной молодежи. Однако к выпускному классу возрастает внимание учащихся к отечественной истории, главным образом к истории XX столетия.

Для представителей поколения, рожденных во второй половине 90-х годов XX в., привлекательные периоды и эпохи во всеобщей истории ранжируются следующим образом: Средневековье, Древний мир, XX в., все / многое, эпоха Возрождения, Новое время. При этом предпочтения школьников несколько разнятся. Так, у десятиклассников наибольший интерес во всеобщей истории вызывает Средневековье и эпоха Возрождения; затем Древний мир; XX в.; Новое время; Новейшая история; все эпохи, или «многое». Школьникам 11 класса интересна, во-первых, история Древнего мира и «все / многое» в истории; во-вторых, Средневековье; в-третьих,

XX в.; затем современность. Существенно расширяется круг названных респондентами стран, историей которых интересуется новое поколение: США, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Испания, Дания, Ирландия, Италия, Турция, Норвегия, Дания, Швеция, Ямайка, Индия, Китай. В отечественной истории (36 упоминаний), не дожидаясь специального вопроса, школьники выделяют историю XX в. (СССР), затем называют императорскую Россию; историю России в контексте всемирной истории; «все / многое», например, «XVII–XIX вв.», «с XIX в. до нашего времени», 1800–2000 гг.; Древнюю Русь; современность (XXI в.).

В 2010 г. предпочтения студентов первого и второго курсов были следующими: Российское государство периода московского княжества, Российская империя, конец XIX – первая половина XX в. («время Екатерины II», «начало XX века», правление Романовых, в частности Николая II); советский период (военная история, в частности Великая Отечественная война, Вторая мировая война), распад СССР.

Главный интерес школьной молодежи связан с отечественной историей XX в., главным образом СССР от начала возникновения до его распада.

Эмоциональное отношение молодежи поколения 1990-х к отечественной истории и «историческому»

Исследователи ценностных ориентаций молодежи отмечают, что влияние «державно-патриотической идеологии» на молодежное сознание возросло, хотя выше ценностей «Родина», «Отечество» участники исследования ставят ценности личного блага, индивидуального успеха и комфорта [6, с. 88].

Согласно результатам, полученным автором в 2006 и 2010 гг., подавляющее большинство студентов, находясь близ исторических памятников, на территории музеев-заповедников, испытывает положительные чувства (уважения, гордости, ностальгии, любви, восхищения). То же можно сказать о школьниках, опрошенных в 2013 г. (табл. 1).

Знание истории необходимо для того, чтобы «не совершать прежних ошибок», кроме того, «манипулировать другими людьми, не обладающими этими знаниями», и понимать настоящее, ибо «без знания истории человек – ничто». Таково понимание смысла исторического познания студентами в 2006 г. Опросы 2010 и 2013 гг. выявили укрепление этого понимания (табл. 2).

Таблица 1

ЧУВСТВА, ОБРАЩЕННЫЕ К ИСТОРИИ И «ИСТОРИЧЕСКОМУ» (%)

Учащаяся молодежь	*а) уважения*	*б) гордости*	*в) любви*	*г) ностальгии*	*д) ничего не испытываю*
Студенты (2006)					
I курс	45	34	–	14	7
II курс	43,4	24	2,1	2,1	4,3
Студенты (2010)					
I курс	59	22	1	4	4
II курс	50,5	28,4	5,3	5,3	3,2
Школьники (2013)					
Школьники 10-го класса	60	7	4	7	10
Школьники 11-го класса	57	14	4	3	9

Таблица 2

СМЫСЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (%)

Учащаяся молодежь	*а) прошлое надо знать, ибо оно не проходит, а всегда присутствует в настоящем и освещает путь будущего*	*б) знание прошлого вредоносно, поскольку уводит от современности*	*в) не знать и не интересоваться прошлым невозможно для человека, так как это путь в никуда*	*г) свой вариант ответа*	*без ответа*
Студенты (2006)					
I курс	43	–	43	9	
II курс	57	4	25	9	
Студенты (2010)					
I курс	73	–	20	5	2
II курс	59	–	23	18	
Школьники (2013)					
Школьники 10-го класса	53	3	34	10	–
Школьники 11-го класса	66	–	30	4	–

С этими данными согласуются заявления респондентов относительно необходимости знания и понимания истории (табл. 3).

Таблица 3

СТЕПЕНЬ НЕОБХОДИМОСТИ ЧЕЛОВЕКУ ЗНАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ (%)

Учащаяся молодежь	*а) необходимо обязательно*	*б) возможно, нужно*	*в) не обязательно*	*г) не нужно*
Студенты (2006)				
I курс	34	55	11	–
II курс	50	41	9	–
Студенты (2010)				
I курс	70	25	4	1
II курс	72	23	5	–
Школьники (2013)				
Школьники 10-го класса	60,3	34,2	5,5	–
Школьники 11-го класса	58,4	34	7	–

Для представителей нового поколения важно обладать знаниями истории семьи и рода. Такие знания способствуют обретению своего «я», становлению исторического самосознания. Потребность изучить, понять историю своей семьи, своего рода, согласно результатам исследований, имеет для первого постсоветского поколения, первостепенное значение (48% – 2006 г.; 66 – 2010; 39% – 2013 г.).

В контексте вопроса исторического самосознания, или исторической идентичности следует рассматривать вопрос об историческом герое. Для первого постсоветского поколения данная тема актуальна. Согласно результатам исследования, у большинства респондентов существует свой герой в истории (78,6% – 2006 г.; 67,5 – 2010; 56% – 2013 г.). Относительно устойчивый характер имеют предпочтения молодежи в вопросе исторических лиц (табл. 4).

С 2006 до 2010 г. сохраняются предпочтения студентов во взгляде на «своего героя» в отечественной / мировой истории. Как видно из таблицы 4, среди названных в данный период имен героев отечественной истории (по частоте упоминаний имен) лидируют политические деятели. Наивысший рейтинг получили Петр I, Екатерина II, И. Сталин. Следующую группу составили кн. Ольга, Владимир Красное Солнышко, Иван Грозный, Елизавета Петровна, Александр II, В. Путин. Реже других упоминались Николай I, Николай II, В. Ленин. Среди полководцев по убыванию упоминаний – Г. Жуков, А. Невский, А. Суворов, Ф. Ушаков, М. Кутузов, Д. Донской, М. Барклай-де-Толли, А. Колчак. В числе деятелей отечественной культуры с большим отрывом лидирует А. Пушкин. В аналогичной последовательности (государственные деятели, полководцы, мыслители и деятели культуры) упоминают исторических лиц школьники в середине первого десятилетия XXI в., согласно

результатам исследования Т.П. Путятиной. Это исследование выявило, что треть школьников оставляет без ответа вопросы о знании ими отечественных общественных, политических, религиозных деятелей, деятелей культуры и искусства и практически не знает героев советской истории [7]. В нашем опросе в 2010 г. 21% первокурсников и 16% второкурсников представления о «героях истории» связали главным образом с Великой Отечественной войной.

Таблица 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЦА (РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИВОДЯТСЯ ПО КОЛИЧЕСТВУ УПОМИНАНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ИМЕН)

Учащаяся молодежь	*Отечественные исторические деятели*			*Личности всеобщей истории*
	Политические деятели	*Полководцы, военачальники, космонавты*	*Деятели культуры*	
Студенты (2006)				
I курс	26	1	5	9
II курс	32	10	5	13
Студенты (2010)				
I курс	42	19	8	17
II курс	53	22	11	29
Школьники (2013)				
Школьники 10-го класса	12	9	3	22
Школьники 11-го класса	13	13	12	23

У 56% респондентов в 2013 г. вопрос о наличии исторического героя не вызывает сомнений. Школьники 11-го класса (61%) демонстрируют бóльшую уверенность в ответе на данный вопрос, чем школьники 10-го класса (50%). Названные респондентами исторические герои принадлежат, преимущественно, отечественной истории. Среди них первостепенное значение сохраняют политические деятели (Петр I, И. Сталин, Екатерина II, Николай I, А. Столыпин, Николай II, В. Ленин, Л. Троцкий), а также *полководцы, военачальники, космонавты* (А. Суворов, Г. Жуков, А. Невский, М. Кутузов, Ю. Гагарин, П. Нахимов, Л. Корнилов, А. Колчак, К. Рокоссовский). Замыкают ряд исторических героев деятели культуры и науки (А. Пушкин, М. Ломоносов, М. Булгаков, Л. Толстой, А. Ахматова, С. Есенин, И. Павлов, А. Сахаров, И. Курчатов, Л. Ландау, С. Курёхин, С. Бодров). Примечательная особенность результатов опроса в 2013 г. состоит в том, что школьники признают историческим героем *народ, родственников,* в частности прадедов, людей, участвовавших в Великой Отечественной войне. Названные школьниками личности всеобщей истории ранжированы таким образом, что политики

и общественные деятели также занимают лидирующую позицию по сравнению с деятелями науки и культуры (приводятся по убыванию упоминаний): Эрнесто Че Гевара, Леонардо да Винчи, Гитлер (?!), Македонский, Цезарь; Генрих IV, Изабелла I, Дж. Мазарини, Т. Рузвельт, У. Черчилль, Елизавета Австрийская, Филипп Красивый, Б. Франклин, адмирал Нельсон, Бисмарк, Дж. Кеннеди, Ганди, Мартин Лютер Кинг, С. Дали, З. Фрейд, А. Эйнштейн, Э. Ремарк, Леонардо да Винчи, Ф. Меркьюри, О. Хёпберн, А. Пуанкаре, Спартак, Цезарь, Колумб.

Исследуя в 2005 г. учащуюся молодежь, в том числе школьников 9–11-х классов (рожденных в 1987–1990 гг. – *И.К.*) в кризисном обществе, Т.А. Хагуров отмечает, что существует *дефицит продуктивных увлечений и интересов, позитивной героики, образцов подражания на фоне снижения интереса к чтению и разноголосицы телеэкрана*. Морально-нравственное сознание учащейся молодежи размыто [9, с. 104]. Первое постсоветское поколение (рожденные в начале – второй половине 1990-х годов), в отличие от поколения перестройки (рожденные в конце 1980-х годов), характеризует стремление к наличию ценностных персонифицированных ориентиров. Как отмечают А.В. Соколов и И.О. Щербакова, на фоне доминирующего эгоизма студенты-гуманитарии «мечтают регулярно посещать театры и концерты, читать классиков и еженедельно бывать в театрах»; для 34% студентов характерны альтруистические стремления доставлять радость, помогать людям. «Дефицит этих качеств особенно болезненно ощущается молодыми людьми в постсоветской России» [8, с. 121–122].

Источниками информации об историческом герое для 60% школьников являются: родители, родственники (23%); книги (18); школа (11); Интернет (4), а также «все и многое» (4%). В тех случаях, когда называются несколько источников, по количеству упоминаний лидируют «книги» (16%), «Интернет» (11%). Лишь в четырех случаях десятиклассники упомянули школу как важный источник. 40% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Результаты трех исследований позволяют сделать следующие выводы.

1. *Поколение 1990-х проявляет возрастающий интерес к истории, прежде всего к отечественной истории. Первостепенное значение имеют XX в., история СССР. Тема исторического героя, принадлежащего отечественной истории, не только не утрачивает своей актуальности для нового поколения, но и закрепляется в его сознании.*

Главное внимание рожденных в начале 1990-х, согласно опросам 2006 и 2010 гг., обращено на историю Российского государства периода Московского княжества, империи, конца XIX – первой половины XX в. (эпохи Петра I и дворцовых переворотов, «время Екатерины II», «начало XX века», правление Романовых, в частности Николая II). Относительно устойчивый

характер носит интерес к истории Древней Руси (принятие христианства, истоки Российского государства). Возрастает интерес студенческой молодежи к истории СССР (Великой Отечественной войне, Второй мировой войне, перестройке, распаду СССР). Во многом интерес к этим периодам и событиям выявило и анкетирование 2013 г.

2. *Устойчиво проявляются положительные чувства в отношении исторических мест и памятников; укрепляется потребность изучения и постижения истории.*

Подавляющее большинство молодежи поколения 1990-х, принявшей участие в опросе, испытывают чувства уважения, радости и восхищения, гордости, ностальгии, любви, обращенные к «историческому» (топосу, памятнику и т.п.). Размышляя о необходимости знания и понимания истории, современник поколения 1990-х перешел от сомнения к уверенной предпочтительной позиции: знать историю необходимо обязательно. На протяжении 2006–2013 гг. динамика гносеологических исторических потребностей представителей нового поколения такова, что возрастает их потребность в изучении истории Отечества и человечества, затем какой-либо страны и континентов (Европы и Азии).

3. *Для исторического сознания и самосознания нового поколения в связи с категориями «всеобщего», «общего» и «единичного» типичен неустойчивый характер.*

В ряду названных стран, исторических периодов и эпох, в сознании рожденных в начале 1990-х годов, первостепенное и возрастающее значение занимает история Отечества, затем история стран Европы и всеобщая история, главным образом, Древнего мира. Рожденные во второй половине 1990-х годов чаще называют всеобщую историю, главным образом средневековую, историю Древнего мира, XX в., «все / многое» в истории. Кроме того, заметно расширяется перечень стран различных континентов, история которых интересует новое поколение. В отечественной истории наибольшее значение приобретает история XX в. (СССР), затем императорской России, история России в контексте всемирной истории, «все / многое», Древней Руси, начала XXI в.

Литература

1. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. – М., 2004. – № 10. – С. 31–42.

2. Вдовина М.В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: автореферат дис. …доктора социологических наук. – М., 2008. – 35 с.

3. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. – М., 2004. – № 10. – С. 42–49.

4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Историческое сознание молодежи // Вестник РАН 2010. – Т. 80 (3). – С. 195–203.

5. Нор-Аревян О.А. Конфликтность взаимодействия поколений в условиях транзиции российского общества: (Микросоциологический анализ): автореферат дис. …кандидата социологических наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 22 с.

6. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: Диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. – М., 2008. – № 2. – С. 83–90.

7. Путятина Т.П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореферат дис. …кандидата социологических наук. – М., 2007. – 23 с.

8. Соколов А.В., Щербакова И.О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. – М., 2003. – № 1. – С. 115–123.

9. Хагуров Т.А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // Социологические исследования. – М., 2011. – № 11. – С. 93–104.

10. Чернецкая С.В. Межпоколенная коммуникация: Барьеры и конфликты: (Социально-антропологический аспект): автореферат дис. …кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 23 с.

11. Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев: автореферат дис. …кандидата философских наук. – Белгород, 2007. – 22 с.

Ю.А. Борко

ПЯТИДЕСЯТНИКИ. (Часть 2)

Борко Юрий Антонович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН.

Феномен рядовых пятидесятников

Выступая на встрече в театре на Таганке, Василий Аксёнов сказал о себе: «А вообще, если говорить о тех явлениях, которые начались в обществе, то я смело могу себя назвать скорее пятидесятником, чем шестидесятником… Я прозрел гораздо раньше, чем все другие»[1]. У Аксёнова были веские основания утверждать, что он прозрел раньше других. Репрессированные в 1937 г. родители, голодные годы войны (о них он рассказал в автобиографической повести «Ленд-лизовские»), два года жизни вместе с матерью Евгенией Гинзбург в Магадане – центре Колымской зоны ГУЛАГа и поселений бывших «зэков». И всё же его слова могут служить эпиграфом к рассказу обо всем поколении, которое вступило в самостоятельную жизнь в 1950-е годы. Юный Аксёнов был далеко не единственным прозревшим в этом поколении и, стало быть, не единственным пятидесятником в том смысле, в каком он употребил это слово. Их было достаточно много. В 50-е годы обрели известность лишь трое – помимо него, Евгений Евтушенко и Анатолий Гладилин. Позже известными станут и другие. А пока все они – *имярек,* никому не известные *рядовые пятидесятники*, неизвестные в этом качестве даже самим себе.

Это было первое молодое поколение, не попавшее на фронт по возрасту. Самые старшие его представители родились в конце 1920-х годов, самые младшие – накануне войны. Это и поколение автора этих строк – я родился в 1929 г. Поколение, в котором миллионы мальчиков и девочек потеряли отцов, матерей, близких родственников, расстрелянных или сгинувших в тюрьмах и лагерях в годы сталинского террора 30-х годов. Поколение, в котором

1. Шестидесятники-II. Встреча поколений. Ч. 1. – М., 27.05.2006 // www.liberal.ru/articles/, с. 6.

другие миллионы детей и подростков не дождались отцов, а иногда и матерей, погибших или пропавших без вести в бескомпромиссной и безжалостной схватке с нацистской Германией. Поколение, которое познало ужасы и тяготы этой войны, одни – на оккупированной немцами территории, другие – в прифронтовых городах и селеньях, в блокадном Ленинграде, третьи – в эвакуации. Оно рано узнало, что такое голод, и рано, в 13–15 лет, а в деревне гораздо раньше, начало трудовую жизнь. Оно духовно взрослело в обстановке патриотического подъема и параллельно познавало оборотную сторону жизни, становясь свидетелями, а то и жертвами вечных спутников войны – жестокости, подлости и предательства. Те, кто родился на рубеже 20-х и 30-х годов, окончили школу и поступили в университеты и институты в первые послевоенные годы, а окончили их в первой половине 50-х, на переломе эпохи – от сталинского казарменно-лагерного, тоталитарного социализма к хрущёвско-брежневскому авторитаризму и постепенному погружению советского «развитого социализма» в состояние стагнации и склероза.

Жизнь этого поколения – тема огромная, неподъемная в рамках краткого очерка о пятидесятниках. Оно было пестрым, возможно, более пестрым, чем предыдущее. С одной стороны, родившиеся в послевоенные годы новые молодежные субкультуры: романтики в ковбойках и с гитарой, с головой ушедшие в туристскую жизнь, с песнями за полночь у костров; родственные им студенты-энтузиасты, ежегодно отправлявшиеся убирать урожай в подшефных колхозах и на целине; так называемые «стиляги», перенесшие на советскую почву западные молодежные модели, от одежды и прически до пристрастия к джазу, року и барам. С другой стороны, «правильная» молодежь – карьерные выпускники престижных вузов; новая, более образованная поросль комсомольских функционеров и комсомольцы-дружинники, люто преследовавшие «стиляг». А между первыми и вторыми – основная масса молодежи, именуемая «болотом», обывателями и т.п., но фактически неимоверно разнообразная и единая лишь в своей непробиваемой общественно-политической индифферентности.

50-е годы обрушили на нас множество событий. О некоторых из них еще недавно невозможно было помыслить и вдруг они стали явью, будоража наши умы и чувства. Выставка живописи и скульптуры Дрезденского музея в 1955 г. и вернувшиеся вскоре в музейные залы картины зарубежных и российских импрессионистов. Всемирный фестиваль молодежи в Москве летом 1957 г., который был воспринят нами примерно так же, как Колумб и его команда восприняли открытие Америки. Первый конкурс им. П.И. Чайковского, где высшую премию по классу фортепьяно получил американский пианист Ван Клиберн. Взрыв популярности поэзии и многие сотни ее молодых поклонников, приходивших к памятнику Владимиру Маяковскому послушать таких же молодых, как и они, поэтов. Несколько кинофильмов, перевернув-

ших страницу в истории советской кинематографии, среди них – «Летят журавли» Михаила Калатозова (1957) и «Баллада о солдате» Георгия Чухрая (1959).

Но всё это случилось чуть позже, а начало сомнениям и вопросам, раздумьям и постепенному прозрению положили события 1953 г. – смерть Сталина, публичное разоблачение фальшивого дела о «врачах-убийцах», низвержение Лаврентия Берия. На этом фоне к месту и ко времени пришлись два литературных текста – первый очерк из «Районных будней» Овечкина и статья Померанцева. «Новые руководители страны еще клянутся Сталиным, – вспоминал Борис Вейль, – но уже входит в жизнь что-то новое. И вдруг появляется статья “Об искренности в литературе”.., и автор ее – Померанцев – говорит о неслыханных вещах: что литература должна быть искренней»[2]. Все эти события горячо обсуждались в среде молодых специалистов, студентов, а также, хотя и редко, в рабочей среде. Постепенно складывались группы друзей, близких по своим критическим раздумьям и связанных взаимным доверием. Так в нашем поколении рождалась еще одна молодежная субкультура – «инакомыслящих». А затем – XX съезд КПСС, который произвел эффект «Архимедова рычага», перевернув сознание миллионов советских людей. Стало возможным говорить о таких сторонах нашей жизни и страницах нашей истории, упоминать о которых и после смерти Сталина решались немногие да и то в тесном кругу. «В середине пятидесятых, – вспоминала Людмила Михайловна Алексеева, – компании возникали мгновенно, какое-то время бурлили, потом распадались. Ни до, ни после ничего подобного в России не наблюдалось. Компании появились в определенный период как социальный институт, востребованный обществом. У нашего поколения была психологическая, духовная, а возможно, и физиологическая потребность открыть свою страну, свою историю и самих себя. В то время это можно было сделать только одним способом – посредством живого общения»[3]. После съезда из инакомыслия проклюнулись первые ростки политической оппозиции режиму, сотворенному в сталинские времена, и его внутренней политике.

О том, как в 50-е годы зарождалась политическая оппозиция и как реагировала на это власть, в отечественной литературе почти ничего нет. В капитальной книге об истории инакомыслия в СССР, написанной Л. Алексеевой, мельком упомянуты три такие группы, арестованные в 1956–1958 гг.: группа молодых ленинградцев – Револьт Пименов и его товарищи, девять москвичей

2. Б. Вейль. Особо опасный. – London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1980. – С. 45.

3. Л. Алексеева. Поколение оттепели. – М., 2006. – С. 90–91.

во главе с Львом Краснопевцевым и группа С. Пирогова[4]. Между тем в найденных автором материалах упоминается 21 «дело» (16 групповых и пять индивидуальных), возбужденных в 1955–1958 гг. Комитетом Госбезопасности (КГБ) против лиц, обвиненных в «антисоветской деятельности» (ст. 58 УК РСФСР). Командой «органам» стало закрытое письмо секретариата ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «О мерах борьбы с антипартийными и демагогическими элементами».

География арестов достаточно широка: пять «дел» в Москве, три – в Ленинграде, по два в Киеве и Минске, по одной – в Алма-Ате, Тбилиси, Вильнюсе, Харькове и Сталино (ныне Донецк), Армавире, Таганроге, Сызрани, Архангельске. В группах было от двух до девяти человек, а в целом были арестованы и приговорены к лишению свободы – от года до десяти лет – 65 человек[5]. Примерно 85% из них – в возрасте 19–30 лет. Это именно то поколение, о котором рассказано выше. Самой большой группой были студенты – 19 человек из 53-х, о которых есть сведения, причем не только с обществоведческих факультетов, но и медики, физики, строитель. Вторая группа – 17 человек – специалисты с высшим образованием, в основном преподаватели, а также научные сотрудники и инженеры. Неожиданностью оказалось то, что в подпольных группах заметное участие приняли рабочие – 11 человек – слесари, маляр, шофёр, электросварщик, грузчик и т.д., а также шесть конторских служащих.

Приводя эти данные, нельзя не задаться вопросом: насколько они полны? На встрече участников группы Краснопевцева с редакцией журнала «Вопросы истории» один из них, Николай Обушенков, вспоминал: «Когда нас привезли в Дубравлаг в апреле-мае 1958 г., нас поразило обилие молодежи среди заключенных. Были представлены целыми группами Московский, Ленинградский, Киевский и некоторые другие ведущие университеты СССР. В 1957–1958 гг. среди лагерной молодежи было довольно много бывших комсомольских активистов, выступавших до ареста и в лагере с идеями очищения ленинизма от сталинизма или марксизма от ленинизма»[6]. В воспоминаниях об одном из активнейших участников группы Пименова Борисе Вейле рассказывается, что во время его скитаний по лагерям Мордовии и Сибири он

4. Л. Алексеева. История инакомыслия в СССР. – Вильнюс – Москва, 1992. – С. 201.

5. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005; Молоствов М. Ревизионизм – 58 // http://scepsis.net/library/id_1328.html; Дело Поленова – Пирогова // http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6055; Иофе В. Тридцать лет назад, на том же месте (журнал «Былое», 1989, № 2/4) / http://spb-anarchists.anho.org/

6. «Дело» молодых историков (1957–1958) // «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 124.

встречался с молодыми участниками «подпольных организаций» из разных городов, в том числе из Барнаула и Свердловска, исключенными из разных вузов. Сам он «делал доклады» о состоянии освободительного движения в Ленинграде, в частности «о деле Лени Тарасюка; о деле Дмитриева; да и о более ранних Красильникове, Красовской, Гидони – всё околоуниверситетская молодежь»[7]. Среди 21 «дела», упомянутого выше, нет ни организаций из Барнаула и Свердловска, ни перечисленных имен ленинградцев. Выходит, во второй половине 1950-х годов судебных процессов политического характера, групповых и индивидуальных, было заметно больше? Насколько? И сколько человек были осуждены тогда за антисоветскую деятельность? Можно предположить, что их количество измерялось трехзначным числом.

История молодежной политической оппозиции 1950-х годов пока ждет своих исследователей. Здесь же я ограничусь кратким рассказом об одной из самых крупных и, так сказать, «продвинутых» организаций, о которой знаю не только по письменным источникам, но и личным воспоминаниям, и очень сжатой характеристикой подпольного движения в целом. Группа, неформальным лидером которой был Лев Краснопевцев, состояла в основном из выпускников исторического факультета МГУ. Она складывалась в течение 1953–1956 гг., а в мае 1957 г. конституировала себя как нелегальная организация, решившая приступить к пропаганде и агитации против преступного режима, созданного Сталиным и, как полагали ее участники, по сути не изменившегося после его смерти[8]. Пропагандой они занимались среди своих бывших однокурсников, вместе с которыми окончили истфак МГУ в начале 50-х годов, или, став его преподавателями – в студенческой аудитории, главным образом на семинарских занятиях и в индивидуальных беседах с «продвинутыми» студентами.

В июле группа провела первую акцию – разбросала в подъездах жилых домов и в метро 300 листовок с подписью «Союз патриотов». Она была посвящена июньскому пленуму ЦК КПСС, который ее авторы рассматривали как схватку за власть двух кланов – Хрущёва и Маленкова–Молотова. Победа группы Н. Хрущёва расценивалась ими как государственный переворот с целью укрепления сталинской системы угнетения. Авторы призывали к борьбе против нее и предлагали программу конкретных преобразований, направленных на демократизацию политической системы. В число ключевых пунктов были включены: проведение партийной и общенародной дискуссии; созыв чрезвычайного съезда партии и ее чистка; суд над всеми сообщниками Сталина, виновными в убийствах; отмена ст. 58 УК РСФСР; усиление роли

7. Елена Пенская. Умер Борис Вейль (1939–2010) / http://www.russ.ru/pole/Umer-Boris-Vajl-1939-2010

8. Подробно там же.

Советов; узаконение права трудящихся на забастовку и создание рабочих советов на предприятиях, с правом смены администрации.

В листовке были изложены ближайшие требования. Что касается подготовки программы, излагающей идеологические основы и долгосрочные цели деятельности организации, то ее участники даже не приступили к этой работе; аресты последовали слишком скоро. Единственным письменным текстом, который они успели обсудить, была работа Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения, 1861–1905 гг.». Хотя анализ истории большевистской партии и 40-летнего существования советской власти остался за рамками работы, автор дал общую оценку большевизма, определив его, а равно и все революционные партии и идеологии в России, как «синтез пугачёвщины и разинщины с Евангелием»[9]. Рассматривая большевизм как смену одной формы насилия (самодержавия) другой формой – насилием во имя революционной утопии, автор не усматривал различия между ленинизмом и сталинизмом, отвергая и то и другое. В реферате нет ни слова о целях и методах деятельности «Союза патриотов». Судя по всему, автор и не ставил перед собой такую задачу. Единственным намеком на его предпочтения могла служить ссылка на то, что «социализм на Западе встал на реальную почву жизни, всё больше начал сближаться с демократией»[10]. Однако следующую работу – «Кризис социализма», написанную в августе 1957 г., Краснопевцев завершил выводом: «Марксизм кончился в августе 1914 года. И большевизм, и социал-демократия Шейдемана – это уже не марксизм. …Социализм откладывается, по крайней мере, до того времени, пока оба эти антипода не расшибут себе лбы и не будут сломлены новыми течениями в рабочем движении»[11].

Эту работу автор не успел раздать. В августе-сентябре 1957 г. участники группы были арестованы, обвинены в создании нелегальной организации и антисоветской деятельности и в феврале 1958 г. приговорены к лишению свободы сроком от шести до десяти лет.

У группы Краснопевцева было много общего с другими группами, попавшими в сети КГБ в те же годы. Все они, за исключением одной, возникли как нелегальные организации в короткий период с февраля 1956 по первую половину 1957 г., т.е. после XX съезда КПСС, сыгравшего роль катализатора оппозиционных настроений в стране, особенно среди молодежи. На воображаемом знамени этих групп был начертан девиз: От слов – к делу! Переход к действиям происходил в двух формах – устной пропаганды своих взглядов, включая, главным образом в вузах, открытые выступления на

9. «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 111.
10. Там же. – С. 111.
11. Там же. – С. 135.

собраниях, диспутах и т.п., и распространения листовок. По неполным сведениям, половина групп до ареста успели или готовились распространить листовки. Некоторые группы намеревались самостоятельно собрать гектограф для печатания агитационных и пропагандистских материалов, однако времени на это у них не оказалось.

Дать какую-то обобщенную характеристику программных взглядов всех групп представляется почти невозможным делом. Единодушия не было даже внутри групп. В группе Краснопевцева, например, спектр взглядов простирался от полного отрицания марксизма и социализма, которому был противопоставлен реальный опыт развития капитализма и западной демократии, до резко отрицательного отношения к сталинизму при сохраняющейся приверженности марксизму-ленинизму. Как вспоминал через многие годы член этой группы Владимир Меньшиков, «до лагеря (да и в лагере, может быть, в меньшей степени) ни у кого из нас (как и у ребят из других групп) …не было законченной, четко выстроенной, до конца продуманной и понятной идеологии»[12].

Тем не менее кое-что можно всё же обозначить. Общим для всех подпольных групп было осуждение сталинизма, наследником которого большинство участников считали Хрущёва. Сталинизму, как правило, противопоставлялся марксизм-ленинизм. Минский студент-медик В. Козлов, создавший в 1954 г. вместе со своим другом и, возможно, однокурсником Д. Морошеком, подпольный литературный кружок с целью его последующего преобразования в подпольную организацию, написал «Манифест русских марксистов-ленинцев»[13]. Возникшая в Ленинграде группа В. Трофимова, состоявшая в основном из студентов, учредила осенью 1956 г. «Союз коммунистов-ленинцев» в целях борьбы за «истинный социализм». Созданный в 1956 г. в Сызрани «Комитет борьбы за свободу» (трое из четырех его участников были рабочими) распространил в июне 1957 г. листовку, в которой объявлял: «Мы …отвергаем сталинско-хрущёвский социализм – государственный капитализм. Мы за социализм Ленина»[14]. Вероятно, на такой же идейной основе был создан «Социалистический союз борьбы за свободу» («Дело Фельдмана-Парташникова», Киев, 1956 г.).

По-видимому, сторонников более радикальной точки зрения – противопоставления марксизма не только сталинизму, но и ленинизму – было немного. Во всяком случае, ни одна группа, о которой мы имеем какие-либо конкретные сведения, не заявляла об отказе от социализма как такового. В числе конкретных задач назывались борьба против засилья партийной и государст-

12. Владимир Меньшиков. Мысли по поводу… // История инакомыслия. – С. 73.
13. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 71161.
14. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 86658.

венной бюрократии, реабилитация жертв сталинских репрессий, демократизация, «борьба за правду», рабочее самоуправление, «улучшение жизни народа». Собранные вместе эти задачи можно оценить как первые наброски программы реформ, которую в середине 1960-х годов, вне всякой связи с подпольем 50-х годов в Советском Союзе, разработали чехословацкие руководители во главе с Александром Дубчеком, решившие построить в стране «социализм с человеческим лицом».

Особняком от всех стояла группа, созданная в Москве в 1956 г. и назвавшая себя «Народно-демократической партией». Входили в нее пять человек, а основали ее шофер В. Поленов и студент Ю. Пирогов. По сути, это был эмбрион русского национализма. Участники группы называли себя «русскими патриотами» и ставили своей задачей возрождение традиционных ценностей русского народа и борьбу с еврейским засильем в СССР. В мае 1958 г. они были арестованы и осуждены, за пропаганду своих взглядов и распространение листовок, на длительные сроки заключения[15].

В целом политическая оппозиция 1950-х годов представляла собой слепок с российского революционного движения в конце XIX в., вплоть до того, что одна из подпольных групп, которую попытались создать в Таганроге, была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», подобно той организации в Санкт-Петербурге, в которой начинал свою революционную деятельность в 1895 г. Владимир Ульянов. Начальный этап революционной деятельности на базе марксистской доктрины, кружковщина, курс на радикальное изменение или свержение политической системы, не исключая, как было заявлено в двух-трех случаях, вооруженного восстания. Подпольное движение было разгромлено очень быстро. Первый судебный процесс состоялся в январе 1955 г., последний – в декабре 1958 г. Неискушенным конспираторам противостояла мощная и многоопытная организация, насчитывавшая десятки тысяч сотрудников и опиравшаяся на плотную сеть осведомителей. Как правило, аресты следовали вскоре после первой акции с распространением листовок, иногда через несколько дней, а в ряде случаев еще в период подготовки такой акции. Средний срок существования группы составлял примерно год, некоторые группы прожили три-четыре месяца, две группы продержались около двух лет. После такой «чистки» молодежное подполье не давало о себе знать несколько лет.

В целом это был эмоциональный порыв – «не можем молчать!» – последовавший за XX съездом КПСС и ускоренный событиями в Венгрии и Польше. Он заслуживает глубочайшего уважения. Но непосредственного продолжения он не имел. В иное время и в иных странах один-два политических

15. http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6055

процесса, подобных тем, о которых рассказано выше, вызвали бы огромный отклик в обществе. Имена участников стали бы известны не только в своей стране, но и за ее границами. В Советском Союзе они, возможно, сыграли бы роль, сходную с той, какую столетием раньше сыграли декабристы, «разбудившие Герцена». Но ничего подобного не случилось. За три года в стране прошли более 20 таких процессов – и никакого резонанса. Сталин умер, Берия – расстрелян, «культ личности» – разоблачен. Но система изоляции общества от того, что ему не положено было знать, и тотального контроля над информацией продолжала действовать. От подпольщиков не сохранилось никаких «самиздатовских» рукописей. Информация о них расползалась по стране, но те, кто что-то знал, были очень осторожны, потому что распространение «враждебных и клеветнических слухов» было уголовным преступлением и грозило лагерным сроком. О процессах и приговорах знали в коллективах Московского, Ленинградского, Киевского университетов, других вузов и учреждений, студенты, выпускники или сотрудники которых были арестованы и осуждены, не говоря уже о семьях, родственниках и друзьях, у которых тоже были друзья, – словом, десятки тысяч человек. Далеко не все, но всё же многие знали о критических взглядах, нравственных и общественных идеалах осужденных. И опять же не все, кто знал об этом, но немалая часть из них сочувствовали им, в той или иной степени были солидарны с ними.

У первых политических узников послесталинской эпохи были друзья и товарищи, были единомышленники. После завершения суда над участниками группы Краснопевцева председатель КГБ И. Серов направил в Политбюро ЦК КПСС «сов. секретную» Записку. В ней сообщалось, что в ходе следствия удалось выявить «лиц, которые в некоторой степени были причастны к антисоветской деятельности ликвидированной организации» или знали «об антисоветских настроениях отдельных участников»[16]. В документе были перечислены 15 лиц, в отношении которых глава КГБ рекомендовал принять меры дисциплинарные. Члены партии получили строгие выговоры «за потерю политической бдительности и примиренческое отношение к буржуазной и ревизионистской идеологии», а комсомольцы – либо исключены из ВЛКСМ, либо также получили взыскания. Как стало известно в 90-е годы, до того как состоялся суд, в КГБ был составлен и другой, гораздо более обширный список лиц, находившихся в дружеских или товарищеских связях с арестованными. В нем значилось около 150 имен, включая 12 человек, которых КГБ

16. Цитаты и факты приведены по хранящейся у автора копии упомянутой Записки, сверенной с копией, находящейся в архиве «Мемориала» (фонд 167, опись 1, дело 1), в свою очередь, скопированной с оригинала, хранящегося в ЦХСД (Ф. 89. Оп. 6. Д. 8).

намеревался арестовать в дополнение к «девятке». Но Генеральная прокуратура СССР не дала санкции на арест. Сколько человек из того списка разделяли взгляды участников группы, теперь установить невозможно. На упомянутой встрече в редакции «Вопросов истории» В. Меньшиков, рассказывая о пропагандистской работе, которую участники группы проводили в течение нескольких месяцев, сообщил, что арестовано было девять человек, а «можно было арестовать человек 200»[17]. В основном это были или выпускники истфака в 1950–1956 гг., или студенты-истфаковцы, коллеги по работе и личные друзья.

Упоминания о лицах, связанных с подпольщиками, встречаются в материалах, посвященных и другим группам. На судебном процессе, где на скамье подсудимых находились пять человек во главе с Р. Пименовым, были упомянуты 23 человека, так или иначе связанных с ними, но не участвовавших в распространении листовок. Глухо упоминаются единомышленники в материалах о группах В. Трофимова и М. Молоствова. В апреле 1956 г. «Правда» опубликовала статью о чистоте коммунистической идеологии. В ней, в частности, сообщалось, что в одном из академических институтов нашлись четыре члена партии, которые «поют с голоса меньшевиков и эсеров»[18]. Работали они в институте теоретической и экспериментальной физики АН СССР, а лидером этой группы был Юрий Орлов, впоследствии ставший одним из лидеров «диссидентского» движения в стране. Все они были исключены из партии и уволены из института. В 1957 г. аспирант Института востоковедения Виктор Шейнис написал статью «Правда о Венгрии», осудив в ней советское военное вмешательство во внутренние дела страны и подавление восстания венгров против террористического, подобного сталинскому, режима. Автор был исключен из комсомола, отчислен из аспирантуры и направлен «для перевоспитания» на Кировский завод, где проработал у станка шесть лет. Аспирант биологического факультета МГУ Сергей Ковалёв в эти же годы выступил с критикой «лысенковщины» и защитой генетики, еще при жизни Сталина объявленной ложной и идеологически вредной научной теорией.

Надо сказать, что для тех, кто находился в тесных отношениях с осужденными товарищами, всё происшедшее было шоком и вместе с тем отрезвляющим душем. Одни отныне сторонились любых разговоров на общественно-политические темы, другие обсуждали, как себя вести, чтобы «не было мучительно больно…». В частности, такие дискуссии велись в кругу выпускников МГУ, историков, философов и экономистов, окончивших его

17. «Вопросы истории». – 1994. – № 4. – С. 113.
18. «Правда», 5.04.1956.

в 50-е годы. Возникла даже концепция «малых дел» как альтернативы заведомо проигрышной нелегальной политической борьбе против власти. Вкратце она выглядела так: делай свою работу профессионально, не отступай от нравственных императивов, иди на разумный риск и не избегай компромиссов, если это необходимо и если ты при этом не предаешь самого себя или своих единомышленников. Конечно, изложенная в общей форме, эта концепция звучит очень дидактично тем не менее она может быть подтверждена практическим опытом многих конкретных людей, работавших во всех сферах жизни нашей страны в 1960–1980-е годы.

Сколько их было – единомышленников, не раскрытых «органами», или взятых на заметку, но не подпадавших под памятную ст. 58 УК РСФСР? Тысячи? А сколько таких, кто никакого отношения не имел к осужденным, вообще ничего не знал о них, но регулярно читал в 50-е годы «толстые» общественно-политические и литературные журналы. Их аудитория, напомним, насчитывала несколько миллионов думающих читателей, и существенную часть из них составляло молодое поколение, о котором идет речь в этом разделе. Процесс их прозрения развивался подспудно и негласно, с какого-то момента по внутреннему побуждению, на свой страх и риск. Это их имел в виду Виктор Шейнис, вспоминая много позже о подъеме демократического движения в конце 1980-х годов: «Молодое поколение – люди, чья социализация пришлась на послесталинское время, стали ядром такого общественного движения, о котором и помыслить нельзя было за два-три года до того»[19].

Во всяком случае, мы вправе говорить о *рядовых пятидесятниках как о специфическом феномене советского общества в 1950-е годы.* При всем разнообразии личных качеств, профессий, биографий, типов поведения и т.д., их сближали три признака – высокие нравственные стандарты, критическая оценка сложившейся политической системы как антидемократической и бюрократической, а также принципов деятельности и фактической роли правящей партии, и – несмотря на это – сохраняющаяся, за редкими исключениями, приверженность социализму. «Большинство из нас, – вспоминала позже Л. Алексеева, – придерживались социалистических взглядов, и в 1953-м, и в 1956-м, затем в течение двенадцати славных лет “оттепели’’ мы об этом почти не задумывались. В 1968 году мы еще верили в социализм»[20].

Из этого поколения вышли «Восьмерка» на Красной площади в августе 1968 г., диссиденты и правозащитники 70-х и 80-х годов. Из него вышла и выдвинулась на первые позиции группа молодых ученых-обществоведов,

19. Шейнис В. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. – М.: «Мысль», 2014. – С. 361.

20. Людмила Алексеева. Поколение оттепели. – М.: Захаров, 2006. – С. 216.

поставивших во главу угла поиск научной истины и преодолевавших рамки догматизма, псевдонауки и официальной идеологии – Борис Грушин, Герман Дилигенский, Татьяна Заславская, Лен Карпинский, Юрий Левада, Мераб Мамардашвили, Георгий Мирский, Станислав Шаталин, Николай Шмелёв и т.д. Из него вышли молодые писатели, поэты, драматурги, журналисты, кино- и театральные режиссеры, актеры, художники и скульпторы, композиторы, продолжавшие и развивавшие творческие направления, родившиеся в 50-е годы. Наконец, последнее по месту, но не по значению: из него вышли сотни тысяч учителей, врачей, инженеров и конструкторов, агрономов, научных сотрудников, руководителей предприятий и даже низовых партийных функционеров и советских служащих, которым в перспективе предстояло стать критической массой движения за обновление советского общества и государства.

Что нового привнесли «шестидесятники»?

Эта тема заслуживает отдельного исследования и здесь изложена лишь тезисно. 1950-е годы действительно были временем оттепели. Миллионы людей постепенно оттаивали, освобождались от леденящего страха, который, подобно арктическому паку, в течение трех десятилетий сковывал их души. Сфера и масштаб общественной активности в 1960-е годы значительно возросли, разительно изменились ее характер и состав участников, ее методы и формы стали более разнообразными. В начале десятилетия прошла вторая серия судебных процессов против подпольных групп, а затем протестное движение в стране повернуло на новый путь: в СССР впервые с 1920-х годов возникла общественно-политическая оппозиция с акцентом на сопротивление попыткам власти реабилитировать Сталина, на соблюдение Конституции и защиту прав человека, на экономические и политические реформы.

Основные направления и формы «шестидесятничества»:

– первые публикации о массовых репрессиях и жизни заключенных в лагерях ГУЛАГа;

– более острая постановка назревших и наболевших проблем. Публичная дискуссия об экономической реформе;

– коллективные письма-протесты против попыток реабилитации Сталина;

– первые судебные процессы против «инакомыслящих», вызвавшие открытый протест внутри страны (суд над Ю. Даниэлем и А. Синявским);

– «инакомыслие» в общественных науках (философия, экономическая наука, политология и социология, филология);

– в литературе, кино, театре, живописи во весь голос заговорило молодое послевоенное поколение авторов;

– расцвет «Самиздата»;

– первая политическая манифестация в стране – протест против вторжения советских войск в Чехословакию (25 августа 1968 г.);

– «инакомыслящие» и «диссиденты»;

– «диссиденты» и власть. Нарастание репрессий и начало правозащитного движения.

О.В. Чуракова

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ В 40–50-х ГОДАХ XX в. В СССР. БРАКИ С ИНОСТРАНЦАМИ

Чуракова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук.

Изменение научных парадигм и антропологический ренессанс гуманитарного знания конца XX – начала XXI в. позволили современным ученым значительно больше уделять внимания миру человека с его заботами и переживаниями, особенностям менталитета, поведенческими стереотипам. Интересно рассмотреть, например, историю судеб российских женщин, пожелавших выйти замуж за иностранцев.

Судьба «брачного вопроса» в СССР всегда была неразрывно связана с общеполитическими и социальными процессами в стране и мире. В период господства советской идеологии женщины, вступившие в связь с иностранцами, становились заложницами «большой политики». Особенно трагично сложилась судьба большинства из них после «горячей» Второй мировой в эпоху «холодной войны». Ситуация осложнялась в это время еще и катастрофическим демографическим положением. Государство тогда не считало возможным допустить свободный выезд из страны женщин фертильного возраста без риска снижения рождаемости в стране.

Советское правительство в 30–50-е годы XX в. пыталось законодательно регулировать семейную политику. Например, в 1936–1955 гг. были запрещены аборты, ужесточились условия развода, и в это же время была усилена помощь одиноким матерям. Что касается международных контактов, то во время Второй мировой войны и особенно в послевоенный период, была принята жесткая установка на идеологическую изоляцию граждан СССР. Отстраняя советских людей от контактов с иностранцами, власти пытались тем самым исключить любые каналы пропагандистского влияния Запада.

Обычно начало холодной войны связывают с речью У. Черчилля, произнесенной им в Фултоне в марте 1946 г. Между тем несомненные признаки «похолодания» международного климата уже чувствовались в период

войны, даже в отношении с союзниками. Поскольку большинству репрессированных в 30-е годы инкриминировалась «шпионская деятельность», то поддерживать какие-либо контакты с гражданами другой страны («другого мира»!) было крайне опасно. А уж тем более, если дело касалось «личных отношений». За связь с иностранцами женщин исключали из комсомола, партии, института, выгоняли с работы и могли отправить «в места не столь отдаленные». По словам английского капитана Питера Сквайра, с иностранцами у русских «может встречаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД» [1, с. 248]. Особенно бдительно следили власти за ситуацией в портовых городах, куда в годы войны прибывали тысячи иностранных моряков, доставлявших в СССР грузы по «ленд-лизу». Например, Архангельский и Мурманский интерклубы, находившиеся с 1942 г. в ведении Северного бассейнового комитета профсоюза моряков, в 1944 г. передали Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (ВОКС курировался НКВД), и интерклубы сразу же стали закрытыми для местного населения учреждениями [2, с. 31–32].

С началом «холодной войны» борьба с «тлетворным влиянием Запада» превратилась в кампанию по «борьбе с антипатриотизмом» («космополитизмом»). В январе 1947 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О мерах по улучшению центрального вещания». Это означало не просто ужесточение цензуры, но и изменение в содержании радиовещания. Радиопередачи призваны были убеждать советский народ, что все ценные изобретения и научные достижения человечества появились именно в России. В марте 1947 г. при министерствах и ведомствах были учреждены «суды чести», обязанные вести «непримиримую борьбу с низкопоклонством и раболепием перед западной культурой». Еще ранее, в феврале 1947 г., вышло Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Постановление утверждало проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, в котором было всего два пункта: «1. Воспретить браки между гражданами СССР и иностранцами. 2. Поручить Президиумам Верховных советов союзных республик привести законодательство республик в соответствие с настоящим Указом».

Основанием для принятия закона послужила следующее: «В непривычных условиях за границей советские девушки чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации». То есть, согласно патерналистской логике советской политики, государство защищало своих гражданок, решивших по незрелости своих идейных позиций покинуть Родину. На деле же власть пыталась решить две проблемы: демографическую и внешнеполитическую.

После Великой Отечественной войны государство нуждалось в женщинах детородного возраста, в то время как из оккупированных территорий страны большинство из них (по оценкам экспертов, несколько миллионов)

было угнано на принудительные работы в Германию. Часть выживших молодых женщин не собиралась возвращаться на Родину, обретя свою женскую судьбу за рубежом. По подсчетам историка из Файбурга доктора Павла Поляна, подобных «невозвращенок» насчитывалось около 16 тыс. (и примерно столько же было в этих семьях детей). Больше всего девушек осталось в Польше (5957 человек), меньше – в других странах: в Чехословакии – 1878, во Франции – 1200–1800, в Голландии – 600–800 человек. Самое небольшое число россиянок предпочли восточную зону Германии (46, по другим сведениям, 61 человек), а в восточной Австрии насчитывалось 35 советских гражданок, состоящих в браке с немцами или австрийцами [4].

В это время в СССР находилось несколько миллионов пленных немцев и их союзников (итальянцев и др.). Они принимали участие в восстановлении разрушенного хозяйства, изолировать их от местного населения было весьма трудно, а потому между россиянками и военнопленными часто завязывались тесные связи. Необходимо было не допустить их возможный отъезд из СССР.

В северных портовых городах после ухода союзных войск оставались русские жены иностранных моряков и их дети. Как правило, эти союзы не регистрировались официально, но в СССР законодательно была закреплена практика гражданских браков, когда супруги наделялись определенными правами. Мечтой каждой из морячек было воссоединиться с мужем на его исторической родине, но вместо дальних берегов большинство из них ждали тюрьмы. Указ от 15 февраля 1947 г. де-факто имел обратную силу и распространялся на тех гражданок, которые вышли замуж еще до его опубликования. За связь с иностранцами было предусмотрено наказание по 58-й статье за «антисоветскую агитацию», под которой подразумевался сам факт заключения брака, сожительства или романа с иностранцем [3, с. 688–695].

Не выпускали из страны и советских жен иностранных дипломатов. «Оберегая» гражданок СССР от «притеснений на чужбине», им не выдавали выездных виз. Так, в 1946 г. в британском посольстве в Москве собралось 15 молодых русских женщин, связавших свою судьбу с англичанами. Визы девушкам не давали, а английский посол предложил им развестись с мужьями. Под давлением органов НКВД девушки вынуждены были пойти это. Из них только одна – Клара Хол – отказалась от развода. Она единственная не покинула стен здания посольства и через 18 месяцев все же получила визу на выезд.

Подобная ситуация сложилась и с советской гражданкой – невесткой маршала Иосипа Броз Тито (в то время Тито – премьер-министр и министр иностранных дел ДФРЮ) – Тамарой Вегер. Она вышла замуж за сына маршала – Жарко Броза – в конце 1946 г. и была вынуждена остаться на территории югославского посольства. И только в августе 1947 г. молодой семье разрешили выехать из СССР. Однако отец Т. Вегер понес наказание за то, что

«способствовал браку дочери с сыном фашиста Тито, поддерживал с ней связь и скрывал это от советских и партийных органов». За то, что заместитель управляющего трестом «Севуралтяжстрой» после опубликования резолюции Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» не отказался от поездки в эту страну (он собирался навестить дочь) и не сообщил партийным органам и ЦК ВКП(б) об обстоятельствах, при которых его дочь оказалась изменником Родины, о своем отношении к ее поведению, Илья Маркович Вегер был исключен из рядов ВКП(б)»[1].

Пять лет просидела в номере московской гостиницы «Националь» советская гражданка Лидия Лесина, став заложницей дипломатического скандала между СССР и Чили. В декабре 1946 г. Лидия и Альваро Крус Лопес де Эредия – сын посла Республики Чили в СССР – доктора Луиса Давида Крус Окампо – расписались в одном из московских ЗАГСов, но последовавший в 1947 г. Закон о запрещении браков с иностранцами не позволил им выехать из страны. Как раз в это время возник дипломатический конфликт между СССР и Чили, и правительства отзывали своих представителей. Однако семья Крус не бросила Лидию и в 1953 г., уже после смерти «великого кормчего» и отмены Указа о запрете браков с иностранцами, семейная пара Крус-Лесина выехала в Чили.

Справедливости ради стоит отметить, что были и счастливые брачные союзы, но лишь у тех пар, которые успели выехать из России до запретительных мер. Так, в ноябре 1945 г. покинули страну Советов студентка Женя Думнова и ее муж, секретарь уругвайской дипломатической миссии Марио Хаунарена. Захватывающая история жизни Жени в Уругвае достойна книг и киносценариев.

Закон «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» был отменен 26 ноября 1953 г. Документ, подписанный председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым, предписывал: «Восстановить ст. 5 Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года».

Тем не менее браки советских граждан с иностранцами по-прежнему не одобрялись общественным мнением, на их пути чинились всевозможные препятствия. Репрессиям подвергались вступающие в брак с иностранцами и во времена «хрущёвской оттепели». За романы с иностранцами женщин увольняли с работы и не давали возможности трудоустроиться, а через месяц высылали в отдаленные районы страны как тунеядок. При Брежневе от желающих вступить в брак с иностранцами требовали предъявления такого количества разного рода документов, что их сбор становился зачастую трудноразрешимой проблемой. Регистрировать брак можно было лишь в некоторых

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 118. Л. 168–171.

ЗАГСах, да и то только в больших городах. Длительное время в РСФСР фактически не допускалось и применение норм иностранного семейного права. Лишь в 1975 г. СССР присоединился к международному договору, обязывающему предоставлять супругам из разных государств место жительства в стране любого из них.

Таким образом, советский закон 1947 г. о запрещении браков с иностранцами является своего рода казусом в мировой юридической практике и достоин изучения правоведами и историками в области международных отношений. «Брачная политика» СССР демонстрирует смену политических и культурных ориентиров в стране на протяжении второй половины XX в., а в отечественной истории дипломатии остается еще немало лакун, ждущих своего наполнения.

Литература

1. Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945). – М.: РОССПЭН, 2011. – 438 с.

2. Голубцова О.В. Любовь по ленд-лизу: Документальная повесть о судьбах женщин, друживших с иностранцами. – Архангельск, 2007. – 207 с.

3. Материалы по делам о браках между советскими и иностранными гражданами // Советская жизнь, 1945–1953 / Сост.: Зубкова Е.Ю., Кошелева Л.П., Кузнецова Г.А., Минюк А.И., Роговая Л.А. – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.

4. Полян П. Родина или муж? // «Партнер» [Электронный ресурс]. – 2013. – № 2 (185). – http://www.partner-inform.de/partner/detail/2013/2/172/5830 (Дата доступа: 12.03.2013.)

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П.М. Шульгин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОКЛАД О СОСТОЯНИИ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ И РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заведующий отделом комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики и социально-экономических программ НИУ ВШЭ.

2014 год был объявлен Годом культуры в Российской Федерации. Такое знаковое событие могло бы стать своего рода ключевым этапом в развитии этой важнейшей и в социальном, и в экономическом значении сферы. Хотелось, чтобы при проведении этого года он предстал бы не только очередным парадом смотров и фестивалей различных культурных достижений, но и был бы связан с глубоким анализом проблем развития культуры с выявлением основных недостатков, определением путей их преодоления и принятием судьбоносных решений, которые двинут культуру вперед.

Первоначально казалось, что основа этого движения будет заложена в подготовленном Министерством культуры Российской Федерации документе, озаглавленном «Основы государственной культурной политики». Однако первый его проект оставил довольно тягостное впечатление. Он вызвал отторжение у специалистов и своей аморфностью, и отсутствием стратегического ви́дения, и банальностями, если не сказать странностями. Пожалуй, самым запоминающимся и цитируемым пассажем этого труда стал тезис о том, что Россия – это не Европа, ставящий в тупик и преподавателей географии и специалистов по российской культуре. Стоит, наверное, напомнить ответ на этот вопрос, данный в свое время академиком Д.С. Лихачёвым. В своей последней большой книге «Раздумья о России», обобщая предыдущие работы, он очень четко определил: «Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой»[1].

1. Лихачёв Д.С. Раздумья о России. – СПб., 1999. – 672 с.

Но вот к концу года появился новый документ Министерства культуры, который носит впечатляющее название «Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году»[2]. Это первый подобный доклад в истории нашей страны. Его разработка основывается на специально принятом законодательном акте[3]. И возникла надежда, что уж этот документ даст достойный анализ проблем сферы культуры. Что он, как подобает государственному докладу, отметит наиболее важные тенденции последних лет, даст оценку достигнутому, а в целом послужит основой для научного осмысления ситуации в этой сфере и принятия верных практических решений.

Однако и здесь исследователей ожидало разочарование. Детальное изучение этого 350-страничного материала создает впечатление, что вместо государственного доклада нам представлен ведомственный отчет, своего рода справка о проведенных в 2013 г. текущих мероприятиях. Перечисляются юбилеи, фестивали, гранты, конференции, но практически нет анализа происходящих процессов и их оценки.

Говоря простым языком, при чтении этого труда складывается общее ощущение какой-то словесной каши, размазанной ровным слоем без смысловых акцентов и приоритетов по важности или сложности проблем. Постоянным рефреном идут слова о том, что важнейшими задачами являются обеспечение доступности культуры для населения, обеспечение достойного потребления населением культурных благ и услуг. Но какой является современная обеспеченность учреждениями культуры? Высокими или низкими являются показатели доступности услуг сферы культуры для населения? Для населения каких регионов она доступна более, а для каких – менее? Все эти вопросы остаются без ответа. Более того, отдельные содержащиеся в докладе утверждения, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Остановимся сначала на анализе ситуации в сфере сохранения культурного наследия, с которой начинается детальный анализ состояния культуры в стране. Так, в разделе доклада, посвященном этой теме, с показной бравадой говорится о стабильном увеличении численности объектов культурного наследия. Однако реальные цифры скорее говорят о застое в деле охраны памятников истории и культуры. Так, за 2013 г. на государственную охрану было поставлено 407 объектов культурного наследия – это меньше, чем

2. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. – http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad

3. Федеральный закон Российской Федерации от 22 апреля 2013 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" и статьи 9 и 12^1 Федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации"». – Российская газета, 24 апреля 2013 г.

в 2012 г. Но главное в том, что это чрезвычайно мизерная величина по отношению к общему числу памятников истории и культуры, которые следовало бы поставить на государственную охрану.

Напомним, что в целом в стране насчитывалось более 130 тыс. объектов культурного наследия – это археологические памятники, памятники архитектуры, объекты, связанные с историческими событиями и жизнью замечательных людей, достопримечательные места. Но помимо них было выявлено еще 117 тыс. объектов культурного наследия, которые нуждаются в постановке на государственный учет (табл. 1). Поражает соотношение этих показателей: получается, что помимо как бы официально охраняемых памятников истории и культуры существует еще практически такой же многотысячный массив объектов культурного наследия, который находится в «подвешенном» состоянии, положение которого до конца четко и не определено. Проблема же в том, что если мы хотим, чтобы все выявленные специалистами памятники были поставлены на государственную охрану и должным образом оберегались, то при современных темпах паспортизации памятников и рассмотрения подготовленных документов для этого потребуется почти 300 лет.

Таблица 1

**ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ,
СТОЯЩИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧЕТЕ, И ВЫЯВЛЕННЫЕ ПОМИМО ТОГО
ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ЯНВАРЯ 2013 г.**

Виды объектов культурного наследия	*Количество объектов культурного наследия, стоящих на государственном учете, ед.*	*Выявленные объекты культурного наследия, ед.*	*Соотношение выявленных объектов с количеством объектов, стоящих на государственном учете, %*
Памятники	125 523	112 853	89,9
Ансамбли	3502	1888	53,9
Достопримечательные места	1637	2560	156,4
Всего объектов культурного наследия	130 662	117 301	89,8

Таблица составлена на основании материалов «Ежегодного государственного доклада о состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на 1 января 2013 г. – М., Институт Наследия, 2013.

В 50 субъектах Российской Федерации в 2013 г. не поставили на охрану ни одного нового памятника истории и культуры. Более того, ретроспективный анализ статистической информации показывает, что почти половина регионов страны вообще не поставили на охрану ни одного памятника с 1991 г. То есть сколько их было там поставлено на государственную охрану еще

в Советском Союзе, столько охраняется и сейчас. Такая позиция очень удобна для местных властей: не нужно тратить дополнительные средства на охрану исторических достопримечательностей, не возникает помех при реализации планов нового строительства.

Уместно привести здесь примеры из недавней истории Москвы, когда ценные в архитектурном и историческом отношении здания Военторга и гостиницы «Москва» были разрушены и заменены новоделами. Это смогло произойти, потому что они так и не были поставлены на государственный учет и не успели получить соответствующих охранных обязательств, несмотря на то, что специалисты считали их выявленными объектами наследия и рекомендовали к безусловному включению в число охраняемых памятников истории и культуры.

На самом деле и искусствоведы, и краеведы, и археологи постоянно выявляют новые ценные в историческом и архитектурном отношении объекты. Меняется наше отношение к наследию, и то, что раньше не считалось таковым, сейчас заслуживает несомненной охраны, например архитектурные памятники XX в. Существующая инерция с принятием объектов культурного наследия на государственную охрану должна быть признана недопустимой. И в государственном докладе должна звучать не бравада, а четкая констатация, что существующее положение не отвечает интересам страны, не соответствует задаче сохранения исторического потенциала России, пагубно сказывается на авторитете нашей страны в мире.

В представленных Министерством культуры материалах в традиционном жанре бюрократической справки перечисляется, какие объекты культурного наследия реставрировались за истекший год, и какие суммы на эту реставрацию были выделены. Но жанр государственного доклада должен, прежде всего, предполагать именно анализ этих цифр – много было выделено средств, или мало; насколько эффективно они используются. Этого в материалах Министерства культуры нет, хотя проблему нехватки средств на сохранение национального наследия следует признать хронической и, пожалуй, наиболее серьезной.

Статистический анализ показывает, что реставрационные работы ведутся всего на 3% объектов культурного наследия (при этом только в аварийном состоянии находятся от 4 до 5% памятников истории и культуры). Очевидно также, что общая величина выделяемых на реставрацию средств ничтожно мала. При расчете в среднем на один памятник приходится примерно 250 тыс. руб. реставрационных инвестиций за год. На эти деньги можно отреставрировать только несколько кубических метров исторического здания, их недостаточно даже для разработки реставрационного проекта. Негативная ситуация усугубляется значительной территориальной неравномерностью распределения реставрационных средств. Половина из них приходится на

Санкт-Петербург и Москву, а для российской провинции денег на реставрацию практически не остается.

Много дискуссий идет в последнее время о судьбе национального кинематографа, этого, по точному выражению Ленина, «важнейшего из искусств». В докладе кинематографу посвящен достаточно большой раздел. Но из всего многостраничного текста этого раздела остается неясным, сколько же население потребляет услуг кино, какова динамика этого потребления и какова степень удовлетворения потребности. Для государственного доклада, наверное, важно не только перечислить снятые за отчетный год фильмы и дать их краткое содержание (это, повторюсь, – жанр справки о проделанной работе), а обозначить существующие проблемы.

Следует отметить, прежде всего, чрезвычайно резкое сокращение посещаемости кино в целом (табл. 2). В настоящее время посещаемость киносеансов составляет 0,4 раза в год на одного жителя, тогда как в 1980 г. этот показатель составлял 18 раз, а в 1990 г. – 11. Несомненно, что с развитием телевидения и компьютерной техники посещаемость кино снижается во всем мире. Но важно представлять, насколько это падение оправданно для нашей страны. Думается, что этот показатель крайне низок из-за неправильно сложившейся прокатной системы, из-за того, что многие талантливые фильмы не доходят до зрителя. Практически прекратил работу кинопрокат в сельской местности. Показательно, что, если многие предыдущие годы село превышало город по посещаемости киносеансов в расчете на одного жителя, то в последние несколько лет этот показатель на селе снизился по сравнению с городским. Ни эти факты, ни обзор негативных и позитивных тенденций не нашли отражения в докладе.

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИНООБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Показатель	*1990 г.*	*2008 г.*	*2012 г.*	*2012 г. к 1990 г., %*	*2012 г. к 2008 г., %*
Количество посещений киносеансов, млн	1609,0	58,8	56,3	3,5	95,7
В том числе, в сельской местности, млн	540,0	7,0	4,0	0,1	57,1
Количество посещений киносеансов на 1 жителя в год	11,0	0,41	0,39	3,5	95,1
Количество посещений киносеансов на 1 сельского жителя в год	14,0	0,3	0,1	0,1	33,3

Таблица составлена на основании следующих источников: Российский Статистический ежегодник. – М., 2009; Российский Статистический ежегодник. – М., 2013.

В чем-то эта позиция со статистической обеспеченностью государственного доклада о состоянии культуры удивительно напоминает ситуацию в целом в сфере статистики периода конца 1970-х – начала 1980-х годов. Застой в стране привел к полной стагнации производства и потребления; несмотря на непомерные инвестиции в сельское хозяйство, совершенно не росло сельскохозяйственное производство, что привело к значительному увеличению закупок зерна за рубежом. Но в результате были засекречены и изъяты из статистических сборников цифры производства зерновых, далее, перестали публиковать цифры выпуска автомобилей, другой продукции… Авторы доклада о состоянии культуры также тщательно избегают анализа показателей потребления услуг, уходят от сравнительных характеристик.

Так, например, в разделе, посвященном музеям, приводятся цифры роста музейных фондов, количества выставок и прочее, но нигде не упоминаются результирующие показатели – посещаемость музеев в расчете на одного жителя и удовлетворение потребностей населения в музейных услугах. А эти показатели также заставляют задуматься. В среднем посещаемость музеев за последние годы составляет всего 0,5–0,6 посещений в год на одного жителя страны.

В 1960-е годы с началом развития социологии начали публиковаться многие интересные данные в сфере культурной статистики, основанные на выборочных социологических исследованиях в различных регионах страны. Еще тогда достаточно обескураживающими выглядели данные социологических опросов, которые говорили, что от 60 до 70% населения не бывают в музеях вообще. Радует, что музейная посещаемость и количество музеев за последние годы все-таки понемногу увеличиваются. Но на что надо обратить первоочередное внимание, чтобы сделать этот рост устойчивым и ощутимым? Представленный государственный доклад практически не дает анализа проявляющихся тенденций, не высказывает содержательных рекомендаций.

В то же время в последние десятилетия в музейном деле обращает на себя внимание чрезвычайно важная тенденция, связанная с развитием музеев-заповедников. Российские музеи-заповедники являются особым типом учреждения культуры. Современный музей-заповедник создается для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия в их традиционной исторической (культурной и природной) среде. Отличие музеев-заповедников от других учреждений культуры заключается в том, что в их ведении находятся не только музейные предметы и коллекции, но и недвижимые объекты культурного наследия, а также окружающая их территория.

Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять архитектурные, археологические или мемориальные памятники, а также собственно историческую территорию,

в том числе уникальные культурные и природные ландшафты. Они осуществляют не только музейную, но и туристско-экскурсионную, просветительскую деятельность, принимают участие в развитии социальной инфраструктуры.

В то же время это и наиболее привлекательные объекты для посещения российскими и зарубежными гражданами. Общая посещаемость музеев-заповедников в 2014 г. составила более 30 млн человек. Составляя всего 5% от общего числа музейных учреждений в стране, музеи-заповедники (а их на территории страны насчитывается примерно 160, включая музеи-усадьбы) обеспечивают до 30% посещаемости музейных учреждений России.

Благодаря развитию культурно-познавательного туризма и деятельности музеев-заповедников комплекс историко-культурного и природного наследия начинает восприниматься как особый и чрезвычайно значимый социально-экономический ресурс для развития местной экономики. Известные и посещаемые музеи-заповедники оказывают услуг в сфере культуры и туризма на десятки миллионов рублей, они фактически являются крупнейшими предприятиями и налогоплательщиками в бюджеты органов местного самоуправления. Например, ведущую социальную и экономическую роль в своих регионах играют такие музеи-заповедники, как «Ясная Поляна» в Тульской области, «Михайловское» – в Псковской, «Тарханы» – в Пензенской, Кирилло-Белозерский музей-заповедник в Вологодской области и многие другие. Прямые и косвенные поступления в бюджет района в связи с деятельностью этих музеев-заповедников составляют от трети до двух третей его объема. Многие музеи-заповедники в российской провинции становятся центрами культурного развития, образовательной деятельности, духовной жизни, превращаются в очаги экономической активности.

При этом хотелось бы отметить, что даже в непростые для развития нашей экономики 1990-е годы, принятые решения о создании музеев-заповедников оправдали себя. Можно привести примеры создания таких музеев-заповедников, как «Казанский Кремль» (1994) или «Куликово поле» (1996), которые стали признанными лидерами в музейной сфере. Сейчас этому перспективному направлению музейного развития практически не уделяется внимания.

В разделе государственного доклада, посвященного театрам, подробно описывается работа театров Москвы и Санкт-Петербурга, дается анализ театральной жизни в российской провинции, но социально-экономический анализ деятельности этой отрасли почему-то спрятан в самом дальнем приложении. Только из него мы можем определить, что посещаемость театров составляет всего 0,2 раза в год в среднем на одного жителя. Если же обратиться к данным социологических опросов, то выяснится, что и здесь до 80% населения не посещает театр вообще. На еще более низком уровне находится посещае-

мость концертов – 0,14 посещений в год на одного жителя страны, и при этом данный показатель не только не увеличивается, а даже несколько уменьшился за последние пять лет.

Десятки страниц доклада изобилуют перечислением различных мероприятий: выданы такие-то гранты; проведены такие-то круглые столы; такие-то мероприятия «были направлены на обеспечение системы государственной поддержки мероприятий в различных регионах России и культурных акций за рубежом»; «была продолжена работа по совершенствованию организационно-творческой работы подведомственных организаций». Но, наверное, еще более важно было отметить в докладе, какой результат принесли выдаваемые гранты, в чем эффективность проводимых мероприятий, какие из них необходимо продолжать, а какие исчерпали себя. Любая корпорация, заказывающая аналитический доклад, будет стремиться получить именно такую информацию, показывающую реальное положение без прикрас и без недомолвок, чтобы принять грамотные и взвешенные решения на перспективу. Наверное, и первый государственный доклад о состоянии культуры в стране заказывался именно с этими целями.

И еще на одну особенность доклада нельзя не обратить внимание. Полностью отсутствует региональный аспект анализа состояния культуры в Российской Федерации. Стоит напомнить, что наша страна является самой большой по площади в мире, мы гордимся, что в ней проживают почти 200 народов и этнографических групп со своей самобытной культурой. Развитие сферы культуры на таком пространстве связано с разнообразными трудностями, вызванными как необходимостью обеспечить территориальную доступность услуг для населения, так и поисками оптимальных схем организации тех или иных видов культурно-просветительной деятельности в различных природных и экономико-географических условиях.

Как обстоят дела с развитием культуры в различных регионах России? В чем, к примеру, сходство и различие проблем культурного развития Дальнего Востока и Северного Кавказа? Насколько эффективно развивается культура на северных территориях? Нет ответа. Нет на страницах доклада и ни одной карты или картосхемы, которые иллюстрировали бы состояние культуры на территории страны. Мы не можем представить из материалов доклада, какие регионы находятся в лидерах, а какие являются отстающими, в чем причины этого отставания и что надо сделать, чтобы его преодолеть.

Безотлагательного решения требуют меры по развитию культуры в сельской местности. Однако по этой теме даны мало внятные комментарии, хотя привлечь внимание к проблемам села в государственном докладе следовало бы в полной мере. Ведущими культурными центрами там остаются клубные учреждения и библиотеки. К сожалению, сеть их неуклонно сокращается. Так, общее количество клубных учреждений в сельской местности только за

последние годы сократилось на 10%, сельских библиотек – на 15% (табл. 3 и 4). Здесь важно отметить, что такое снижение численности учреждений происходит уже после резкого падения обеспеченности ими села в начале 1990-х годов. В определенной степени это связано с действием объективных факторов, таких как снижение численности сельского населения и сокращение общего количества сельских населенных пунктов. Но интенсивность падения показателей развития сферы культуры на селе превосходит показатели сокращения сельского населения. Очень активную роль в последнее время сыграл и фактор «оптимизации» бюджетных отраслей.

Таблица 3

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КЛУБНОГО ТИПА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Показатель	*2008 г.*	*2012 г.*	*2012 г. к 2008 г., %*
Количество учреждений клубного типа, ед.	42 698	38 424	90,0
Количество учреждений клубного типа на 10 тыс. жителей	11,0	10,3	93,6
Количество мест в них, тыс.	7063,3	6356,0	90,0
Количество мест на 1 тыс. жителей	182,0	170,3	93,6
Количество посетителей, млн	62,6	55,8	89,1
Количество посещений учреждений клубного типа на 1 жителя в год	1,65	1,49	90,3

Таблица составлена на основании следующих источников: Российский Статистический ежегодник. – М., 2009; Российский Статистический ежегодник. – М., 2013.

Таблица 4

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Показатель	*2008 г.*	*2012 г.*	*2012 г. к 2008 г., %*
Количество библиотек, ед.	36 211	31 031	85,7
Количество библиотек на 10 тыс. жителей	9,53	8,32	87,3
Количество пользователей, млн	19,3	16,6	86,0
Количество пользователей на 1 тыс. жителей	507	445	87,8
Библиотечный фонд, млн экз.	330,1	279,9	84,8
Библиотечный фонд в среднем на 1 тыс. жителей	8680	7502	86,4
Выдано экземпляров всего, млн	444	382	86,0
Выдано экземпляров на 1 жителя в год	11,7	10,2	87,2

Таблица составлена на основании следующих источников: Российский Статистический ежегодник. – М., 2009; Российский Статистический ежегодник. – М., 2013.

С сокращением количества сельских учреждений культуры связан и тот факт, что неуклонно сокращаются и результативные показатели их работы: посещаемость или количество книговыдач в расчете на одного сельского жителя (табл. 3 и 4). Несомненно, что продолжающийся процесс деградации культуры на селе должен быть приостановлен. Иначе это необратимо приведет к сокращению форм рационального проведения досуга, невозможности должным образом реализовывать их творческие потребности и способности и в целом негативно скажется на воспитании детей.

Документ, заменивший существующие проблемы в сфере культуры перечислением снятых за текущий год фильмов или театральных постановок, названий выставок, праздников и фестивалей, вряд ли можно квалифицировать, как государственный доклад. Думается, что отсутствие научного анализа в тексте доклада напрямую связано и с предпринятыми Министерством культуры в 2013 г. усилиями по ликвидации отраслевой науки. Напомним, что все из пяти подведомственных Министерству культуры научно-исследовательских институтов лишились своих директоров (четверо были вынуждены уйти, а один, к сожалению, умер). Ушли из институтов многие ведущие сотрудники.

Создается впечатление, что авторы доклада решили сделать его беспроблемным, своего рода красивым фантиком к Году культуры, и для этой цели решили не показывать реальной ситуации в отрасли. В итоге мы не можем в тексте доклада найти количественную оценку результатов развития различных подотраслей культуры и сравнение этих результатов с нормативным уровнем или с уровнем других стран; отсутствует вообще какой-либо разговор о региональных диспропорциях развития культуры, анализ удачных или неудавшихся начинаний.

Вместе с тем современную ситуацию в сфере культуры, скорее, можно оценить как кризисную. Эта сфера испытывает постоянную нехватку средств; усугубляется проблема обеспеченности кадрами, прежде всего квалифицированными; объем реставрационных работ на объектах культурного наследия отстает от разрушений, вызванных временем или небрежным отношением к памятникам истории и культуры. За последние десятилетия не удается совершить прорыва в обеспеченности учреждений культуры ресурсами, и она остается на низком уровне. В целом по объему затрачиваемых на культуру инвестиций (в расчете на одного жителя страны) Россия остается на одном из последних мест в Европе (табл. 5).

Таблица 5

**РАСХОДЫ НА КУЛЬТУРУ И ИСКУССТВО В РОССИИ
И В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ В РАСЧЕТЕ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(В ПЕРЕСЧЕТЕ В ЕВРО, В ТЕКУЩИХ ЦЕНАХ)***

Страна	*2003 г.*	*2011 г.*
Люксембург	675	941
Нидерланды	270	310
Дания	240	305
Швеция	193	239
Франция	176	235
Эстония	87	152
Литва	29	63
Венгрия	65	77
Польша	33	65
Россия	12	54
Болгария	10	21

* В таблице приведены данные по пяти лидирующим в расходах на культуру европейским странам, а также по ряду бывших социалистических стран и стран Прибалтики. Таблица рассчитана по данным статистической базы Евростата (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/government_finance_statistics/data/database).

Резюмируем: из представленного доклада мы практически не видим существующих проблем в сфере культуры, и на его основе трудно дать оценку о состоянии культуры в Российской Федерации. Однако, вне сомнения, можно оценить состояние дел в самом Министерстве культуры.

В.В. Пацюков

МУЗЕЙ «МУРАНОВО» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Пацюков Владимир Владимирович – заместитель директора по научной работе музея «Мураново».

«Есть милая страна, есть угол на земле», – так писал о Муранове Евгений Боратынский, построивший здесь в 1840–1842 гг. главный усадебный дом. Этому дому суждено было стать одним из интереснейших исторических мемориальных музеев Европы, хранилищем уникальных коллекций, собранных усилиями четырех семей: Энгельгардтов, Боратынских, Путят и Тютчевых.

В истории не только русской, но и западноевропейской культуры Мураново занимает особо почетное место. В 1926 г. Максимилиан Волошин оставил такую запись в книге посетителей музея: «Без Муранова будет потерян живой ключ к истокам русской философской Поэзии, перестанет быть осязаема связь быта и пейзажа с лирикой Боратынского и Тютчева, исчезнет конкретная предпосылка к самым глубоким и отвлеченным достижениям мысли нашего века…»

Волею судеб Мураново оказалось практически единственной в России усадьбой, сохранившейся до наших дней, несмотря на все потрясения XX в., коренным образом изменившие весь жизненный уклад и лицо России.

Музей-заповедник «Усадьба “Мураново” имени Ф.И. Тютчева» находится в 50 км от Москвы по дороге в Ярославль. Этот уникальный памятник истории культуры XIX в. заслуженно пользуется славой «жемчужины русской усадебной культуры», а его главный усадебный дом уже 170 лет носит всемирно известное название «Дом поэтов».

Литературная история усадьбы восходит к началу XIX в., когда ее хозяином стал генерал-аншеф Лев Николаевич Энгельгардт. Через много лет после его смерти в амбаре мурановской усадьбы были найдены воспоминания Льва Николаевича, ярко живописующие исторические события конца XVIII – начала XIX в. Мемуары Энгельгардта невероятно увлекательны. Сегодня они

постоянно переиздаются, однако найти их на полках книжных магазинов весьма затруднительно.

В Большой гостиной главного дома усадьбы среди многочисленных портретов XVIII–XIX вв. отдельно висит замечательная пастель работы Карла Барду. На ней изображено все семейство Льва Николаевича: сам генерал, его супруга Екатерина Петровна (урожденная Татищева), сын Петр и три дочери – Анастасия, Наталия и Ольга. Старшая девочка – Анастасия – изображена с корзинкой в левой руке. Именно ей суждено стать супругой выдающегося русского поэта Евгения Боратынского. Впервые поэт посетил Мураново вместе со своим другом, поэтом-партизаном Денисом Давыдовом. Увидев Настасью Львовну, влюбленный «первый элегический поэт» (эпитет, данный своему собрату по перу А.С. Пушкиным) предложил дочери хозяина усадьбы руку и сердце.

Согласно мурановской традиции, усадьба переходила в наследство по женской линии, и после смерти тестя Евгений Абрамович становится полноправным владельцем усадьбы. В Муранове поэт занимается лесоустроительными работами, разбивает регулярный парк, строит две оранжереи. В 1840–1842 гг. Боратынский возводит по собственным чертежам новый господский дом, дошедший до нашего времени с небольшими переделками. По замыслу поэта, архитектурный облик дома напоминает одновременно и замок с башенкой и бельведером, и английский коттедж.

К сожалению, мечте Евгения Абрамовича о счастливой семейной жизни в построенном доме не суждено было сбыться. Он скоропостижно скончался в Неаполе во время своего последнего путешествия в 1844 г. Настасья Львовна Боратынская не нашла в себе сил вернуться в поместье, но всю оставшуюся жизнь вдова поэта посвятила редактированию и изданию поэтических шедевров мужа. Права на владение Мурановым она передала своей младшей сестре Ольге. Маленькая фигурка будущей владелицы усадьбы замыкает композицию семейного портрета Карла Барду. К моменту вступления в наследственные права Ольга вышла замуж за Николая Васильевича Путяту, который служил в одном полку с покойным поэтом. Друзей связывала не только армейская служба, но и литературные пристрастия, и семейные отношения. Особым мистическим образом связала их судьбы и усадьба Мураново. Путята продолжил обустройство усадьбы, занялся небольшой перестройкой дома. Оставив военное поприще, он возглавил общество любителей российской словесности при Московском университете. При Николае Васильевиче Мураново посещают его друзья: Гоголь, Аксаков, многие известные русские поэты и писатели, князь В.Ф. Одоевский, княгиня Е.П. Ростопчина, С.А. Соболевский, С.Д. Полторацкий и др. Их раритеты и сегодня можно увидеть в мурановском доме. Угловая южная комната на втором этаже

дома после визита автора «Мертвых душ» хранит память о писателе даже в своем названии – «Гоголевская комната».

Дочь Николая Васильевича и Ольги Львовны – Ольга – вышла замуж за сына великого русского поэта-философа Ф.И. Тютчева – Ивана Фёдоровича Тютчева, гофмейстера Двора Его Императорского Величества. Благодаря своему уму, огромным знаниям, энергии и безукоризненной честности Иван Фёдорович 4 раза избирался судьей Дмитровского уезда, стал членом Государственного совета. Несмотря на невероятную занятость государственной и общественной деятельностью, Иван Фёдорович отдал всего себя устроительству усадьбы. Он построил целый ряд зданий, сегодня они составляют основу мемориального ансамбля усадьбы. Названия этих строений раскрывают их функциональное назначение: «Кучерская», «Сенной сарай», «Амбар», «Детский домик», «Флигель», «Кухня», «Ледник», «Гладилка», «Прачечная», «Сарай на лугу», усадебный Храм Спаса Нерукотворного. Часть построенных И.Ф. Тютчевым зданий не сохранилась. Среди них намеченные к восстановлению Генеральным планом развития Музея-заповедника «Школа», «Молотильный сарай» и «Каретный сарай».

После смерти отца Иван Фёдорович и его мать, вдова Ф.И. Тютчева – Эрнестина Фёдоровна (урожденная баронесса фон Пфеффель), – перевезли в имение обстановку спальни Фёдора Ивановича из Царского села, его рукописи, книги, предметы декоративно-прикладного искусства. В Мураново перевезли и московский кабинет И.С. Аксакова после его смерти. Аксаков был женат на сестре Ивана Фёдоровича – Анне Фёдоровне, воспитательнице детей Государя Александра II и автора знаменитой книги «При дворе двух Императоров». Сегодня его кабинет размещается в хранящей имя писателя угловой комнате по северному фасаду, напротив Гоголевской комнаты. Так, постепенно, может быть даже еще неосознанно, Тютчевы начинают формировать мемориальную коллекцию и экспозицию будущего музея.

Иван Фёдорович ушел из жизни в предреволюционном 1909 г. Находясь в это время в Петербурге, он завещал быть похороненным в Муранове, у восточной стены построенного им Храма. Огромная людская процессия совершила скорбный путь от Петербургского вокзала в Мураново. В усадьбу на его похороны приехала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Царственная семья прислала букет из белых лилий, службу в Храме возглавил будущий священномученик епископ Димитрий Добросердов. Трудно переоценить вклад Ивана Фёдоровича в процветание и развитие не только Муранова, но и всей России, которой он беззаветно служил всю свою жизнь.

После смерти Ивана Фёдоровича заботы об усадьбе взял на себя его сын – Николай Иванович Тютчев. Именно ему, воспитаннику Демидовского лицея, чиновнику «Особых поручений» при Губернаторе московском Великом князе Сергее Александровиче, церемониймейстеру Высочайшего двора, последнему

старосте Английского клуба, выпала особая историческая роль превратить семейное дворянское родовое гнездо в музей. В самые драматические для России революционные годы Николай Иванович не только смог сохранить родовую усадьбу, но и создать воистину шедевр музейного дела. Благодаря его стараниям в 1918 г. Совет Народных комиссаров в лице Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины выдал Ольге Николаевне Тютчевой охранную грамоту на усадьбу, что смогло защитить ее от разграбления. Усадебный дом был опечатан и взят под охрану. Охрана, правда, состояла всего из двух сторожей. Мандат хранителя усадьбы получил Василий Евгеньевич Пигарев, бывший секретарь Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, женатый на сестре Николая Ивановича – Екатерине Ивановне.

Решением Совнаркома в 1920 г. усадьба преобразуется в музей, а ее главным хранителем назначается Николай Иванович Тютчев. Он создает в Муранове экспозицию, посвященную уходящей усадебной культуре и ее выдающимся представителям. Особо знаковой и глубоко символичной стала дата открытия музея – 1 августа 1920 г. – день прославления великого русского старца Серафима Саровского. Николай Иванович выбирает этот день, ставший днем рождения музея, неслучайно: еще до канонизации Серафима Саровского его чтили в семье, как ее небесного покровителя. И сегодня музей бережно хранит прижизненный портрет Преподобного старца, чтя духовные и культурные традиции, передаваемые в Муранове из поколения в поколение.

Выдающийся искусствовед А.Н. Свирин в своих воспоминаниях «Люди. Вещи. Природа» удивительно точно охарактеризовал как сам музей, так и людей, его создававших: «Замечательное собрание различных произведений искусства, выдающаяся коллекция фарфора XVIII и XIX вв., подлинно художественная обстановка, – все это составляло окружение живших здесь людей, не могло не воздействовать на их общий интеллектуальный уровень. Этот дом был свидетелем жизни и деятельности людей высокой культуры, людей широкой образованности. Создать этот музей могли люди, органически связанные с ушедшей дворянской культурой, сложившейся на основе общенациональной культуры».

Уже будучи музеем, и дом и усадьба продолжают принимать гостей при Николае Ивановиче. Сюда приезжают художники М.В. Нестеров, П.И. Петровичев, А.И. Кравченко, лицеистский товарищ Н.И. Тютчева и будущий Патриарх Алексий I (Семанский), архитектор и профессор А.В. Бунин, многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Известность музея возрастала. В 1946 г. Н.И. Тютчев был награжден за свою деятельность орденом Трудового Красного Знамени. Решением правительства ему также присудили звание заслуженного деятеля искусств. Николай Иванович умер в 1949 г. Его

похоронили в родных пенатах, где он родился, трудился и жил, рядом с могилой отца у восточной стены мурановского Храма.

Постоянным помощником Николая Ивановича был его племянник Кирилл Васильевич Пигарев, который после смерти Н.И. Тютчева был назначен директором музея. Ему суждено было сделать Мураново научно-исследовательским центром по изучению творческого наследия Ф.И. Тютчева и Е.А. Боратынского.

Творческая деятельность К.В. Пигарева началась в 17 лет. В 1928 г. в свет вышли его первые литературоведческие работы. Как сын дворянина, он не мог учиться в советской школе и получил домашние образование здесь, в Муранове. И какое образование! Он знал несколько языков, а его учителями были воспитательница детей Николая II – Софья Ивановна Тютчева, дядя Н.И. Тютчев, обладающий обширнейшими познаниями в области юриспруденции и искусствоведения, родители, художник Михаил Васильевич Нестеров, выдающийся литературовед и богослов Сергей Николаевич Дурылин.

Во время Великой Отечественной войны К.В. Пигарев пишет историческое исследование о А.В. Суворове: «Солдат-полководец. Очерки о Суворове». Сохранилась записка Сталина, адресованная Пигареву, где он – первый читатель и редактор книги – отмечает ее достоинства, а также необходимость скорейшей публикации в условиях военного времени. В 1944 г. Пигарев защищает эту книгу как диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1942 г. Кирилл Васильевич был принят в Союз писателей СССР. Вся творческая деятельность К.В. Пигарева, продолжавшаяся более полувека, была посвящена филологии и музейной работе. Его научные интересы охватывали целый ряд значительных явлений и важнейших проблем истории русской литературы XVIII–XIX вв. Но все же главной научной темой его исследований стали жизнь и творчество великого прадеда. Написанная им монография «Жизнь и творчество Тютчева» и сегодня служит незаменимым научным пособием для целого поколения тютчевоведов и историков русской литературы. Кириллу Васильевичу принадлежит около 100 публикаций на «тютчевскую» тему. Под его научным руководством работали многочисленные отечественные и зарубежные ученые, причем не только из стран Европы, но и из Японии. В 1973 г. за многолетнюю и плодотворную деятельность К.В. Пигареву было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР. В 1984 г., подготовив к изданию вместе с мурановскими сотрудниками и коллегами эпохальный труд – «тютчевский» двухтомник в серии «Литературное наследство», Кирилл Васильевич после продолжительной болезни скончался. По уже сложившей семейной традиции он был похоронен рядом с могилами деда и дяди у алтаря Храма Спаса Нерукотворного в Муранове.

Сегодня музей-усадьба «Мураново» преобразован в государственное автономное учреждение культуры Московской области Музей-заповедник «Усадьба “Мураново” имени Ф.И. Тютчева». Возглавляет коллектив музея Игорь Александрович Комаров, известный искусствовед, историк и музейщик с огромным стажем и опытом работы.

Фонды музея насчитывают свыше 28 тыс. единиц хранения. Это письма и документы родового архива Тютчевых, книги мемориальной библиотеки, произведения живописи, оригинальной графики и эстампа, коллекции дагерротипов и фотографий, старинных часов, светильников, фарфоровых изделий, образцов мебели русских и западноевропейских мастеров XVIII–XIX вв. В музее-заповеднике работают 70 человек, бережно и кропотливо занимающихся сохранением, пропагандой, изучением и реставрацией этого выдающегося памятника историко-культурного наследия, а также хранящихся в нем раритетов.

Нельзя не вспомнить высказывание об усадьбе одного из крупнейших русских церковных писателей – Евгения Погожева (псевд. – Поселянина): «Главное в Муранове – это те воспоминания, которые связаны с лицами, имевшими к нему отношение, это печать мысли и чувства» (журнал «Столица и усадьба», 1915). Печать этих воспоминаний лежит на всем культурном наследии музея. Даже невероятно живописный мурановский пейзаж кажется пронизан воспоминаниями о Боратынском, Нестерове, бродившем здесь со своим мольбертом, Аксакове, которому мы обязаны и сегодня непревзойденным бестселлером – «Записками об ужении рыбы». Неслучайно одна из разработанных и предлагаемых музеем программ, пользующаяся невероятной популярностью у посетителей музея, – программа реконструкции русской усадебной кулинарии, в которой особое место занимают именно рыбные блюда. Эта «вкусная» часть русской усадебной жизни в экспозиции музея представлена уникальной коллекцией кухонных предметов, а также фолиантами старинных поваренных книг в мемориальной библиотеке. Своеобразным символом духовной традиции стала маленькая усадебная церковь, освященная во имя Спаса Нерукотворного и построенная И.Ф. Тютчевым. Сегодня в ней трудится музейный сектор «домовой церкви» экспозиционно-выставочного отдела музея, являя собой пока еще редкий пример в России сотрудничества музея и церкви.

Одновременно Мураново является и важным научным центром по изучению русской дворянской культуры. В разное время в стенах музея были подготовлены научные труды, снискавшие признание специалистов в области филологии и истории. Сегодня научный коллектив музея завершил работу над одним из важнейшим из них – трехтомной «Летописью жизни и творчества Ф.И. Тютчева». Научные труды сотрудников музея получают и зарубежное признание. Так, в декабре 2010 г. в Страсбурге состоялся Международный

научный семинар, проведенный музеем совместно с консульством Российской Федерации, правительством города Кольмар и Страсбургским университетом. Семинар, посвященный 200-летию со дня рождения второй жены Ф.И. Тютчева – Эрнестины Федоровны Тютчевой, проводился в рамках межгосударственной программы «Год России во Франции».

Творческий и научный потенциал музея неоднократно отмечался грантами Президента Российской Федерации, РГНФ и т.д. Не так давно музей стал победителем V Грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» в номинации «Музейные исследования», проводимого благотворительным фондом Владимира Потанина. Одной из последних научно-исследовательских работ музея стал проект «Реконструкция традиционных спортивных усадебных игр». В 2014 г. музей провел Всероссийский чемпионат по игре в крокет. В 2015 г. музей планирует восстановить и спортивную площадку для игры в городки. Ее реконструкции предшествовало длительное изучение архивного материала и мемориального фотофонда.

В числе мультимедийных проектов музея – недавно созданные фильмы «Возвращение в усадьбу. Тютчевы и Мураново», «Прогулки по Муранову», «Воспоминание об Эрнестине», «Пожар в Муранове». Сюжет последнего фильма связан с трагическими июльскими событиями 2006 г., когда от удара молнии в главном доме музея произошел пожар. Фильм рассказывает о героическом спасении памятника от огня музейными сотрудниками, пожарными, военнослужащими Софринской бригады Внутренних войск и жителями местных деревень, а также о проводимой в музее кропотливой научной реставрации.

Богата и разнообразна выставочная деятельность музея. Только за последние два года взору посетителей был представлен целый ряд выставочных проектов. В Академии художеств на международном биеннале «Мода и стиль в фотографии» и в самом Муранове впервые демонстрировались хранящиеся в нем шедевры фотоискусства второй половины XIX – начала XX в., иллюстрирующие, с одной стороны, историю «светописи», а с другой – повседневную жизнь в усадьбе. На выставке была представлена и почти вся иконография Ф.И. Тютчева, включая выдающиеся постановочные фотопортреты, выполненные Левицким, Деньером (золотая медаль на Всемирной выставке в Париже в 1867 г.), Штейнбергом, Робийяром.

Столетию со дня смерти Л.Н. Толстого музей посвятил выставку «Здесь духа мощного господство… Лев Толстой и Фёдор Тютчев». Она была посвящена двум гениям русской культуры, оказавшим сильнейшее влияние на духовную жизнь России и Европы. Показывая определенный исторический срез XIX в., экспозиция была концептуально обращена в наш сложный и противоречивый XXI в. Выставка «Европейские маршруты Ф.И. Тютчева» напомнила нам, с одной стороны, о геополитическом мировоззрении поэта, с другой –

о его путешествиях по Европе в качестве дипломата. Невероятно интересна ежегодная художественная выставка «Мурановские пейзажи». Традиционно она проходит осенью в «Вишневом зале музея». На выставке представлены уникальные работы современных художников, которые можно не только посмотреть, но и приобрести за весьма умеренную цену.

Весь 2014 год музей готовился к открытию всего художественного экспозиционного художественного пространства главного усадебного дома. 4–5 декабря 2014 г., к этому торжественному событию была приурочена Всероссийская конференция «Мурановские чтения».

Сегодня работы по восстановлению после пожара первого и второго этажа почти закончены. Здесь расположилась богатейшая экспозиция изобразительного и декоративно-прикладного искусства, книжных памятников и уникальных архивных документов XVIII–XX вв. Коллекция фарфора, включающая произведения мастеров русских заводов – Императорского, Гарднера, Попова, Кузнецова, французских – Даготи, Дарта, герцога Ангулемского, изделия Мейсенской мануфактуры и Берлинского королевского завода, а также английского – Дерби и других европейских производств XVIII–XIX вв.

В обширном книжном собрании наряду с образцами, популярной в свое время литературы (например, книг из серии для «дач, пароходов и поездов»), представлено немало уникальных экспонатов. Сохранилось 70 книг, принадлежавших Ф.И. Тютчеву; интересны разнообразные Библии на старославянском и французском языках; знаменитая Французская энциклопедия Дидро и Д'Аламбе́ра, издававшаяся в 1751–1780 гг. Ряд книг несет на своих страницах пометы их владельцев. Таково, например, издание комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» 1854 г. с рукописными вставками Н.В. Путяты, восполнявшими цензурные купюры.

Особую ценность придают мурановскому собранию входящие в его состав мемориальные комплексы вещей Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева и И.С. Аксакова – первого биографа Тютчева. С этими раритетами посетитель может ознакомиться в так называемом «Кабинете двух поэтов».

Восстанавливаемая экспозиция второго этажа представляет частную жизнь семьи Тютчевых и ее гостей. Предполагается открытие мемориального кабинета первого директора музея – Н.И. Тютчева с уникальными коллекциями фарфора, стекла, графики и других шедевров русского и западноевропейского искусства.

Нельзя не упомянуть и событийную, содержательно богатую жизнь музея: это народные фольклорные сельские праздники, в течение всего года сопровождающие жизнь русского человека, и насыщенная светская жизнь, оживающая в Большой гостиной и анфиладах парадных комнат главного уса-

дебного дома, с ее музыкальными салонами и концертами, и духовная православная жизнь усадьбы и ее маленького уютного намоленного Храма.

Но есть и особые, торжественные дни, когда Мураново с трудом вмещает всех своей гостей, – это мурановские праздники. Среди них майский фестиваль искусств, фольклорный июльский фестиваль «Сенокос в Муранове», день рождения музея (первого августа), «День варенья в Муранове», спортивно-культурные праздники, детские рождественские и новогодние программы, мастер-классы для детей и взрослых, Масленица в Муранове, театрализованные концертные программы.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Ю.К. Князев. Риски глобализации и шансы России на упреждающее развитие

Yu.K. Knyazev. Risks of Globalization and Russia's Chances for Accelerated

Ключевые слова: Глобализация, мировое экономическое развитие, экономика России в XXI в., упреждающее развитие, евразийская интеграция.

Keywords: globalization, world economic development, Russian economy in the 21st century, accelerated development, Eurasian integration.

Страны СНГ объединяются в Таможенный союз, ЕЭП и Евразийский экономический союз ведомые простой идеей – невозможностью развиваться в одиночку в условиях глобализации и сопровождающей ее регионализации. Каждая страна получит возможность участвовать в реализации перспективных проектов, таких, например, как возрождение у нас авиационной промышленности, судостроения, сельскохозяйственного машиностроения и других.

The CIS countries unite into the Customs Union, Eurasian Economic Space and the Eurasian Economic Alliance led by a simple postulate – it is impossible to continue development alone in the conditions of globalization and the accompanying regionalization. Each country will be able to participate in the implementation of promising projects like air construction industry, agriculture, ship and machine building and others.

А.В. Гордон. Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности»

A.V. Gordon. The Paradigm of Chinese Modernization in the Categories of «Second Modernity»

Ключевые слова: Китай в начале XXI в., китайская модернизация, китайская культура, маоизм, роль Китая в мире.

Keywords: China in the beginning of the 21st century, Chinese modernization, Chinese culture, maoism, China's role in the world.

Несмотря на различные упрощения и патриотическую патетику, в целом картина модернизационного процесса выглядит у китайских обществоведов весьма непростой, а сам процесс – многомерным. Они призывают «избегать линейного мышления», столь характерного не только для классических теорий модернизации, но и для тех моделей модернизации, которые по-прежнему имеют распространение в КНР как среди «новых левых» сторонников социалистического пути, так и среди либеральных поборников вестернизации.

Despite various simplifications and patriotic rigor the picture of modernizing process appears very complicated in the works of the Chinese social scientists, and the very process as having many aspects. They urge to «avoid linear thinking» characteristic not only of the classical theories of modernization, but of the «new left» and liberal westernizers in China as well.

Э.Н. Соболев. Российские трудовые отношения и трудовой менталитет в условиях рыночной трансформации

E.N. Sobolev. Russian Labor Relations and Labor Mentality in the Conditions of Market Transformation

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., экономика России, рыночная трансформация, производительность труда, трудовые отношения, трудовой менталитет.

Keywords: Russia in the early 21st century, Russian economy, market transformation, labor productivity, labor relations, labor mentality.

В постсоветское время произошло резкое ослабление прямого воздействия государства на социально-трудовые отношения на предприятии. Госу-

дарство по существу отказалось от контроля за действиями собственника на частном предприятии. На частных предприятиях установился авторитарный характер управления с типичными отношениями господства – подчинения. В результате социально-экономическое положение работника на предприятии стала практически полностью определяться работодателем.

In the post-Soviet time direct impact of the state on social and labor relations was radically diminished. The state actually refused to control the actions of an owner at a private enterprise. The private enterprises came under the authoritarian management with typical domination-subordination relations. As a result the social and economic state of a private enterprise worker became fully determined by an owner.

О.А. Донских. О целях и средствах проведения образовательной реформы: Социологический анализ

O.A. Donskikh. On the Goals and Means of Implementing the Educational Reform: A Sociological Analysis

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., образовательная реформа, цели образования, образование и воспитание.

Keywords: Russia in the early 21st century, educational reform, education goals, education.

Происходит непрерывная деградация системы образования, главной причиной которой является отсутствие постановки ясных целей учителям и преподавателям. В этих условиях единственным средством проведения этих преобразований оказывается административный ресурс. Без постановки целей невозможно оценивать эффективность образовательных учреждений.

The Russian educational system is permanently degrading because of the absence of clear reform goals accessible to teachers. The administrative style becomes the only means of transformation. The lack of goal definition makes it impossible to evaluate the efficiency of the educational system.

Е.В. Кулагина. Общее образование в условиях международной конкуренции: Ориентиры развития

Ye.V. Kulagina. Common Education in the Conditions of International Competition: Guide lines for Development

Ключевые слова: Общее образование, образование в России, конкуренция образовательных систем, цели образования.

Keywords: common education, education in Russia, competition of educational systems, goals of education.

Ориентиры реформ в сфере общего образования вполне соответствуют общему тренду развития отечественной экономики, при котором, несмотря на риторику правительства, продолжает усугубляться кризис наукоемкого производства. Следует отметить и хронически низкий уровень государственного финансирования образования.

The guidelines of the common education reform fully correspond to the general trend of economic development characterized by an increasing crisis of science based sectors despite the government rhetoric. A chronically low level of financing education by the state has also be noted.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1–2015 (86)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 13.04.2015 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 900 экз. Заказ № 7

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9